

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

27 2022
ЧАСТЬ II

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 27 (422) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Доктор Осьминог*, настоящее имя — *Отто Гюнтер Октавиус*, суперзлодей, в дальнейшем антигерой, появляющийся в комиксах издательства Marvel Comics. Впервые упомянут в *The Amazing Spider-Man* № 3 (июль 1963 года). Придуман писателем Стэном Ли и художником Стивом Дитко. Это высокоинтеллектуальный злой учёный, заклятый враг Человека-паука, а также один из умнейших персонажей вселенной Marvel. На его спине располагаются четыре мощных механических щупальца. Одержим целью доказать свою гениальность и убить Человека-паука, однако вступал в конфликты и с другими персонажами Marvel, такими как Железный человек, Халк и Капитан Америка.

Родившийся в Нью-Йорке, Отто Октавиус имел трудное детство. Его отец Торберт — фабричный рабочий, был жесток по отношению к Отто и его матери Мэри. Торберт Октавиус не ценил своего слабохарактерного сына, над которым все издевались, и требовал от Отто давать сдачи, имея дело с хулиганами. Мать же старалась оградить маленького Отто от опасностей и даже запрещала ему иметь отношения с девочками, считая, что они завидуют гению Отто. Мальчик сосредоточил все свои усилия на учёбе, регулярно получая высшие баллы. Это окупилось награждением его университетской степенью. Через год обучения в университете его отец умер из-за несчастного случая на производстве, вследствие чего Отто направил все свои усилия на исследования в области физики. После окончания университета Отто Октавиус нашёл себе работу в проектной фирме.

Отто стал известным и уважаемым специалистом в области ядерной физики, изобретателем и преподавателем. Он проектировал ряд продвинутых механических инструментов, управляемых через мозговой компьютерный интерфейс, для помощи в исследовании атомной физики. Инструменты-щупальца, прикрепленные к его телу при помощи ремней безопасности, были устойчивыми к радиации, сильными и точными. Во время случайной радиационной утечки, которая закончилась сильным взрывом, аппарат был намертво присоединён к телу Отто Октавиуса. Позже было показано, что радиация видоизменила его мозг так, что он смог управлять движением своих щупалец, используя только свои мысли.

Доктор Осьминог стал одним из самых культовых персонажей в комиксах о Человеке-пауке. При своей первой встрече с Человеком-пауком Отто избил его настолько ужасно, что Питер Паркер хотел отказаться от карьеры супергероя. Доктор Осьминог повинен в смерти капитана Джорджа Стейси — отца Гвен Стейси, которая была девушкой Питера Паркера. Отто почти женился на тётке Мэй и основал Зловещую шестёрку. В дальнейшем Отто Октавиус реорганизовывал свою команду несколько раз.

Во время событий «Предсмертного желания» Отто поменялся телами с Человеком-пауком, и после последней схватки Питер Паркер в теле Доктора Осьминога погиб. Отто Октавиус переживал все воспоминания Человека-паука и поклялся творить добро, занимая место своего давнего противника на посту супергероя в своей собственной серии комиксов *The Superior Spider-Man* и её ответвлениях, в дальнейшем взяв личину Превосходного Осьминога.

Решив, что классический костюм Человека-паука не соответствует образу Превосходного Человека-паука, Отто Октавиус поменял цветовую гамму костюма с красно-синего на красно-чёрный, изобрёл новые усовершенствованные линзы, добавил острые когти на руках и ногах. Вторым вариантом костюма был ещё более далёк от оригинала. В костюме стал преобладать чёрный цвет, линзы также стали чёрными, Отто Октавиус усовершенствовал формулу паутины и веб-шутеры, добавил коммуникаторы на запястья и создал четыре дополнительные конечности для костюма, которые напоминали паучьи лапы.

Помимо костюма, доктор Отто Октавиус создал около тысячи усовершенствованных пауков-ботов, которые должны были докладывать ему о различных происшествиях в городе. После того как Отто получил от Джеймсона в распоряжение тюрьму Рафт, он оборудовал её новейшей технологией и создал там свою супергеройскую базу — Паучий Остров II.

В фильме «Человек-паук 2» (2004 г.) роль Доктора Осьминога исполнил Альфред Молина.

В дополнительных материалах к фильму «Человек-паук 2» Стэн Ли сказал, что Доктор Осьминог — один из его любимых злодеев.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Андрейченко А. С.**
Принцип добросовестности и его реализация в судебной практике корпоративного права65
- Багаутдинова А. Р.**
Активная роль суда при реализации принципа состязательности в гражданском процессе67
- Багаутдинова А. Р.**
Угрозы развития страхового рынка в России и пути их решения68
- Багаутдинова А. Р.**
Дискриминация и ее запрет в трудовом праве... 70
- Бекетова К. Н.**
Оспаривание сделок должника при процедуре банкротства71
- Веселовская А. С.**
Соотношение судебной власти с другими ветвями государственной власти74
- Воронков Н. А.**
Определение персональных данных.....78
- Заини А.**
Понятие и формы внесудебного порядка разрешения административно-правовых споров.....80
- Заини А.**
Понятие и место досудебной жалобы в механизме разрешения административно-правовых споров82
- Замараева А. С., Мамонтова Э. А.**
Понятие и значение мер пресечения в уголовном судопроизводстве. Заключение под стражу84
- Змеу М. В.**
Конституционные права граждан в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: современные проблемы86
- Картавец И. О.**
Налоговая реконструкция в условиях злоупотребления налоговым правом.....87
- Коблякова Г. Е.**
Правовая природа криптовалюты в Российской Федерации91
- Косарева К. Д.**
Актуальные тенденции киберсквоттинга92
- Косумов А. А.**
Формирование общего рынка нефти ЕАЭС94
- Котов В. В.**
Проблемы возмещения морального вреда98
- Котов В. В.**
Современное состояние института компенсации морального вреда 100
- Лобанова И. И.**
Анализ проблем организационно-правового обеспечения земель городских поселений 102
- Ляпкина Т. С.**
Название как часть произведения, охраняемая авторским правом 104
- Маркова Ю. Д.**
Трансферы в спорте: проблемы правового регулирования (на примере вида спорта «футбол») 106
- Мурадасилова З. С.**
Судебный департамент или «кровеносная система» судебной ветви власти 109
- Русакова П. А.**
Правовые аспекты территориального планирования..... 110
- Столберова В. М.**
Кибермошенничество: вопросы квалификации 112

Сучков А. В. Правовая природа иных интеллектуальных прав 114
Сучков А. В. Договоры об отчуждении и передаче интеллектуальных прав в трансграничных отношениях..... 116
Чепурко А. В. Пути повышения эффективности договорных отношений по поставке товаров, выполнению работ и оказанию услуг для государственных и муниципальных нужд 118

ИСТОРИЯ

Макеев В. О. Газета «Правда» как источник советской пропаганды 121

ПОЛИТОЛОГИЯ

Красников А. С. Особенности государственного регулирования экономического развития регионов..... 124

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Принцип добросовестности и его реализация в судебной практике корпоративного права

Андрейченко Александр Сергеевич, студент
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье рассматриваются некоторые проблемы, с которыми сталкивается российская практика корпоративного права при осуществлении в ней принципа добросовестности, приводятся позиции судов по ключевым вопросам правового регулирования данного принципа в совокупности корпоративных правоотношений.

Ключевые слова: добросовестность, корпоративное право, юридическое лицо, единоличный исполнительный орган.

Правовая конструкция принципа добросовестности известна человечеству с давних времен. Так, в римском праве зародился принцип «bona fides» (добрая совесть), который играл в нем значительную роль, помогая преторам и судьям выносить решения [1, с. 32]. На протяжении истории данный принцип появлялся во многих нормативных правовых актах частноправового характера стран континентального права¹.

В России данный принцип получил закрепление в законодательстве относительно недавно. В конце 2012го в Гражданский кодекс РФ были внесены изменения. п. 3 ст. 1 закрепил юридическую формализацию данного принципа в следующей формулировке «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно» [2]. Постановление Пленума ВС № 25 дало уже более четкую дефиницию данному принципу, определив добросовестное поведение как: «поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации» [3, п. 1]. Исходя из данных формулировок можно сделать вывод, что принцип добросовестности является центральным принципом гражданского права, без которого невозможно нормальное функционирование гражданского оборота, так как от каждого субъекта этого процесса требуется соблюдение данного принципа, а его нарушение некоторые авторы прямо приравнивают к злоупотреблению правом [4, с. 1], что является отклонением от его нормального функционирования.

Одним из непосредственных элементов гражданского оборота являются правоотношения в сфере корпоративного права. Стоит сказать, что проблема недобросовестности в данной сфере правового регулирования стоит очень колко, на что нам

указывает судебная практика российских судов. Целью же нашего исследования в данной статье является ее анализ с целью выявления наиболее острых проблем недобросовестности в сфере корпоративно-правового регулирования и их решение с точки зрения судебной практики.

Начнем мы наш анализ с позиций высших судов по вопросам, связанным с добросовестностью в корпоративном праве. Так, обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах разъяснил некоторые вопросы, связанные с добросовестным поведением единоличного исполнительного органа: «лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, вправе не выполнять указания, содержащиеся в решениях общего собрания акционеров, если это принесет вред интересам общества, поскольку наличие таких указаний не освобождает это лицо от обязанности действовать добросовестно в интересах общества (пункт 3 статьи 53 ГК РФ)» [5; п. 16]. В данном случае Верховный суд сослался на обязанность единоличного исполнительного органа общества оценивать в ходе управления обществом, насколько те или иные действия выгодны для общества и не причинят ли они вреда, несмотря на решение общего собрания акционеров. Вследствие неисполнения такой обязанности суд признает его действия недобросовестными и данный факт является основанием для привлечения единоличного исполнительного органа общества к ответственности за совершение заведомо невыгодной сделки [6; п. 16]. Также подобные решения на закате своей эпохи выносил Высший арбитражный суд: «Добросовестность и разумность при исполнении возложенных на директора обязанностей заключаются в *принятии им необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности*, ради которых создано юридическое лицо, в том

¹ См.: ГК Франции 1804 г.; ГГУ 1900 г.; ГК Италии 1942 г. и другие...

числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством. В связи с этим в случае привлечения юридического лица к публично-правовой ответственности (налоговой, административной и т.п.) по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора понесенные в результате этого убытки юридического лица могут быть взысканы с директора» [7, п. 4].

Также в последнем упомянутом нами Постановлении Пленума ВАС было конкретизировано положение, согласно которому директор юридического лица несет ответственность за убытки, причиненные в случаях недобросовестного и (или) неразумного осуществления обязанностей по выбору и контролю за действиями (бездействием) представителей, контрагентов по гражданско-правовым договорам, работников юридического лица, а также ненадлежащей организации системы управления юридическим лицом, если такие обязанности по выбору и контролю входили в круг непосредственных обязанностей директора (в том числе принимая во внимание обычную деловую практику и масштаб деятельности лица).

Касаемо определения поведения единоличного исполнительного органа юридического лица как добросовестного в Постановлении АС Волго-Вятского округа разъясняется следующее: «разумно и добросовестно, то есть, проявил ли он заботливость и осмотрительность и принял ли все необходимые меры для надлежащего исполнения своих обязанностей» [8], что соответствует позиции высших судов.

Очень интересное постановление с точки зрения корпоративного права принял АС Московского округа, в котором тот определил в чем могут выражаться неправомерные действия (бездействие) контролирующего лица в принятии ключевых деловых решений с нарушением принципов добросовестности и разумности: «согласование, заключение или одобрение сделок на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фир-

мой-однодневкой» и т.п.), дача указаний по поводу совершения явно убыточных операций, назначение на руководящие должности лиц, результат деятельности которых будет очевидно не соответствовать интересам возглавляемой организации, создание и поддержание такой системы управления должником, которая нацелена на систематическое извлечение выгоды третьим лицом во вред должнику и его кредиторам, и т. д.» [9], дав данным действиям открытый характер перечисления. Данное решение может использоваться с точки зрения доказывания недобросовестности контролирующего лица, что будет способствовать в обеспечении прав других участников юридического лица и привлечении к ответственности недобросовестного контролирующего лица.

На практике также встречается огромное множество проблем, связанных с осуществлением принципа добросовестности при проведении общих собраний участников общества. Так, в 2008 году ВАС в своем Информационном письме вывел следующее положение: «Определение в уставе или внутреннем документе акционерного общества в качестве мест проведения общих собраний акционеров населенных пунктов, находящихся вне пределов Российской Федерации, по смыслу статьи 10 ГК РФ может быть квалифицировано судом как злоупотребление правом» [10, п. 5], а соответственно может расцениваться как недобросовестное поведение.

Таким образом, мы рассмотрели различные наиболее распространенные проблемы, связанные с реализацией принципа добросовестности в корпоративном праве, которые встречаются в судебной практике. Мы рассмотрели лишь четыре проблемы, но их намного больше и изложить их всех в контексте данной статьи не представляется возможным.

Проблема несоблюдения принципа добросовестности участниками корпоративных правоотношений, как мы видим, действительно существует, причем с разных сторон. Решения же этих проблем зачастую происходит лишь только на уровне судебной практики.

Литература:

1. Римское частное право [Текст]: Учебник / Под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012.— 314 с.
2. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ // СЗ РФ.— 2012.— № 53 (ч. 1).— ст. 7627
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Рос.газ.— 2015.— 30 июня
4. Вердиян, Григорий Вачаганович. Добросовестность как общий принцип права [Текст]: монография / Г. В. Вердиян.— Москва: ЮРКОМПАНИ, 2013.— 119 с.
5. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // «Бюллетень Верховного Суда РФ».— № 5.— май.— 2020
6. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // «Бюллетень Верховного Суда РФ».— № 5.— май.— 2020
7. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 // «Солидарность».— № 31.— 28.08–04.09.2013
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 01.06.2021 № Ф01–458/2021 по делу № А43–38903/2019
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.07.2021 № Ф05–15617/2021 по делу № А40–215452/2016
10. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 // «Вестник ВАС РФ».— № 2.— февраль, 2009

Активная роль суда при реализации принципа состязательности в гражданском процессе

Багаутдинова Аделя Рамилевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В данной статье рассматриваются проблемы реализации принципа состязательности в гражданском процессе. Проведен анализ точек зрения ученых по вопросам активной роли суда в гражданском процессе как способа обеспечения правовой защиты участников процесса.

Ключевые слова: активный суд, обязанности *ex officio*, доказательства, принцип «чистой состязательности», защита прав и свобод личности.

Проблема принципов права остается одной из самых дискуссионных на протяжении всего периода развития отечественной правовой науки. Именно принцип состязательности в гражданском судопроизводстве является одним из главенствующих, поскольку состязательная форма разрешения конфликта в наибольшей степени соответствует сущности правового, демократического государства, функционирующего на основе принципа разделения властей, реализации механизма сдержек и противовесов и объявившего защиту прав и свобод личности высшей ценностью общества.

Вопрос об активности суда в состязательном процессе остается дискуссионным на протяжении всего развития российской науки гражданского процесса. Появляется все больше сторонников позиции, согласно которой превалирование диспозитивности и состязательности не всегда способствует надлежащему осуществлению всех аспектов, закрепленных в ст. 2 ГПК РФ.

Особого внимания по праву заслуживает концепция состязательности гражданского судопроизводства, предложенная Е. В. Васьковским. Он выделяет три варианта решения задачи по сборанию процессуального материала и доказательств.

Во-первых, эта задача может быть возложена на стороны. Во-вторых, только на суд. В-третьих, на стороны и на суд вместе. В первом случае суд занимает пассивное положение, а тяжущиеся полностью самостоятельны. Однако полезность и целесообразность принципа состязательности реализуется только при условии, если обе стороны являются равносильными, находясь так сказать в равной «весовой категории», являются одинаково подготовленными, что в реальном процессе объективно достичь практически невозможно.

Принцип состязательности в гражданском процессе известен еще дореволюционному праву, согласно ч. 1 ст. 50 ГПК РСФСР 1964 года, «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основании своих требований и возражений»

Однако, несмотря на законодательное закрепление, фактически он был полностью замещен обязательностью активной роли суда в выяснении обстоятельств дела, с целью достижения объективной истиной по делу

По существу судопроизводство было инквизиционным (следственным), в его принципах была реализована идея сильного, авторитарного государства, которое вмешивалось в частно-правовые отношения, брало на себя функции следствия в гражданском процессе, что в свою очередь отвечало потребностям развития того периода, социально-экономическим ре-

лиям. Очевидно, что принцип состязательности отражает тип государственного устройства и находится с ним в причинно-следственной связи.

Необходимость же активной роли суда в процессе объяснялась интересами защиты прав рабочих и крестьян, не обладающих юридическими знаниями и не имеющими возможность пригласить адвокатов. Однако под этой декларативной целью государства реализовывало свои интересы. В качестве пути совершенствования процессуального законодательства было выбрано усиление процессуальной активности суда. По сравнению с необходимостью развивать институт участия бесплатных представителей в гражданском процессе, такой путь был наименее затратным для государства.

Например, по мнению Н. М. Косторовой, закрепление принципа состязательности в ГПК РСФСР 1964 г. был лишь формально провозглашен, потому что «состязательные начала процесса сочетались со следственными».

Таким образом, бремя собирания доказательств было переложено на суд, который должен был осуществлять не свойственные его правовой природе процессуальные функции «следователя» в гражданских делах

Вместе с тем, считаю, данный вывод необоснованным. Поскольку, например, сегодня КАС РФ содержит положения, аналогичные ГПК РСФСР 1964 г. Так, согласно ч. 1 ст. 63 КАС РФ «в целях правильного разрешения административных дел суд вправе истребовать доказательства по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе». Те же полномочия были у суда, когда дела рассматривались в рамках ГПК РФ. Ведь принцип состязательности здесь не может быть обеспечен гражданско-процессуальными методами, основанными на равенстве сторон, поскольку стороны уже изначально неравны и характер правоотношений отличен от классических частно-правовых споров, следовательно методы должны соответствовать реальным правоотношениям и иметь эффективные механизмы, обеспечивающие права более слабой стороны.

Гражданин находится в неравном положении с представителем власти, поэтому именно суду отведена активная роль в получении доказательств, предоставлено право определять предмет доказывания, истребования доказательств по собственной инициативе.

По данному вопросу стоит согласиться с позицией Т. М. Яблочкова «принцип состязательности, доведенный до крайних пределов, приводит к господству формализма [2]. Очевидно, что не предоставление суду доли инициативы в разре-

шении дела, приводит к тому, что выигрывает не та сторона, которая права, а та, которая более умело ведёт процесс.

Современное понимание содержания принципа состязательности, по нашему мнению, сводится к следующему:

Во-первых, стороны обязаны доказать обстоятельства, на которые они ссылаются (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ). Если представление доказательств для сторон затруднительно, то суд по их ходатайству оказывает им помощь (ст. 57 ГПК РФ);

Во-вторых, суд не отстранен от процесса, он создает условия для сторон в реализации ими своих прав, именно судья выносит обстоятельства на обсуждение, распределяет бремя доказывания. (ч. 2 ст. 12, ч. 2 ст. 56 ГПК РФ);

В-третьих, в качестве исключения суд имеет право собирать доказательства по собственной инициативе: назначение экспертизы, привлечение к участию в деле эксперта (ст.ст. 79, 82, 83, 87, п. 8 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ); направление судебного поручения (ст. 63, п. 11 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ); привлечение специалиста (ст. 188 ГПК РФ) [1].

На сегодняшний день главная задача государства — обеспечить баланс между состязательностью сторон и активностью суда.

В науке признается двойственная природа процессуальных обязанностей суда как органа, призванного защищать не только интересы частных лиц, но и всего общества в целом, и как следствие — наличие в российском законодательстве процессуальных обязанностей суда перед государством, т.е. обязанностей *ex officio*, реализуемых независимо от волеизъявлений участвующих в деле лиц.

Таким образом, основной посыл, идея принципа состязательности состоит в том, что правосудие осуществляется на основе состязательности сторон, а суд оказывает содействие лицам, участвующим в деле, в реализации их прав, разъясняет им их права и обязанности, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения закона. В этом смысле вполне логична конструкция ст. 12 ГПК РФ, раскрывающая сущность состязательности, первая часть которой

закрепляет положение сторон, а вторая часть посвящена полномочиям суда. Вместе с тем положение ч. 2 ст. 12 ГПК РФ не полностью раскрывает процессуальные полномочия суда. Есть в ГПК РФ нормы, которые иначе определяют степень участия суда в доказывании, что говорит о двойственности положения суда в гражданском процессе. С одной стороны, суд создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ), а с другой стороны, суд обязан непосредственно исследовать доказательства (ч. 1 ст. 157 ГПК РФ), определить обстоятельства, имеющие значение для дела (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ).

Аргументы в пользу усиления роли суда в процессе доказывания в гражданском судопроизводстве сводятся к следующим положениям:

Низкий уровень правовой культуры граждан. Стоимость юридических услуг высока, и не каждый человек может себе позволить нанять хорошего специалиста для получения квалифицированной юридической помощи. Состязательный процесс требует юридической грамотности и специальной подготовки участников процесса.

Концепция, согласно которой на суд не может быть возложена обязанность по истребованию доказательств по своей инициативе, занижает возможности суда по защите нарушенных и оспариваемых прав и законных интересов граждан. Если стороны не представили необходимые доказательства в обоснование своих требований и возражений или не обратились в суд с ходатайством об истребовании доказательств, на суд должна быть возложена обязанность по самостоятельному истребованию доказательств

Таким образом, предоставление суду в некоторых случаях возможности самостоятельного собирания доказательств частично решит проблему неравенства сторон в гражданском процессе. С учетом современных реалий придание суду больших процессуальных возможностей по собиранию и оценке доказательств может привести лишь к тому, что суд вынесет объективное и законное решение, и наоборот, пассивное поведение суда в процессе может стать препятствием при рассмотрении гражданских дел.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс от 14.12.2002 № 138-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации».
2. Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль. 1912. С. 38–39.

Угрозы развития страхового рынка в России и пути их решения

Багаутдинова Аделия Рамилевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В данной статье представлены основные тенденции, характеризующие состояние российского страхового рынка. Проведен анализ причин сокращения страховых организаций, предлагаются способы преодоления кризиса страховыми сообществами.

Ключевые слова: страхование, страховые продукты, перестраховочный пул, финансовая доступность, страховой портфель.

Страховые компании как важный элемент финансовой системы сталкиваются сегодня с новыми вызовами, в том

числе с конкуренцией со стороны других участников финансового рынка, так как ведущие банки страны предлагают своим

клиентам не только финансовые услуги, но и активно развивают различные направления страхования, путем создания своих отдельных дочерних организаций, что объективно способствует изменению страховой отрасли, указывает на необходимость освоения новых технологий, повышения качества предоставления страховых услуг.

В теории существует концепция, согласно которой страхование должно давать уверенность обществу в завтрашнем дне, необходимую помощь в сложных ситуациях, но современной российской практикой это не подтверждается.

На сегодняшнем этапе развития страховая отрасль в России сталкивается с рядом проблем, угрожающих стабильности развития всего страхового сектора.

Так, прослеживается тенденция сокращения количества страховщиков на рынке. По данным, представленным Центральным Банком, а также Российским Союзом Автостраховщиков (РСА) число страховщиков постоянно сокращаются [1]. Благодаря отчету ЦБ РФ мы можем проследить активную динамику сокращения и прийти к выводу, что только за 6 месяцев количество страховых компаний, работающих на рынке РФ, сократилось на 17 единиц. Среди них такие компании как ООО «НСГ-РОСЭНЕРГО», АО СК «СТЕРХ», ООО СК «СЕРВИСРЕЗЕРВ», и другие [2].

Очевидно, что перераспределение больших рисков на меньшее количество субъектов приводит к монополизации страхового рынка, к концентрации страхового бизнеса в «одних руках» несколькими финансово устойчивыми организациями, в основном имеющими свои банки, например, АО «АЛЬФА-СТРАХОВАНИЕ», «Тинькофф страхование», которые более того, для привлечения клиентов устанавливают более низкие страховые тарифы, тем самым вытесняют других страховщиков с рынка.

По нашему мнению, ключевые проблемы, угрожающие рынку страхования в России заключаются в следующем:

Во-первых, российский страховой рынок отличается низкими финансовыми показателями деятельности (в сравнении с зарубежными рынками), а снижение совокупного уставного капитала еще больше увеличивает его финансовую несостоятельность в принятии крупных рисков.

Во-вторых, олигополизация страхового рынка, при которой, учет интересов страхователей будет незначителен;

В-третьих, жесткие требования к страховщикам, установленные Центральным банком РФ, что увеличивает регулятивные риски.

В-четвертых, большая убыточность страховых портфелей страховых компаний, когда темпы роста выплат превышают темпы роста премий. Так, одним из важнейших событий в 2016 г. стало объединение крупнейшего страховщика России — «Росгосстрах» с финансовой группой «Открытие». Причиной стали значительные финансовые убытки Росгосстраха снижения доходов в главном сегменте — ОСАГО. Это еще раз подтверждает тот факт, что одни только «моторные» виды страхования для страховщиков финансово разорительны.

Однако, все же положительная динамика прослеживается, проблема была частично решена путем внесения изменений в систему ОСАГО предполагающую натуральное возмещение

имущественного вреда, что позволило во многом решить проблему с деятельностью недобросовестных автоэкспертов и снизить мошенничества, но все же, стоимость деталей по-прежнему остается очень высокой и с изменяющимся курсом доллара напротив с каждым днем увеличивается [3]. Поврежденное транспортное средство направляется на ремонт при отсутствии должного контроля со стороны компании. Все вышеперечисленные проблемы приводят к судебным спорам страхователей со страховыми компаниями и как следствие потери доверия общества к страховым институтам

На сегодняшний день, когда возможности большинства страховщиков при страховании гражданской ответственности начинают выходить за рамки их возможностей урегулирования дела и выплат страхового возмещения, назрела проблема полного обеспечения возврата денежных средств при наступлении страховых случаев

В современном российском законодательстве в качестве таких объединений в основном указываются перестраховочные пулы. Страховой — это добровольное объединение страховщиков, не являющееся юридическим лицом, созданное на основе соглашения между ними в целях обеспечения финансовой устойчивости страховых операций на условиях солидарной ответственности его участников за исполнение обязательств по договорам страхования, заключенным от имени участников пула. Перестрахование — это процесс перераспределения риска между страховщиками. Страховщик принимает от страхователя риски на собственную ответственность, затем перераспределяет эти риски между собой и другим страховщиком. Этот процесс передачи всего риска или его части называют перестраховочной цессией, а также перестраховочным риском

По нашему мнению, положительный момент от начала работы перестраховочного пула, что страховщики смогут продавать полисы нецелевым клиентам во всех каналах продаж. Если ранее они перенаправляли клиента в систему «Е-Гарант», только если он приходил к ним непосредственно на сайт, то сейчас, когда действует механизм перестрахования, они могут продавать полисы «нецелевым» клиентам не только на своем сайте, но и на любом другом сайте-посреднике. Это значит, что количество предложений на выдаче у агрегаторов возрастет.

Одна из главных проблем, по нашему мнению, заключается в том, что страхование сегодня рассматривается гражданами никак способ защиты интересов, а как формальная обязанность (обязательные виды страхования)

Так, можно сформулировать следующие направления эффективного развития страхования как реального метода управления рисками:

- 1) проведение работы по повышению финансово-правовой грамотности населения;
- 2) упорядочение системы обязательного страхования в части страховых выплат по случаям причинения вреда жизни и здоровью;
- 3) реформирование системы ОСАГО как одного из самого популярного вида, но в свою очередь и самого убыточного.

Таким образом становится очевидным, все указывает к необходимости проработки добровольных видов страхования, ведь именно они могут служить базисом для формирования сбалансированных страховых портфелей. В свою очередь, для этого

необходимо повышение качества работы, поскольку только высокий уровень предоставляемых услуг способен склонить к до-

бровольному спросу, что позволит сделать страхование одним из самых эффективных методов управления рисками.

Литература:

1. Российский Союз Автостраховщиков [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://autoins.ru/kompensatsionnye-vyplaty/perechen-strakhovykh-kompaniy-s-otozvanoy-litsenziei/>
2. Решение Банка России в отношении субъектов страхового дела [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://cbr.ru/rbr/nfoprikaz/>
3. Закон о «натуральном» ОСАГО прошел третье чтение в ГД [Электрон. ресурс] // Новости. Клуб журналистов «KORINS».— 17.03.2017.— URL: <http://www.korins.ru/posts/3433-zakon-o-naturalnom-osago-proshel-tretie-chtenie-v-gd>.

Дискриминация и ее запрет в трудовом праве

Багаутдинова Аделия Рамилевна, студент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного

В данной статье рассматриваются проблемы реализации принципа запрета дискриминации в сфере труда. На основании анализа норм международно-правовых актов, российского законодательства, а также судебной практики выявляются основные проблемы, снижающие уровень правовых гарантий в защите трудовых прав работников

Ключевые слова: дискриминация, международно-правовые нормы и стандарты, трудовые отношения, работник, работодатель.

Принцип запрета дискриминации в сфере труда выступает одним из главенствующих принципов трудового права. Дискриминация (лат. *discrimination* «ущемление») — это ограничение прав граждан, а именно личности по признакам пола, расы, национальности, вероисповедования, политических взглядов, их принадлежности к определенной социальной группе.

Многие международные документы в области защиты прав человека содержат данный принцип, однако общего определения понятия «дискриминация» в них не содержится. Таким образом, общее определение можно вывести лишь из отдельных документов, запрещающих дискриминацию в конкретных сферах.

Важнейшей вехой в становлении принципа запрета дискриминации стали международно-правовые нормы и стандарты в области охраны трудовых прав работников. На сегодняшний день практически во всех международно-правовых актах, касающихся прав человека, содержатся нормы, запрещающие дискриминацию, что в полной мере соответствует современной концепции прав человека.

Основываясь на принципе достижения реального равенства, антидискриминационное законодательство в развитых капиталистических странах стало стремиться к предоставлению дополнительных прав отдельным субъектам права, нуждающимся в повышенной правовой защите, с тем чтобы обеспечить им реальное равенство возможностей. Подобного рода нормы в англосаксонском праве принято называть позитивными или нормами компенсирующего действия.

Всеобщая декларация прав человека ООН 1948 закрепляет положение: «все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона» [1]. Аналогичный

принцип закреплен и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года. Статья 26 данного пакта гарантирует равенство всех людей перед законом и наличие права на равную защиту закона без какой-либо дискриминации. Однако наиболее развернутое определение содержит в себе Конвенция МОТ № 111 «О дискриминации в области труда и занятий» [2].

Согласно данной Конвенции МОТ дискриминация означает «всякое различие или предпочтение, проводимые по признаку расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, иностранного происхождения, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращений в области труда и занятий»

Российская Федерация в соответствии с международными обязательствами закрепила в своем законодательстве принцип запрета дискриминации в любой форме, в том числе и в сфере труда. Согласно ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка происхождения, имущественного, должностного положения, места жительства, отношения к религии, а также других обстоятельств. Часть 3 статьи 19 закрепляет положение о том, что мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Далее, Конституция провозглашает, что каждый имеет право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации (ч. 3 ст. 37).

Трудовой Кодекс же в статье 3 конкретизирует данный принцип в качестве отраслевого принципа. Однако, в кодексе дискриминация определяется законодателем лишь косвенно через такие понятия как «ограничение прав» и «преимущества». Также отсутствует разъяснение, что представляют собой «другие обстоятельства», поэтому не совсем ясно, что хотел до-

нести законодатель, оставляя данный перечень открытым, что очевидно является недостатком, поскольку расширительное толкование всегда открывает возможность недобросовестным участникам трудовых правоотношений к злоупотреблению.

В настоящее время, дискриминация в сфере труда проявляется как при приеме на работу, во время работы, так и при увольнении. Помимо традиционных факторов таких как раса, национальность, пол, цвет кожи, могут быть отнесены новые факторы, проявляющие себя на рынке труда, а именно: возраст, наличие прописки, инвалидность, наличие семейных обязанностей, беременность, презентабельный внешний вид. Обнаружить дискриминацию сегодня не сложно, достаточно посмотреть объявления о вакансиях в интернете и требованиям, выдвигаемыми работодателями.

В качестве основных проблем в сфере защиты прав работников от дискриминации нами были определены следующие: отсутствие законодательного определения понятие дискриминации, далее сложность процесса доказывания работниками факта дискриминации в отношении них. Для решения данных проблем нами предлагаются следующие пути реформирования законодательства.

Во-первых, сначала необходимо изменить саму процедуру доказывания по данной категории дел, доказывания события дискриминации, а именно процесс собирания доказательств, которых на сегодняшний день у работников нет. У нас в противоречие со всеми международными рекомендациями и нормами не установлено специального распределения бремени доказывания по трудовым спорам, а действует универсально гражданско-правовой принцип о том, что каждая сторона обязана доказать обстоятельства, на которые она ссылается и идет прямая отсылка к ст. 56 ГПК.РФ. Однако, в частноправовых отношениях стороны между собой равны, следовательно и методы правового регулирования другие, в трудовых отношениях одна из сторон, а именно работодатель изначально находится в более выгодном положении. Сегодня практика показывает, что доказать дискриминацию при таком раскладе невозможно. Помимо вопросов, связанных с доказыванием факта дискриминации и судебной защитой права не быть дискриминиро-

ванным, очень важен такой аспект данной проблемы, как последствия признания факта дискриминации для виновного лица. По мнению ЕКСП, «средства защиты, предоставляемые жертвам дискриминации, должны быть адекватными, обеспечивающими защиту и носящими сдерживающий от дальнейших нарушений характер». Основной способ защиты лица, столкнувшегося с дискриминацией,— это выплата компенсации причиненного морального вреда [3].

Во-вторых, необходимо создание специализированного органа по рассмотрению и разрешению споров о дискриминации. На сегодняшний день рассмотрение данной категории дел отнесено к прерогативе судов (ч. 3 ст. 391 ТК РФ). Стоит отметить, что обращение в органы прокуратуры не даст результатов поскольку прокуратура рассматривает жалобы только с точки зрения, есть ли основания для возбуждения уголовного дела по ст. 136 УК.РФ (Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина).

В-третьих, усиление участия образовательных учреждений в трудоустройстве студентов на работу. Это позволило бы бороться с дискриминацией как молодых специалистов без опыта работы, так и инвалидов, прошедших обучение в конкретном учебном заведении. Полагаем, что именно вузах должны быть эффективно работающие центры трудоустройства. Кроме того, необходимо сделать студенческую практику оплачиваемой, пусть и в небольшом размере — это, с одной стороны, мотивировало бы работодателей яснее подбирать практиканту задачи, не взваливая на него не имеющие отношения к его будущей профессии функции, а с другой стороны, обеспечило бы будущему выпускнику требуемый опыт работы в нужной сфере.

Таким образом, можно сделать вывод, что отсутствие четкого понятийного аппарата в трудовом законодательстве дает возможности недобросовестным работодателям толковать нормы выгодным для себя образом, в работники сталкиваются со сложностью отстоять свои права в судебном процессе, потому что работники изначально имеют слабую позицию с процессуальной точки зрения, что является главным недостатком законодательства, так как легко заявить о дискриминации, но трудно доказать, что она имеет место в конкретной ситуации.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.)
2. Конвенция Международной Организации Труда N111 о дискриминации в области труда и занятий (Женева, 25 июня 1958 г.)
3. Council of Europe. Conclusions of the European Committee of Social Rights, 2006. P. 29.

Оспаривание сделок должника при процедуре банкротства

Бекетова Ксения Николаевна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В настоящей статье на основе анализа законодательства Российской Федерации, судебной практики и научных трудов проведен анализ относительно вопроса о соотношении общего и специального законодательства об оспаривании сделок касаясь их действительности при процедуре банкротства. Были выявлены проблемы правового регулирования процедуры оспаривания сделок

должника при процедуре банкротства. Выявлены проблемные вопросы относительно предмета оспаривания сделок при банкротстве, а также вопрос о субъектах, имеющих возможность оспаривать такие сделки.

Challenging transactions debtor in bankruptcy procedure

In this article, based on the analysis of the legislation of the Russian Federation, judicial practice and scientific papers, an analysis is carried out regarding the question of the ratio of general and special legislation on challenging transactions with respect to their invalidity in bankruptcy proceedings. The problems of legal regulation of the procedure for challenging the debtor's transactions during the bankruptcy procedure were identified. Problematic issues regarding the subject of contesting transactions in bankruptcy, as well as the question of subjects who have the opportunity to challenge such transactions, have been identified.

В последнее время на практике стали частыми случаи злоупотребления должниками своими правами, инициация процедуры банкротства, с сохранением большей части своего капитала путем заключения фиктивных сделок.

Иными словами, люди, которые осуществляют непосредственное управление деятельностью компании и принимают значимые решения, располагают информацией о неустойчивом финансовом положении компании и возможных негативных факторах её развития в виде наступления банкротства, могут реализовать на практике скрытие различного рода активов компании. Это делается для того, чтобы при наступлении процедуры банкротства кредиторы компании не могли получить данные активы в зачет своих требований.

В связи с вышеизложенным считаю, что одним из важных мероприятий в процедуре несостоятельности (банкротства) является процесс оспаривания сделок.

Во избежание ситуации, в процессе которой наступает злоупотребление как со стороны должника, так и со стороны конкурсных кредиторов, реализуются на практике такие действия, как оспаривание сделок при процедуре банкротства. Данное оспаривание может осуществляться со стороны должника, кредиторов и соответствующих органов, которые стремятся удовлетворить свои требования в обход законных оснований. Таким образом, в результате оспаривания сделки основные положения процедуры банкротства могут изменяться и приобретать новые обороты. В качестве примера можно привести такую ситуацию: предприятие подало на банкротство, при этом основные кредиторы подали на удовлетворение требований. Однако, в результате рассмотрения дела сделка была признана недействительной и они утратили свои права в то время, как другие кредиторы могли в свою очередь получить соответствующее влияние посредством того, что в ходе рассмотрения процедуры на собрании кредиторов было принято соответствующее решения.

Однако, оспаривание сделок имеет двухсторонний характер: данная процедура может использоваться как для защиты интересов от злоупотребления, также и для достижения недобросовестных целей. Как известно, в большинстве случаев процедура банкротства открывается со стороны должника в тех целях, чтобы он мог избавиться от кредиторской задолженности в силу того, что не имеет возможности осуществлять далее деятельность и выплачивать соответствующие обязательства. Исходя из этого можно сказать, что такие сделки, хотя

и являются правильными с точки зрения гражданского законодательства, но имеют определённый признак недействительности с позиции участников процедуры.

Оспаривание сделок и соответствующие вопросы касательно данного процесса регулируется главой III.1 Федерального закона от 26.10.2002 N127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1].

Оспаривание сделок в процедуре банкротства возможно по специальным основаниям, установленными Законом «О несостоятельности (банкротстве)», а также по общим основаниям, установленными Гражданским Кодексом РФ (Далее — «ГК РФ»).

Однако, в практической деятельности довольно часто можно встретить случаи оспаривания сделок на основании соответствующей ст. 10 и ст. 168 ГК РФ [2]. Данный подход востребован по причине желания обойти более короткий срок исковой давности, предусмотренный для ряда специальных оснований, изложенных в законодательстве о несостоятельности и банкротстве, а также более низкими стандартами доказывания для доказательства истинности сделки.

Рассмотрим следующий пример. В Верховный суд Российской Федерации поступило дело за номером А41–20524/2016. В результате рассмотрения данного дела судом было установлено, что для того чтобы рассматриваемая сделка была признана ничтожной, необходимо выявить тот факт, что в процессе сделки были выявлены нарушения, которые в свою очередь выходили за рамки диспозиции ч. 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 N127-ФЗ. В соответствии с рассмотрением другого подхода можно отметить, что содержание упомянутой части 2 статьи 61.2 не является действительным, поскольку более важное значение здесь приобретает содержание норм о злоупотреблении права. То есть, то лицо, которое реализовало оспаривание сделки с его точки зрения подозрительной, смогло обойти правило о сроках исковой давности. Однако, в данной ситуации это недопустимо [3]. Следует отметить тот факт, что в практике высших судебных инстанций довольно часто рассматриваются подобные дела. Но на сегодняшний день до сих пор нет конкретных критериев, согласно которым происходит оспаривание сделок и данный процесс выходит за пределы норм закона о банкротстве. В соответствии с этим не всегда имеется возможность установить в короткие сроки допустимость или недопустимость оспаривания сделок, что осложняет процесс.

Следует отметить, что существуют различные основания, согласно которым сделка может быть оспорена. При этом такие основания могут носить как специальный характер, так и общий.

В связи с тем, что инициаторы оспаривания сделок стремятся добиться своей цели в более короткие сроки и во избежание ошибок, они при подаче соответствующих инициатив указывают все основания, которые могут быть применимы в отношении данной ситуации.

Однако, если рассматривать именно процедуру банкротства, то здесь можно отметить наличие более расширенного комплекса возможностей, совместно с которыми можно оспаривать соответствующие сделки и решения должника.

Так, если рассматривать пункт 3 ст. 61.1 Закона о банкротстве, то здесь имеется разрешение о том, что за счёт должника или другого лица, которое имеет непосредственное отношение к данной процедуре, можно осуществлять оспаривание соответствующих действий. Эти действия регулируются в соответствии с нормами гражданского, трудового, семейного и других законов, которые действуют на территории Российской Федерации. Также сюда можно отнести документы, в соответствии с которыми устанавливается заработная плата, расчёт соответствующих премий и т.д.

Исходя из этого можно отметить, что выплата заработной платы являются также сделкой, которая возникает на основании действия трудового договора и регулируется в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации [4].

Согласно пункту 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 к подобным действиям относятся также:

- действия, которые возникают в результате инициации кредитором требования, согласно которому должник должен направить ему компенсационную выплату;

- действия, которые возникают на основании необходимости погасить задолженность перед банковскими организациями, в соответствии с чем происходит списание денег со счетов безакцептным способом. Кроме того, часто могут списываться денежные средства для покрытия задолженности перед другими кредиторами в том случае, если в банках имеются соответствующие исполнительные листы;

- действия, которые возникают в результате необходимости выплаты денежных средств в результате возбуждения исполнительного производства. При этом выплата производится за счёт тех средств, которые имеются на счётах или за счёт проданного имущества;

- действия, которые возникают в результате того, что взыскатель решил в результате возбуждения исполнительного производства и его удовлетворения оставить себе имущество соответствующего должника, а также стать залогодержателем тех предметов, которые выступают в качестве соответствующего залога в результате возбуждения исполнительного производства [5].

Исходя из вышеперечисленного можно отметить, что признанная недействительной сделка, которая не имеет отношения к банкротству, в соответствии с решением арбитражного суда также может быть признана недействительной.

Если рассматривать тот вопрос, когда должник оспаривает какие-либо действия, которые были реализованы в процессе производства по делам несостоятельности, то он может вы-

зывать некоторые вопросы в случае, если они не связаны с гражданско-правовыми сделками.

В соответствии с мнением такого автора, как А.Э. Циндяйкин, в Гражданском кодексе не имеется возможности осуществлять оспаривание действий должника, который не имеет прямого отношения к соответствующей сделке. Так, здесь речь идёт о сделках, которые совершаются в рамках различных отраслей права, не имеющих прямого отношения к гражданским. Кроме того, некоторые авторы считают, что оспаривание действий должника необходимо осуществлять в соответствии с нормами, которые имеют отношение к другим отраслям права.

Следует отметить, что ввиду оспаривания сделок не всегда можно сразу определить субъектов данных сделок, если идет речь о процедуре несостоятельности в рамках арбитражного суда. В данной процедуре имеет заинтересованность в первую очередь кредитор заявленного банкрота. Это связано с тем, что в соответствующем законе и его первой редакции кредиторы имели соответствующие полномочия, что также относилось к внешнему арбитражному управляющему и конкурсному.

Однако, данное регулирование в результате привело к тому, что процедура банкротства приобретала затянутые сроки, что в результате привело к исключению кредиторов из основных субъектов при оспаривании сделок.

В соответствии со ст. 67.9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» к данным субъектам при оспаривании сделки можно отнести следующие категории лиц

- арбитражный управляющий, который может быть внешним или конкурсным — данное лицо наделено полномочиями осуществлять инициирование соответствующего оспаривания сделок. При этом данная инициатива может быть по воле должника, а также в соответствии с проведенным собранием кредиторов и их решения;

- конкурсный кредитор или уполномоченный орган — в данном случае речь идёт прежде всего о такой ситуации, когда кредиторская задолженность в совокупности является выше чем 10% от суммы требований кредиторов, которые имеются в соответствующем реестре рассматриваемого дела о банкротстве. В данной ситуации не идёт речь о тех сумма задолженности, которые имеют отношение к конкурсному кредитору, реализующему соответствующую сделку оспаривания и тех лиц, которые являются непосредственно аффилированными с ним;

- временная администрация соответствующей финансовой организации — в данном случае необходимо ориентироваться на положения, установленные соответствующем законом.

Относительно данной ситуации выразил свое мнение автор К.Б. Кораев, согласно которому отказ от первоначального подхода касательно субъектов оспаривания сделок должника ставится под сомнение. Это связано с тем, что учёные считают, что такой отказ приводит к пропорционально увеличивающемуся числу заявлений кредиторов в соответствующий арбитражный суд. При этом основным предметом подачи таких заявок выступает признание незаконным бездействие арбитражного управляющего, поскольку им не осуществляется оспаривание сделок должника — «банкрота».

Закон о несостоятельности (банкротстве), устанавливающий особые основания для оспаривания арбитражным судом

сделок должника — «банкротства» об их недействительности, не устанавливает особых правовых последствий такого признания, что приводит к выводу о необходимости применения общих норм Гражданского кодекса о реституции.

Однако Шишмарева т.п. справедливо обращает внимание на то, что положения п. 6 и 9 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве не соответствуют нормам п. 2 ст. 167 ГК РФ, предусматривающих двустороннюю реституцию.

Так, имеется определённое несоответствие, поскольку в случае вынесения положительного решения судом в пользу кредитора должника, который находится в процедуре банкротства, требования соответствующего кредитора удовлетворяются в соответствии с порядком закона о банкротстве. То есть, требования удовлетворяются в соответствии с его очередностью на основании данного закона.

В соответствии с этим получается такая ситуация, что добросовестный кредитор осуществляет возврат того, что он в свою очередь получил от должника в рамках сделки, при этом не происходит обратный процесс.

В таком случае арбитражный суд накладывает обязанность на соответствующее ответственное лицо в виде арбитражного управляющего о том, что он должен отнести данного контрагента в реестр кредиторов должника. Данная процедура относится непосредственно к несостоятельности (банкротство).

На практике арбитража бывают такие ситуации, когда в случае установления судом продажи товаров по рыночной цене уже в реституции соответствующими органами дается отказ. В соответствии с той ситуацией, когда имущество продается по заниженной цене, то тогда уже идёт рассмотрение в соответствии со ст. 10 ГК РФ. В таком случае лицо, которое осуществило покупку соответствующего имущества по соответствующей заниженной цене может не получить все денежные средства, в результате реституции.

Исходя из этого, следует отметить, что ведение в работу специальных оснований для оспаривания сделки должника необходимо в связи с различными причинами, в том числе экономическими, правовыми и другими, предусмотренными в ГК РФ.

Действующее законодательство о банкротстве, которые определяют регламент по урегулированию вопросов относительно процедуры оспаривания сделок, предмета оспаривания таких сделок при процедуре банкротства, субъектов, которые должны иметь право на оспаривания и т.д., вызывает спорные подходы к его применению, требующие дальнейших дополнительных разработок со стороны юридической доктрины и предполагает совершенствование законодательства, регулирующего отдельные аспекты оспаривания сделок должника в рамках процедуры банкротства.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. ст. 4190.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 31.08.2017 № 305-ЭС17-4886 по делу № А41-20524/2016 // <https://base.garant.ru> (дата обращения 14.03.2022)
4. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 12 апреля 2018 г. № Ф03-1223/2018 // <https://www.garant.ru> (дата обращения 14.03.2022)
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

Соотношение судебной власти с другими ветвями государственной власти

Веселовская Алена Сергеевна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье проведен анализ соотношения понятий «государственное управление» и «судебная власть» на основе взглядов ученых прошлого и настоящего на взаимодействие судебной власти с другими ветвями власти в процессе осуществления государственного управления в Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная власть, государство, государственное управление, функции государства, взаимодействие ветвей власти.

Введение. Актуальность состояния становления судебной власти как независимой и самостоятельной ветви власти является неотложным вопросом настоящего. Сам термин «судебная власть» в истории Российской Федерации впервые за-

креплен на конституционном уровне совсем недавно, только с обретением Российской независимости. Учитывая это, принципиальное значение приобретает исследование становления судебной власти, определение ее роли, функций в демократи-

ческом, правовом государстве и особенности взаимодействия судебной власти с органами государственного управления, а также дальнейшее реформирование судебной системы, ее соответствие европейским стандартам и принципам судопроизводства, а именно — реформирование.

Анализ последних исследований и публикаций. Стремление Российской Федерации быть признанным правовым и демократическим государством, построенным на основе и принципе верховенства права человека, обусловлено необходимостью научного понимания роли судебной власти Российской Федерации в процессе становления независимости и демократии в государстве, систематизацией практической и эффективной судебной защиты населения в соответствии с международными стандартами. Выполнить эти задачи невозможно без коренных изменений в сфере осуществления правосудия, становление его как действительно независимой, самостоятельной ветви государственной власти.

Актуальным вопросам становления судебной власти в Российской Федерации посвящены труды таких известных исследователей как А. Гриненко, В. Кампо, В. Керецман, М. Корниенко, В. Кравченко, В. Маляренко, П. Мартыненко, В. Онопенко, В. Погорелко, А. Семерак, В. Сиренко, В. Скомороха, В. Стефанюк, В. Тараненко, И. Тимченко, Ю. Шемшученко и другие.

Вопросами методологии и теории истории государственного управления сегодня занимаются Ю. Кальныш, Л. Штыка, С. Кравченко, Н. Желих, И. Шкурат, И. Радзиевский. Многими исследователями отмечается, что судьи подконтрольны закону, но четко не определяются нормы государственного надзора за соблюдением судами и судьями этих норм. Вопрос контроля за деятельностью судей и судов практически остается без внимания ученых. Такая ситуация привела к тому, что правомерность решений судей является наиболее актуальным вопросом настоящего, а также тем вопросом, который неоднократно поднимается европейскими международными организациями и отечественными правозащитниками. При этом нельзя не согласиться с утверждением исследователей, отмечающих, что действенное судопроизводство — это признак демократического государства.

Результаты исследований. Будучи в большинстве своем выразителем интересов доминирующей части населения, а в определенных вопросах и всего населения, государственная власть относительно самостоятельна. Это свойство, по мнению отдельных ученых, обусловлено тем, что государственная власть организационно отделена от общества в целом, от любых групп и классов (в т.ч. до минующих); имеет собственное внутреннее устройство (структуру) и особые, специфические интересы; зависит не только от доминирующей части населения (группы, класса), а в той или иной степени и от других социальных групп общества, и не только от влияния различных социальных группировок внутри страны, но и от внешнеполитических условий.

Относительная объективность государственной власти — объективная основа существования ее переходных по социальной сущности типов [1, с. 144–145].

Правительство является единственным субъектом государственного управления, совокупностью конкретных организационных носителей управленческих функций — государственных органов, между которыми распределены разные

виды деятельности страны. Таким образом, государство — это: 1) совокупность людей, территории, на которой они проживают, и суверенной в пределах данной территории власти. В этом понимании термин «государство» тождественен понятиям «страна», «основной субъект международного права»; 2) организация политической власти, главный институт политической системы общества, направляющий и организующий посредством норм права совместную деятельность людей и социальных групп, защищающий права и интересы граждан, аккумулируя в своих руках властные полномочия. Государство политически игнорирует общество и представляет его как во внутренних, так и внешних отношениях [2, с. 155].

Каждый орган государства, в том числе и судебный, представляет собой относительно самостоятельное, структурно обособленное звено государственного аппарата, создаваемое с целью осуществления определенного общественно важного вида государственной деятельности, наделенное соответствующей компетенцией и обеспеченное в процессе реализации полномочий организационной, материальной и принудительной силой политической структуры общества.

Однако государственная власть — это лишь определенный набор полномочий, прав и обязанностей государственных органов, так сказать, «потенциальная» возможность оказывать организационное влияние на членов общества.

Государственная власть, осуществление реального влияния на общественные процессы требуют существования определенных форм ее выражения, объективации, чем и выступает государственное управление. Рассматривая историческое развитие государственности как переход от целостного аппарата власти к дифференцированному, можно говорить о ветвях или ветвях государственной власти, которые образовались в процессе исторического прогресса развития, витка государственности и были исторически обусловлены отдельными «властями, функциями» [3, с. 99].

На основе вышеперечисленного следует выделить основные признаки государственной власти, характеризующиеся: 1) способом формирования; 2) общностью функций; 3) предметом регулирования публичных отношений; 4) ответственностью.

Функции демократического государства, включающие обеспечение равноправного участия граждан в управлении государством, обеспечение контроля за функционированием структур управления государством, соответствует триаде властей, их структурам: законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть. В этой триаде последний компонент (судебная власть) уравнивает усилия первых двух компонентов и «снимает» противоречия между ними. Следует понимать, что, очевидность всех трех компонентов (институтов) власти сама по себе еще не гарантирует демократичности всего общества. Если значительная часть населения лишена прав, то тип государства будет не демократическим, а аристократическим (понимание Аристотеля или Платона), то есть это будет власть меньшинства над большинством. Более того, даже в тоталитарном государстве могут существовать все три института власти, но демократичность общества будет зависеть от их функций и роли в обществе. Прямой пример — бывший Советский Союз [1, с. 668].

Задачи всесторонней и полной организации становления отношений между членами гражданского общества требуют постоянной, непрерывной и согласованной деятельности всех без исключения государственных органов. Государственные органы оказывают реальное влияние на всех членов общества, то есть они ими управляют со стороны государства. Достаточно удачным и обоснованным является объяснение правомерности и целесообразности применения понимания категории «государственное управление» как определенного вида деятельности органов государства, имеющего исполнительный и распорядительный характер и заключающегося в организующем воздействии на общественные отношения в экономической, социальной, культурной и административной, политической сферах путем применения государственно-властных полномочий и деятельность исполнительно-распорядительного органа по воздействию на объект управления для его перевода в другое состояние, необходимое для достижения цели соответствующего территориального образования, благодаря принятию правовых актов, организации и контроля за их исполнением. Организующей деятельностью государства, прежде всего, правления. Этот вид управления называют государственным. Только государственное управление обеспечивает функционирование и развитие общества как единого целого [2, с. 922].

Государственное управление направлено на исполнение законов и других нормативно-правовых актов; связано с использованием методов нормотворчества и предписания; имеет подзаконный характер, предусматривает возможность судебной защиты гражданами своих прав и свобод в случае их нарушения органами и должностными лицами исполнительной власти [1, с. 147].

Государственное управление предполагает не только осуществление властного влияния на отдельные элементы системы, но и создание необходимых организационных предпосылок.

Кроме того, следует отметить, что в теории государственного управления достаточно обоснованным утверждение, согласно которому надлежащая организация деятельности любого структурного элемента государственного аппарата является одним из определяющих факторов его эффективной и продуктивной деятельности. Человеческие и материально-технические ресурсы будут только тогда пользоваться успехом, а общественное производство станет эффективным, когда управленческая деятельность и ее субъекты будут организованы. Высокое качество и эффективность государственного управления имеют не меньшее, а большее значение, чем условия современного этапа развития производственного организма. Поэтому проблема повышения эффективности управления заслуживает постоянного внимания и глубокого изучения.

Таким образом, понятие «государственное управление» можно понимать как деятельность всех без исключения государственных органов, связанное с исследованиями роли и места государственной власти в целом, ее отдельных звеньев, в частности, судебной власти, в процессе целенаправленного, организационного и регулятивного воздействия на нужды и интересы общества, то есть как одного из основных видов социального

управления. Такое понимание вызвано потребностями всеобщего, глобального, политико-правового плана, предусматривающими установление особенностей деятельности конкретной системы государственных органов. В связи с этим при выяснении вопросов сущности и признаков деятельности по обеспечению организации функционирования судебной системы Российской Федерации методологически верным, на наш взгляд, является применение административно-правовых (узких) подходов к пониманию термина «государственное управление», то есть определенной исполнительной, распорядительной деятельности уполномоченных государственных органов (должностных лиц). Поэтому все виды государственных органов можно рассматривать как формы проявления единой государственной власти с присущими и, общими и специфическими признаками.

В то же время понятию «судебная власть» свойственны по крайней мере два компонента: во-первых, судебная власть может реализоваться только специально создаваемыми государственными учреждениями — судами; во-вторых, у этих органов должны быть свои, свойственные только им, правовые средства и возможности воздействия.

Осуществление правосудия — одна из важнейших функций судебной власти. Как уже отмечалось, по объему и границам этой функции в науке конституционного права нет единства. Так, отдельные авторы считают, деятельность конституционных судов не относится к сфере правосудия как по кругу субъектов, так и по формам, и целям осуществления конституционного контроля [5, с. 46].

Анализ современной научной литературы дает основания утверждать, что термин «правосудие» употребляется в следующих основных значениях:

- 1) правосудие отождествляется с судебной властью. Так, В. Шевцов отмечает, что правосудие — это наиболее значимый элемент судебной власти, чем объясняется наименование судебных органов органами правосудия [6, с.180];
- 2) правосудие — это форма реализации судебной власти. При этом некоторые авторы утверждают, что правосудие является единственной формой ее реализации (В. Лазарева [7, с. 16]), другие же подчеркивают, что таких форм несколько, а правосудие является одной из них (В. Ржевский, Н. Чепурнова [8, с.96–98];
- 3) правосудие — это функция судебной власти (И. Марочкин) [9, с. 37–39].

Однако некоторые ученые определяют правосудие как деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских и административных дел, а также как дел об административных правонарушениях. Исходя из этого и следует тождество понятий «судебная власть» и «правосудие».

По нашему мнению, совокупность функций судебной власти как самостоятельной и независимой государственной власти нельзя сводить только к функциям суда в процессе, правосудие является лишь одной из многочисленных ее функций. Судебная власть как составляющая государственной власти сохраняет все главные элементы последней.

В то же время, по мнению некоторых исследователей данной проблемы, речь идет не о судебной власти в конкретном понимании, а об общем понятии «государственной власти» [10, с. 143].

Судебная власть — одна из составляющих государственной власти, основной задачей которой является осуществление правосудия, возникшего вместе с появлением первоначальных форм права, учитывая объективную потребность в разрешении правовых конфликтов. В первобытном обществе судебная власть принадлежала всему роду, племени и осуществлялась старейшинами как наиболее авторитетными его членами.

Судебная власть функционирует исключительно в рамках принципа правомерности, вступает в силу только при наличии правового спора и по инициативе субъекта, права которого нарушены. Совершение правосудия является основной, но не единственной функцией судебной власти. В отдельных странах на органы судебной власти возлагаются также другие функции (например, ведение реестра предприятий и организаций) [2, с. 867].

Власть — категория многогранная, ее следует рассматривать через концепцию управления, она является средством навязывания собственной воли, принуждения и властных отношений. Судебная власть характеризуется наличием нескольких субъектов отношений, поэтому ее структура достаточно сложна. В контексте исследования считаем оптимальным применение определения судебной власти как власти с исключительными властными полномочиями, принадлежащей судам для разрешения общественных конфликтов правового характера путем осуществления в специальной процессуальной форме правосудия и вынесения обязательных для исполнения решений. Этот подход называется организационно-функциональным, то есть смешанным, а значит два предыдущих подхода и определяют судебную власть как систему созданных по закону органов, наделенных исключительными полномочиями, по рассмотрению значимых дел. Выступая как средство управления обществом, определения и уточнения статуса субъектов публичных отношений, судебная власть удовлетворяет социальные потребности в решении юридически важных дел, то есть выполняет одну из функций страны.

Следует отметить, что судебная власть — это самостоятельная независимая составляющая государственной власти, которая является совокупностью государственных органов, наделенных полномочиями по осуществлению правосудия в форме гражданского, административного, уголовного и конституционного правосудия. Что же касается правосудия, то оно является функцией судебной власти, то есть основным ее направлением, отражающим суть судебной власти.

Составляющей правовой системы государства, изучающей организацию и деятельность органов судебной власти, а также основы осуществления правосудия, является судебная система, в которой выделяются два основных компонента — судостроительство и судопроизводство. Основания судостроительства предполагают структурирование судебной системы на отдельные звенья, ветви и инстанции. Так, традиционно ее разделение на три основных звена: местные суды, апелляционные суды и высшие суды. Принципы судебной системы определяются характером государства и права. Правовой основой судебной системы являются конституции, декларации, общие определенные принципы международного права, фиксирующие суверенное равенство государств, их территориальную

целостность, невмешательство во внутренние и внешние дела, право наций на самоопределение [241, с. 645–646].

Судебная власть — одна из составляющих государственной власти, призванная предотвращать возможности сговора или противостояния двух других ветвей власти (законодательной и исполнительной), создавать препятствия для возникновения диктатуры. Достаточно удачна классификация принципов, которые распространяются на все аспекты организации и деятельности государственной власти, предложенная А.Б. Абросимовой. Анализируя содержание конституций разных государств, автор выделяет устои, присущие практически всем основным законам демократических стран, а именно: 1) свободный доступ к правосудию; 2) независимость судебной власти (суда, судей); 3) наличие конституционного запрета на создание чрезвычайных (особых) судов; 4) участие народа в осуществлении правосудия; 5) транспарентность (публичность, гласность) судебной деятельности; 6) осуществление правосудия только надлежащим (законным) судом и надлежащими судьями; 7) устность и непосредственность судебного процесса; 8) осуществление правосудия в разумные сроки; 9) мотивация судебной деятельности. Приведенные принципы ученый классифицирует на институциональные и динамические. К первой группе относятся универсальность судебной защиты (свободный доступ к правосудию), независимость суда, запрет на создание чрезвычайных судов, а также в определенной степени участие народа в осуществлении правосудия. Все остальные принципы характеризуют процесс осуществления судебной власти и потому могут быть названы динамическими или процессуальными [11, с. 25–39].

О.М. Толочко определяет принципы судебной власти как правовые положения всеобщего характера. Автор выделяет следующие признаки принципов: во-первых, они должны быть нормативно закреплены в Конституции или законодательстве о судостроительстве или судопроизводстве; во-вторых, принципы регулируют наиболее важные складывающиеся правоотношения в процессе организации и деятельности судебной власти; в-третьих, обслуживают содержание других норм законодательства, которые должны выступать юридическими гарантиями, обеспечивать действие юридических механизмов реализации принципов судебной власти [12, с. 137–138].

Можно отметить, что принципы судебной власти выступают как наиболее общие политико-правовые требования, отражающие содержание данного явления и исходящие от социального носителя государственной власти — народа; они отражают природу судебной власти. Нет только организационных или только процессуальных принципов, поскольку их разделение носит сугубо формальный характер, часто тот или иной принцип выступает и как судостроительство, и как судопроизводное одновременно. Свое же, постоянное значение организационные принципы приобретают лишь в том случае, если речь идет о правилах формирования судебной системы.

Принцип взаимодействия власти был выработан мировым сообществом в ходе развития демократических стран. Поскольку существуют три основных функции государственной власти — законодательная, исполнительная и судебная, — то каждая из этих функций должна реализовываться соответствующими органами государственной власти. Сочетание законода-

тельных, исполнительных и судебных функций в работе одного органа приводит к огромной концентрации власти в одних руках и создает основание для установления диктаторского политического режима. Каждая из этих властей занимает свое место в системе государственной власти и выполняет только свойственные ей задачи и функции. Равновесие власти поддерживается четким распределением полномочий между законодательной, исполнительной и судебной.

Выводы. Четкое распределение властных полномочий между законодательной, исполнительной и судебной властью необходимо. Судебная власть как носитель законности и правопорядка, защитник прав и свобод граждан, инструмент принудительного соблюдения законов в государстве является важ-

нейшей его составляющей. В то же время, наличие такой ветви власти, по определениям ученых, является признаком демократического государства, в котором соблюдение законодательства и прав граждан — приоритет государственной политики.

На сегодняшний день судебная система Российской Федерации находится в процессе реформирования, возникает необходимость разработки практических рекомендаций, позволяющих усовершенствовать деятельность органов суда, осуществление правосудия, адаптацию законодательства к европейским стандартам. Этим определяется актуальность данного исследования относительно становления и особенностей функционирования судебной власти в Российской Федерации как признака правового и демократического государства.

Литература:

1. Политологический энциклопедический словарь: [А, Я] / [Аверьянов В.Б., Алексеенко И.В., Андреев С.С. и др.; сост. В.П. Горбатенко]; под ред.: Ю.С. Шемшученко и др.; НАН Российской Федерации, Ин, т государства и права им. В.М. Корецкого, Ассоциация политологов. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Генеза, 2014. — 736 с.
2. Большой энциклопедический юридический словарь / Под ред. акад. НАН Российской Федерации Ю.С. Шемшученко. — М.: ООО «Изд-во «Юридическая мысль», 2017. — 992 с.
3. Гегель Г. Философия права: пер. с нем. / Г. Гегель; [править] и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. Введение. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц; АН СССР, Ин, т философии. — М.: Думка, 1990. — 524 с.
4. Попелюшко В.А. Малая судебная реформа и защита прав граждан: учебное пособие / В.А. Золушка. — М., Кондор, 2019. — 236 с.
5. Шаповал В.М. Проблемы развития конституционной юрисдикции в Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2018. — № 2. — С. 45–53.
6. Шевцов В.С. Право и судебная власть в Российской Федерации / Шевцов В.С. — М.: Профобразование, 2013. — 366 с.
7. Седьмой Лазарева В.А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики: автореферат дис. доктора юридических наук: 12.00.09. — М., 2000. — 24 с.
8. Ржевский В.А. Конституционные основы организации и деятельности / В.А. Ржевский, Н.М. Чепурная. — М.: Юрист, 1998. — 214 с.
9. Организация судебной власти в Российской Федерации: учебное пособие для вузов / И.Е. Марочкин, Н.В. Сибилева, В.П. Тихий и др.; под ред. И.Е. Марочкина, Н.В. Сибилевой. — М.: Одиссей, 2017. — 328 с.
10. Полянский А.Г. Конституционные принципы реализации судебной властью функций правосудия в процессе судебно-правовой реформы в Российской Федерации / А.Г. Полянский // Государство и право: сб. науч. стир. — К., 2001. — Вып. 14: Юридические и политические науки. — С. 169–177.
11. Абросимова Е.Б. Конституционные основы судебной власти в зарубежных странах: Конспект лекций / Е.Б. Абросимовой; Тверь. гос. ун, т. Тверь. фонд поддержки юрид. образования «Высш. учеб. заведение (ин, т) «Юрист». — Тверь: Тверь. гос. ун, т, 2000. — 60 с.
12. Толочко А.Н. Принципы судебной власти // Сб. кратк. тезисов докладов и науч. сообщенный научно, практ. конф. по итогам научно-исслед. работ, выполненных профессорско-преподавательским составом. Юрид. акад. в 1992 г.: 4–5 марта 1993 г. — М.: Вестн. Юрид. акад., 1993. — 148 с.

Определение персональных данных

Воронков Никита Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Бородушко Ирина Васильевна, доктор экономических наук, профессор
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

В данной статье рассматривается проблемный вопрос российского законодательства — какую информацию относить к персональным данным. Для решения которого автор предлагает использовать трёхэтапный тест, позволяющий понять, какую информацию можно считать персональными данными.

Ключевые слова: персональные данные, оператор персональных данных, обработчик персональных данных.

Definition of personal data

Voronkov Nikita Aleksandrovich, student master's degree
Scientific adviser: Borodushko Irina Vasilyevna, doctor of economic sciences, professor
Leningrad State University named after A. S. Pushkin

This article discusses the problematic issue of Russian legislation — what information should be attributed to personal data. To solve which, the author suggests using a three-stage test that allows you to understand what information can be considered personal data.

Keywords: personal data, operator of personal data, processor of personal data.

Вопрос о том, что считать персональными данными, является наиболее актуальным для соответствующей области законодательства: от ответа на него зависит, будут ли применяться нормы этого законодательства к операциям, связанным с той или иной информацией.

Согласно пункту 1 ст. 3 Закона о персональных данных [1] персональные данные — это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определённой, или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). В действительной же, на практике возникает нередко возникают сложности с толкованием данного определения, в связи с его широтой и абстрактностью. Во множестве случаев определение, данное законодателем, не позволяет точно понять является ли персональными данными та или иная информация: фамилия, имя, отчество; адрес; номер телефона; номер банковской карты; поисковый запрос в сети Интернет; чек о покупке в магазине; марка и модель автомобиля; список любимых фильмов; переписка в социальных сетях и т.д.

Необходимо отметить, что указанное выше определение не является изобретением отечественного законодателя. Оно основывается на дефиниции, которая содержится в статье 2 Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [2] (далее — Конвенция) и относит к персональным данным «любую информацию об определённом или поддающемся определению физическом лице («субъект данных»)».

Подведомственными структурами Европейского союза по защите персональных данных был подготовлен ряд масштабных разъяснений, которые были призваны помочь разобраться с тем какую информацию можно отнести к персональным данным, а какую — нет. К этим документам можно отнести, например, Мнение рабочей группы по защите данных от 20 июня 2007 г. № 4/2007 о концепции персональных данных [3], а также Руководство английского уполномоченного органа по защите персональных данных (ICO) «Что такое персональные данные?» [4]. Однако, несмотря на наличие таких подробных и масштабных документов, к сожалению, в них не содержатся простые на практике критерии, с помощью которых можно было бы отличить персональные данные от другой информации, относящейся к физическим лицам.

На сегодняшний день, отечественный законодатель не дал подобных разъяснений, призванных облегчить правоприменителям задачу в отнесении различного рода информации к персональным данным.

Российские учёные выделили два подхода к определению персональных данных: узкий и широкий. Основываясь на

узком подходе, для обеспечения определённости правовых норм персональными данными необходимо признавать лишь те данные, которые сами по себе позволяют определить физическое лицо (серия и номер паспорта, СНИЛС, ИНН и т.д.) [5]. Широкий подход предполагает, что для обеспечения защиты прав и свобод физических лиц к персональным данным необходимо относить также и те данные, которые позволяют определить физическое лицо хотя и не сами по себе, но в совокупности с другими данными. Широкий подход выглядит наиболее предпочтительным, ввиду того что он обеспечивает защиту прав и свобод физических лиц учитывая современное развитие информационных технологий, не противоречит Конвенции и соответствует Закону о персональных данных, а также находит одобрение в лице наиболее развитых иностранных правовых системах, в первую очередь европейской.

В то же время, российскими правоприменителями высказываются разнообразные версии касательно вопроса о том, что можно расценивать как персональные данные. Так, например, в одних случаях судами признаётся, что адрес человека является персональными данными, а в других нет. Также существуют различные мнения касательно относимости номера телефона к персональным данным. Так, например Верховный суд Российской Федерации относит его к персональным данным, однако в то же время на сайте территориального органа Роскомнадзора была опубликована информация, из которой следует что номер телефона не является персональными данными.

На основании вышеизложенного, предполагаю следующий трёхэтапный тест, ответив на вопросы которого, можно определить является ли та или иная информация персональными данными:

1) содержатся ли в информации сведения о конкретном человеке? Если нет, то эту информацию нельзя считать персональными данными. Если же эти сведения имеются, то переходим к следующему этапу;

2) можно ли исходя из этой информации понять о каком именно человеке идёт речь? Если да, то это персональные данные. Если же нет, необходимо перейти к третьему этапу;

3) если добавить к уже имеющейся информации новые сведения, которые можно где-то получить, можно ли понять о каком человеке идёт речь? Если ответ — да, то эту информацию можно отнести к персональным данным, если нет, то персональными данными она не является.

Отвечая на вопросы теста, вы должны руководствоваться здравым смыслом. Если же появились сомнения, стоит считать информацию персональными данными.

Абсолютно очевидно, что предложенный мною тест не решает проблему неопределённости понятия персональных данных и ответы на его вопросы могут быть не совсем од-

нозначными. Однако, этот тест может служить некой памяткой и помочь при решении конкретных практических задач.

Литература:

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. — 31.07.2006. — № 31 (1 ч.). — ст. 3451
2. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data Strasbourg, 28.I.1981 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/108.htm> (дата обращения: 20.05.2022)
3. Opinion 4/2007 on the concept of personal data by Article 29 Data Protection Working Party // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/files/2007/wp136_en.pdf (дата обращения: 20.05.2022)
4. ICO. What is personal data? // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ico.org.uk/for-organisations/guide-to-data-protection/guide-to-the-general-data-protection-regulation-gdpr/key-definitions/what-is-personal-data/> (дата обращения: 20.05.2022)
5. «Федеральный закон »О персональных данных«: Научно-практический комментарий» (постатейный) (выпуск 11) (под ред. А. А. Приезжевой) // «Библиотека »Российской газеты», 20156. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2020 г. по делу № А40–275719/2019 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/O4I6vX92x5N/> (дата обращения: 20.05.2022)

Понятие и формы внесудебного порядка разрешения административно-правовых споров

Заини Али Саад Джаафар, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена анализу понятия и форм внесудебного порядка разрешения административно-правовых споров. Рассмотрено содержание внесудебного порядка и его основных форм, исходя из норм законодательства и теоретических положений. Проанализированы основные проблемы применения на практике внесудебного порядка разрешения административно-правовых споров на основе исследования специфики последних.

Ключевые слова: административно-правовые споры, примирение, примирительные процедуры, внесудебные формы разрешения споров, административное судопроизводство, медиация.

The concept and forms of an out-of-court procedure for resolving administrative disputes

Zaini Ali Saad Dzhaafar, student master's degree
Kuban State University (Krasnodar)

The article is devoted to the analysis of the concept and forms of an out-of-court procedure for administrative disputes. The content of the extrajudicial procedure and its main forms is considered, based on the norms of legislation and theoretical provisions. The main problems of the application in practice of the out-of-court procedure for administrative disputes based on the study of their specifics are analyzed.

Keywords: administrative disputes, reconciliation, conciliation procedures, out-of-court forms of dispute resolution, administrative proceedings, mediation.

Современная концепция разрешения правовых споров характеризуется смещением акцента с судебного на внесудебный порядок урегулирования конфликта. Указанные тенденции развития законодательства и практики продиктованы объективной необходимостью снижения нагрузки судов, а также формирования правовой культуры российского общества, позволяющей разрешать возникшие конфликты без обращения в судебные органы.

Внесудебный порядок разрешения административно-правовых споров предполагает использование сторонами различных по своему характеру процедур. Они именуются формами внесудебного порядка разрешения административно-правовых споров.

В процессуальном законодательстве внесудебным способом разрешения правовых споров соответствует институт примирения. Тенденции приоритета примирения перед судебным

разрешением конфликта в последние годы прослеживаются в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Особенностью КАС РФ [2], в отличие от других процессуальных кодексов, является то, что в нем изначально содержалось несколько положений, посвященных примирению сторон. В 2019 г. [3] нормы гл. 13 КАС РФ, касающиеся примирения сторон административно-правового спора, были подвергнуты существенным изменениям в рамках общей нацеленности законодателя структурировать положения процессуальных кодексов относительно примирительных процедур. В частности, в КАС РФ изменились общие положения о примирении в административном судопроизводстве, более детальной регламентации подверглась процедура заключения, утверждения судом и исполнения соглашения о примирении, были установлены порядок и сроки проведения примирительной процедуры, виды таких процедур с раскрытием их содержания, правил применения, результатов (переговоры, медиация). Также был введен институт судебного примирения, новый для процессуального законодательства России.

Помимо примирительных процедур, установленных КАС РФ, для административно-правовых споров характерен и административный порядок разрешения спора, в некоторых случаях он является обязательным. Например, в ч. 2 ст. 138 НК РФ [1] содержится правило о том, что акты налоговых органов ненормативного характера, действия или бездействие их должностных лиц (за исключением актов ненормативного характера, принятых по итогам рассмотрения жалоб, апелляционных жалоб, актов ненормативного характера федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, действий или бездействия его должностных лиц) могут быть обжалованы в судебном порядке только после их обжалования в вышестоящий налоговый орган. Также в ст. 40 нового Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [4] предусмотрен обязательный досудебный порядок подачи жалоб на действия (бездействие) и решения контрольных (надзорных) органов. Отметим, что перечень видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб, включает достаточно большое количество ведомств.

В любом случае сущность примирительных или административных процедур разрешения административно-правового спора сводится к тому, что для урегулирования конфликта ни одна из сторон не обращается в суд. В связи с этим в научной литературе внесудебный порядок разрешения административно-правовых споров понимается как «основанная на нормах административно-процессуального права деятельность органов исполнительной власти и иных уполномоченных субъектов, направленная на преодоление разногласий, вытекающих из административных правоотношений, вне (без) судебного производства» [7].

Таким образом, к основным формам внесудебного разрешения административно-правовых споров относятся: административный порядок; переговоры; медиация; судебное примирение. При этом законодатель не ограничивает перечень внесудебных процедур, которые могут быть использованы для

урегулирования спора. Главное, чтобы они не противоречили действующему законодательству.

Как видно, законодательная основа внесудебного порядка разрешения административно-правовых споров в достаточной степени сформирована. Однако несмотря на попытки законодателя сменить вектор разрешения административно-правовых споров, до сих пор примирительные процедуры в административном судопроизводстве не получили широкого распространения. По данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2021 г. только 213 административных дел было прекращено в связи с заключением сторонами соглашения о примирении. Из них лишь 1 административное дело было прекращено в результате проведения сторонами процедуры медиации, 3 дела — в результате проведения процедуры судебного примирения. Для сравнения, за аналогичный период в рамках гражданского судопроизводства по причине заключения сторонами мирового соглашения было прекращено 69 457 гражданских дел, в том числе 256 дел в результате проведения процедуры медиации, 399 — судебного примирения [6].

Такое положение дел связано со спецификой публично-правовых споров, коими являются административные споры. Концепция примирения применима к таким спорам с существенными ограничениями. В отличие от других процессуальных кодексов, КАС РФ содержит положение о том, что примирение сторон может касаться только их прав и обязанностей как субъектов спорных публичных правоотношений и возможно в случае допустимости взаимных уступок сторон (ч. 1 ст. 137 КАС РФ). Кроме того, в ч. 2 ст. 137.5 КАС РФ перечислены категории административных споров, в рамках которых применение процедуры медиации не допускается.

Дело в том, что в частноправовых спорах взаимоприемлемый компромисс вписывается в общие цели конфликтующих субъектов. К таким спорам применимы вопросы моральной и психологической стороны конфликта (например, в рамках разрешения семейно-правовых споров). В ситуации, когда одной из сторон выступает орган публичной власти (должностное лицо), такой компромисс может противоречить законодательству и существу возникших публично-правовых отношений. Административно-правовые споры как яркий представитель публично-правовых конфликтов отличаются спецификой в том смысле, что отхождение от чисто юридических вопросов иногда неприемлемо, а часто и нецелесообразно. С органом публичной власти, вовлеченным в конфликт, не получится «договориться», как это возможно между сторонами частноправовых споров. Зачастую можно лишь рассчитывать на взаимные уступки, которые могут облегчить процедурный аспект разрешения административно-правового спора или исключить дальнейшее обращение какой-либо из сторон в суд, если их совместными усилиями будут предприняты меры к более оперативному урегулированию возникшей конфликтной ситуации. При этом в таких случаях речь не идет о медиации, судебном примирении и других законодательно определенных процедурах. Достижение взаимоприемлемого компромисса возможно, скорее, посредством проведения переговоров между гражданином (или представителем юридического лица) и представителем органа публичной власти.

Более того, сами стороны административно-правового спора зачастую не заинтересованы во внесудебном порядке урегулирования конфликта, на практике еще не сложилась традиция формирования диалога между публичными субъектами и гражданами (организациями). Согласимся с мнением Л. Л. Арзумановой и А. А. Григорьевой о том, что для сторон, особенно обремененных государственным элементом, является привычной потребностью в решении, в котором суд как независимый орган власти поддерживает или отказывает стороне в заявленных требованиях [5].

На основании изложенного мы приходим к выводу о том, что внесудебный порядок разрешения административно-правовых споров можно понимать как урегулирование спора, возникшего из административных правоотношений, посредством

обращения к уполномоченным органам публичной власти, посреднику или самостоятельно сторонами административно-правового спора, не предполагающее разрешение спора по существу судами судебной системы Российской Федерации. К основным формам внесудебного разрешения административно-правовых споров относятся: административный порядок разрешения административно-правового спора; переговоры; медиация; судебное примирение. Данный перечень не является исчерпывающим, однако в отношении административно-правовых споров законодательно установлено ограничение на использование внесудебных форм разрешения споров, обусловленное характером административно-правового спора, а также существом возникших административно-правовых отношений.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. 28.05.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 30.12.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2019. 31 июля.
4. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (в ред. от 06.12.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_358750/.
5. Арзуманова Л. Л., Григорьев А. А. Правовое регулирование медиации как альтернативного способа разрешения спора: налогово-правовой аспект // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 9 (85).
6. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
7. Рысай Б. Г. Внесудебные формы разрешения административного спора: автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018.

Понятие и место досудебной жалобы в механизме разрешения административно-правовых споров

Заини Али Саад Джаафар, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассмотрены основные признаки досудебного обжалования как элемента механизма внесудебного разрешения административно-правовых споров. Проанализированы преимущества и перспективы института досудебного обжалования в современной России, тенденции его законодательной регламентации. В статье предложена дефиниция досудебной жалобы, а также рассмотрены признаки, отражающие ее особенности.

Ключевые слова: административно-правовые споры, внесудебный порядок разрешения споров, досудебное обжалование, административная жалоба, досудебная жалоба.

The concept and place of a pre-trial complaint in the mechanism of resolving administrative and legal disputes

Zaini Ali Saad Dzhaafar, student master's degree
Kuban State University (Krasnodar)

The article considers the main features of pre-trial appeal as an element of the mechanism of out-of-court settlement of administrative disputes. The advantages and prospects of the institute of pre-trial appeal in Russia, the trends of its legislative consolidation are analyzed. The article offers a definition of a pre-trial complaint, as well as signs reflecting its features.

Keywords: *administrative disputes, out-of-court dispute resolution procedure, pre-trial appeal, administrative complaint, pre-trial complaint.*

Досудебное обжалование — актуальный и перспективный институт современного административного права, поскольку предполагает самостоятельное разрешение административно-правового спора его сторонами без обращения в суд на данном этапе. Как и с иными институтами внесудебного разрешения административно-правовых споров, основной целью досудебного обжалования является недопущение переноса правового конфликта в поле судебных процедур. П. А. Курьиндин среди преимуществ досудебного обжалования выделяет отсутствие строгой формы досудебной жалобы, а также норм, определяющих порядок оставления жалобы без движения и оснований для ее возвращения, упрощенный порядок разбирательства по досудебной жалобе и вынесения решения по результатам ее рассмотрения, отсутствие требований об уплате государственной пошлины за подачу досудебной жалобы [6].

Несмотря на большой правозащитный потенциал досудебного обжалования в административных правоотношениях, его преимущества перед судебными процедурами, а также перспективность относительно достижения целей снижения нагрузки судебных органов и принципа процессуальной экономии, досудебное обжалование на современном этапе недостаточно эффективно. В литературе среди причин низкой эффективности досудебного обжалования как способа разрешения административно-правовых споров названы следующие: отсутствие заинтересованности государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в своевременном рассмотрении и удовлетворении претензий граждан и организаций, а также в устранении допущенных ошибок; отсутствие механизмов влияния граждан и организаций на качество осуществления государственного и муниципального управления в целом и государственных услуг в частности; недостаток механизмов внесудебного разрешения соответствующих споров и иное [3].

Следует начать с того, что до конца не определена природа досудебного обжалования. В законодательстве не содержится соответствующей легальной дефиниции. В науке под таким понимается «обращение невластного субъекта с жалобой в административно-юрисдикционный орган как обязательная стадия, необходимая для дальнейшего обращения в судебные органы» [8]. Вместе с тем, досудебное обжалование, рассматриваемое в структуре внесудебных способов разрешения административно-правовых споров, не является во всех случаях обязательным этапом урегулирования конфликта. Долгое время единственным законом, предусматривающим обязательное досудебное обжалование был НК РФ [1], в ч. 2 ст. 138 которого закреплен обязательный характер подачи досудебной жалобы на акты налоговых органов ненормативного характера, действия или бездействия их должностных лиц. В 2020 г. перечень публичных правоотношений, в рамках которых досудебное обжалование становится обязательным этапом урегулирования спора, был расширен. Так, в ст. 40 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (над-

зоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [2] предусмотрен обязательный досудебный порядок подачи жалоб на действия (бездействие) и решения контрольных (надзорных) органов во многих сферах публичного управления.

Действительно, институт обязательного досудебного обжалования демонстрирует высокую эффективность. Это видно на примере внесудебного разрешения налоговых споров. По данным Федеральной налоговой службы РФ, в 2020 г. количество судебных решений уменьшилось на 32,1%, в 2021 г. — на 5,1% [4].

Однако в остальных сферах административно-правовых отношений подача досудебной жалобы является альтернативой по отношению к прямому обращению в суд. Добровольный порядок подачи досудебной жалобы дополняет общий механизм внесудебного порядка разрешения административно-правовых споров. Исходя из этого, досудебное обжалование можно определить как процедуру внесудебного разрешения административно-правового спора посредством подачи лицом, чьи права и законные интересы нарушены (или в интересах других лиц), жалобы на действия (бездействие) и решения органов публичной власти и должностных лиц во внесудебном порядке.

Правовым средством и формой досудебного обжалования выступает соответствующая жалоба как процессуальный документ. В рамках классификации, принятой в науке административного права [9], досудебная жалоба является разновидностью административной жалобы. Под последней понимается «жалоба физического или юридического лица, их законного представителя, направленная в административном (внесудебном) порядке в орган государственного управления, обладающий соответствующей компетенцией, в связи с несогласием с принятым административным решением, с целью защиты своих прав, свобод и (или) законных интересов» [5].

В свою очередь, досудебная жалоба — это обращение гражданина (представителя юридического лица) в орган государственной власти или местного самоуправления с требованием о защите (восстановлении) прав, свобод и законных интересов, а также об устранении недостатков в государственном управлении.

Досудебная жалоба характеризуется несколькими основными признаками. Согласимся с мнением Д. А. Леонова, который выделяет следующие признаки досудебной жалобы:

— предмет досудебной жалобы — требование о защите (восстановлении) прав, свобод и законных интересов, а также об устранении недостатков в государственном управлении;

— субъект, обращающийся с досудебной жалобой — невластный субъект административного правоотношения (гражданин, их объединения, в том числе юридические лица);

— субъект, рассматривающий досудебные жалобы — государственные органы, кроме органов судебной власти, органы местного самоуправления, а также должностные лица указанных органов [7].

Подводя итог сказанному, отметим, что досудебное обжалование в сфере административных правоотношений — это стремительно развивающийся институт, призванный, с одной стороны, снизить нагрузку судов, компетентных рассматривать административно-правовые споры, с другой стороны, более оперативно и эффективно реагировать на нарушения прав граждан в сфере административных правоотношений. Досудебное обжалование представляет собой процедуру внесудебного разрешения административно-правового спора посредством подачи лицом, чьи права и законные интересы нарушены (или в интересах других лиц), жалобы на действия (бездействие) и решения органов публичной власти и должностных лиц во внесудебном порядке. Досудебная жалоба как форма внесудеб-

ного разрешения административно-правовых споров, с одной стороны, является разновидностью административной жалобы и поэтому соответствует всем общим признакам административной жалобы, с другой стороны, обладает определенной спецификой, которая выражается в следующем: предмет досудебной жалобы — требование о защите (восстановлении) прав, свобод и законных интересов, а также об устранении недостатков в публичном управлении; субъект подачи досудебной жалобы не обладает публичными властными полномочиями, имеет статус гражданина (в широком смысле) или юридического лица; субъект рассмотрения и разрешения жалобы обладает публичными властными полномочиями (орган публичной власти, его должностное лицо).

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. 28.05.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.
2. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (в ред. от 06.12.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_358750/.
3. Деменкова Н. Г., Игнатова М. С., Стариков И. Ю. Обжалование действий (бездействия) и решений органов публичной власти в административном порядке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 14. № 1.
4. Итоги досудебного урегулирования споров за 2020–2021 гг. // Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10574446/.
5. Коховец О. В. Административная жалоба и административный иск: соотношение понятий // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2021. № 3 (145).
6. Курындин П. А. Право на досудебное обжалование актов и действий административных органов: особенности реализации в России и Франции // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89).
7. Леонов Д. В. Административно-правовой институт досудебного обжалования: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2020.
8. Панова И. В. Понятие и виды административных процедур // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1 (40).
9. Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник. М., 2020.

Понятие и значение мер пресечения в уголовном судопроизводстве. Заключение под стражу

Замараева Анастасия Сергеевна, студент магистратуры;
Мамонтова Эльвира Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

В статье авторами рассматриваются понятие и значение мер пресечения в уголовном судопроизводстве, роль заключения под стражу в системе мер пресечения.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу.

Предусмотренные законодательством меры процессуального принуждения, используемые по уголовному делу по установленному УПК порядку, к обвиняемому (в исключительных случаях к подозреваемому), подсудимому, на некоторое время ограничивающие их конституционные права и свободы являются мерами пресечения [1].

Обвиняемый (подозреваемый) — это участник процесса, в отношении которого возможно избрание меры пресечения. Так как он заинтересован в уклонении от уголовной ответственности и наказания, использует способы защиты, запрещенные законом. Поэтому, как правило, именно от него исходит основная угроза производству по уголовному делу.

Меры пресечения разделяют на общие и специальные. К общим относятся: подписка о невыезде; личное поручительство; залог; домашний арест; заключение под стражу.

Специальные меры пресечения — это меры применяемые к конкретным обвиняемым или подозреваемым, например, наблюдение командования воинской части (относится к военным служащим срочной службы, к лицам, проходящим военные сборы в воинских подразделениях и на казарменном положении); присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет определенных действий.

Из предусмотренных ст. 98 УПК мер пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого дознаватель, следователь и суд могут выбрать только одну. Мера пресечения должна отвечать целям, которые должностное лицо определил при выборе [1].

Выбор и применение меры пресечения может быть в досудебном и судебном процессе по уголовному делу. В предварительном расследовании дознаватель и следователь могут сами выбрать любую меру пресечения кроме залога, домашнего ареста и заключения под стражу. Такие меры вправе выбрать только суд в границах его полномочий [1, п. 1 ч. 2 ст. 29, ст. 106–108 УПК].

Применение такой меры, как заключение под стражу вызывает наибольший интерес, так как её применение предполагает наиболее острое вторжение в сферу прав личности.

Заключение под стражу обладает своими признаками и требованиями. Выбор такой меры возможен только при наличии возбуждённого уголовного дела в отношении обвиняемого (иногда подозреваемого) государственным органом или должностным лицом при наличии предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований.

Цель применения мер пресечения — создать положительные условия методом обеспечения положительного поведения обвиняемого (подозреваемого), для достижения назначения уголовного судопроизводства т.е. предотвратить его уклонение от следствия и суда или отбытия наказания, ликвидировать возможность продолжить преступную деятельность, противодействовать его попыткам препятствовать установлению истины по уголовному делу.

По мнению А. Д. Бойкова заключение под стражу «одно из средств пресечения преступлений и деморализации преступника и преступного сообщества» т.е., проще говоря такая мера оказывает психическое давление на принуждаемое лицо самой обстановкой следственного изолятора. Данная мера противоречит ряду современных конституционных и уголовно-процессуальных принципов, потому что свойственна розыскному

типу процесса. Таким образом, нельзя однозначно согласиться с высказыванием [2, с. 52].

Изоляция обвиняемого (подозреваемого) от общества, принуждение подчиняться требованиям режима специальных условиях учреждений есть суть заключения под стражу.

Таким образом эта мера неотделимый элемент в системе методов борьбы с деяниями опасными для производства по уголовному делу и позволяет достичь сразу всех целей применения мер пресечения.

Заключение под стражу означает допустимое стеснение прав личности и предполагает значительные отрицательные последствия. Поэтому в процессе ареста важно убедиться в правомерности и невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения [1, ч. 1 ст. 108 УПК РФ].

О положительном результате использования меры пресечения можно сказать только при максимально точном её выборе. З. Д. Еникеев писал: «Эффективным считается такое влияние мер пресечения, которое удерживает привлекаемое к уголовной ответственности лицо от действий и поступков, противоречащих целям мер пресечения, и при этом уровень издержек не превышает допустимого предела» [3, с. 23].

Анализируя эффективность применения мер пресечения, отметим что согласно ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство обязано защитить личность от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод [1].

Такая формулировка законодательства означает, что правоприменитель должен уделить особое внимание «защитительной» функции, а не «карательной». Это означает, что опаснее для общества осуждение невиновного, а не безнаказанность виновного.

И. Л. Петрухин пишет: «Нельзя сравнивать меры пресечения только по тому, в какой степени та или другая мера предотвращает нежелательное поведение обвиняемого. Необходимо пользоваться более широким понятием оптимальности мер пресечения, которое включает не только степень достижения целей, но и действительную потребность в избрании именно данной меры пресечения» [4, с. 23].

Особое отличие заключения под стражу от других мер пресечения — наибольший уровень строгости. Доказательством является то, что заключение под стражу имеет похожие черты с ещё одной достаточно строгой мерой уголовного наказания, как лишение свободы.

Таким образом, заключение под стражу — это исключительная и наиболее строгая мера пресечения, которая состоит в физической изоляции обвиняемого (подозреваемого) от общества и содержании его в специальном учреждении.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 28.06.2022).
2. Бойков А. Д. Новый УПК Российской Федерации, его правовая и криминологическая характеристика // Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9.
3. Еникеев З. Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения. Казань, 1982.
4. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985.

Конституционные права граждан в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: современные проблемы

Змеу Михаил Васильевич, студент магистратуры
Тверской государственной университет

В статье исследуются современные проблемы уровня защиты прав граждан в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», связанные с актуальной повесткой современной обстановки. Определяются возможные пути решений имеющихся проблем.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная сеть, интернет, виртуальный мир, цифровые права, конституционные права.

Цифровизация социальной жизни привела к появлению ранее неизвестных так называемых цифровых прав. Под цифровыми правами понимаются права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к сети интернет.

Количество интернет-пользователей постоянно увеличивается, появляются новые технологии, интернет-ресурсы, в которых информация распространяется с высокой долей вероятности затронуть каждого пользователя. По состоянию на январь 2020 год количество участников сети «Интернет» составляет 4,54 миллиарда человек.

Актуальность темы исследования обусловлена появлением новых видов информационного взаимодействия, напряженной геополитической обстановкой, усилением цензуры интернет-пространства в Российской Федерации со стороны государственных органов в целях соблюдения прав и свобод граждан.

Президент Российской Федерации В.В. Путин не раз заявлял, что интернет может разрушить общество изнутри, если не будет подчинен «моральным» законам.

По словам Президента РФ, глобальная сеть несет серьезные угрозы обществу — распространение детской порнографии, склонение к суицидам, вовлечение несовершеннолетних в незаконные акции протеста [3].

Президент Российской Федерации утвердил Стратегию развития информационного общества с 2017 по 2030 годы. В качестве приоритетов данной стратегии названы права граждан в сети «Интернет», а именно свобода выбора информации и знаний, способствование обеспечения свободы доступа к информации, обеспечение защиты государством интересов и прав граждан в информационной сфере.

Право на свободный доступ к информации закреплено в статье 29 Конституции Российской Федерации [1] (Далее — Конституция РФ) и является неотъемлемым правом человека и гражданина России, но вместе с тем существует ряд законных оснований для ограничения данного права, что обусловлено необходимостью защиты конституционного строя и правопорядка Российской Федерации.

Статья 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Далее — ФЗ «Об информации») гласит, что в Российской Федерации распространение информации осуществляется свободно при соблюдении требований, установленных законодательством Российской Федерации [2].

Актуальные проблемы осуществления прав в виртуальном пространстве вызывают следующие факторы:

1. Невозможность тотального контроля над интернет-ресурсами, в которых информация распространяется для неопределенного круга лиц.
2. Невозможность контроля за пользователями сети «Интернет», использование ими сервисов для создания «анонимности».
3. Увеличение объема выгружаемой в сеть «интернет» информации, который невозможно отследить.
4. Отсутствие высокотехнологической программы поиска информационных сообщений, комментариев, способных нарушить права неопределенного круга лиц.
5. Отсутствие единообразной судебной практики блокировки интернет-ресурсов, целью которой является законная защита прав и свобод.

Не вызывает сомнений то юридическое обстоятельство, что ограничение доступа к распространяемой в информационно-телекоммуникационной сети «интернет» и средствах массовой информации (далее — СМИ) информации, в первую очередь — необходимость защиты прав граждан на конституционном, юридически значимом уровне.

Уровень законодательного регулирования информационных прав граждан в Российской Федерации находится на недостаточном уровне в эпоху развития технологий.

Необходимо отметить низкий уровень закрепления понятийных элементов в законодательной системе Российской Федерации. В настоящее время определение понятий в информационно-телекоммуникационной сети «интернет» определяется ст. 2 ФЗ «Об информации», которые не соответствуют тенденции развития цифровых технологий, не обновляются за счет появления новых тенденций в виртуальном мире.

Анализируя вышесказанное, представляется необходимым внести изменения в ФЗ «Об информации», дополнив понятийный аппарат в соответствии с новыми реалиями, стоящими перед Российской Федерацией.

Текущая геополитическая обстановка в мире вынуждает государственные органы, граждан подчиняться реалиям угроз в виртуальном мире. В связи с этим перед государством стоит первоочередная задача — национальная безопасность, защита прав граждан от DDOS-атак, хакерства, мошеннических действий со стороны зарубежных стран.

Например, Министерство науки и высшего образования РФ сообщает, что на сайты российских вузов ведутся DDOS атаки из стран Европы, Северной Америки и Западной Украины [4].

В этой связи предлагается создать новые подходы к стратегическому планированию информационной политики Российской Федерации.

Исходя из анализа законодательства, в Российской Федерации сформировался особенный подход к ограничению доступа к информации, который происходит на основании законодательства, в частности ФЗ «Об информации», и применяется в основном к тем ресурсам, которые несут угрозу территориальной целостности России, жизни и здоровью граждан.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448
3. Путин заявил об угрозе разрушения общества из-за интернета // URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/03/2021/6040c97c9a7947263f812b1c> [Дата обращения: 03.07.2022]
4. В Минобрнауки рассказали о DDOS-атаках на сайты вузов // URL: <https://ria.ru/20220628/obrazovanie-1798619550.html> [Дата обращения: 01.07.2022].

За последнее время было внесено достаточно большое количество изменений в ФЗ «Об информации», большая часть которых связана с изменениями, регулирующими перечень такой информации.

Таким образом, на законодательном уровне недостаточно проработан вопрос защиты прав граждан в информационной среде, отсутствуют единые требования к осуществлению конституционных прав в информационно-телекоммуникационной сети «интернет».

Налоговая реконструкция в условиях злоупотребления налоговым правом

Картавец Игорь Олегович, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

В августе 2017 года вступили в силу новые положения налогового законодательства, определяющие пределы прав налогоплательщиков при исчислении налоговой базы и определении сумм налогов, сборов, страховых взносов к уплате в бюджет, что положило начало формированию принципиально нового подхода налоговиков к определению обоснованной налоговой выгоды.

В контексте 53 Пленума ВАС [1] в ходе выездных и камеральных налоговых проверок осуществлялись мероприятия, направленные на сбор и систематизацию основных положений пленума, изложенных в пунктах 5 и 6, при этом налоговики в подавляющем большинстве случаев опускали критерий оценки целесообразности хозяйственных операций с точки зрения экономического смысла и реальности их осуществления и ограничивались подборкой мероприятий под положения пленума.

Для получения доказательств необоснованной налоговой выгоды налоговые органы на регулярной основе использовали инструменты доказывания, основанные на допросах должностных лиц организаций поставщиков товаров и услуг в адрес проверяемого налогоплательщика, а так же проводили мероприятия направленные на доказательство формальности осуществления деятельности спорным субъектом хозяйственных взаимоотношений.

Типичным примером доказательной базы в период расцвета применения положений 53 Пленума можно сформировать в следующих критериях:

1) Анализ контрагента на реальность его существования в экономическом поле взаимоотношений — это наличие его по адресу регистрации, осуществление операций присущих существенной компании (под существенными операциями налоговики обычно подразумевали расходы общества на связь, интернет, вывоз мусора, оплату арендных или коммунальных платежей, выплату заработной платы и другие платежи), наличие сотрудников, а так же движимого и недвижимого имущества для осуществления деятельности.

2) Проведение допроса должностного лица, являющегося исполнительным органом общества и ответственного за ведение финансово-хозяйственной деятельности и подписание первичных учетных документов бухгалтерского и налогового учета.

3) В случае получения отказных показаний руководителя общества проведение почерковедческой экспертизы.

На протяжении 11 лет определение вышеизложенных критериев являлось краеугольным камнем в сборе доказательной базы по формированию выводов о необоснованной налоговой выгоды.

На основе собранной доказательной базы налоговые органы как правило отказывали налогоплательщику в принятии к учету налоговых вычетов по налогу на добавленную стоимость ввиду наличия погрешностей в первичных учетных документах их недостоверности и противоречивости.

Такое положение дел не устраивало не только налогоплательщиков, сетовавших судам на формальное проведение нало-

говых проверок, но и Федеральную Налоговую Службу, которая обращала внимание на необходимость проведения полного комплекса мероприятий налогового контроля, выявление всех обстоятельств спорной сделки и определение реальных налоговых обязательств, о чем служба сообщала в своих письмах [2].

Претензии плательщиков надо признать обоснованы, аналогичной позиции придерживались и судебные органы, ведь пункт 10 Пленума указывает, что сам по себе факт недобросовестности контрагента не может являться основанием для возложения негативных последствий на проверяемого налогоплательщика, при условии проявления им должной осмотрительности и осторожности при выборе контрагента.

Однако территориальные налоговые органы, осуществляющие функции налогового администрирования, оставались непреклонны. Проводились формальные мероприятия, и плательщикам вменялась необоснованная налоговая выгода в части налога на добавленную стоимость, при этом доначисления по налогу на прибыль в рамках тех же сделок по НДС принимались налогоплательщиками к налоговому учету и успешно отбивались в суде. Причиной тому принципиально разный подход к доначислению этих налогов. Так для доначисления НДС было достаточно доказать, что первичные учетные документы подписаны неустановленным лицом и содержат противоречивые сведения, а следовательно не могут быть приняты к налоговому учету и свидетельствуют о получении налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды.

Такое обстоятельство дел регламентировано налоговым кодексом, а именно статьей 169 НК РФ, определяющей основные требования к составлению данного документа.

С налогом на прибыль дела обстояли куда сложнее, ведь расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты [3], направленные на осуществление предпринимательской деятельности и извлечение дохода, при этом метод доначислений по НДС здесь не работал, ввиду того, что налоговые органы не утруждали себя сбором доказательств нереальности осуществления хозяйственных операций, либо выполнение данных операций другим хозяйствующим субъектом или же самим налогоплательщиком.

С введением в Налоговый Кодекс статьи 54.1 [4] доказывать необоснованность понесенных расходов, а следовательно и реальность сделки налоговые органы стали в обязательном порядке. Сами положения статьи побуждают налоговую более тщательно проводить налоговые проверки и выявлять необоснованную налоговую экономию.

Основные положения статьи можно сформулировать следующим образом:

1) Налогоплательщик не имеет права применять для целей налогообложения операции по сделкам или по объектам налогообложения, не отражающим реальные факты финансово хозяйственной жизни, простыми словами не допускается элемент искажения о сделках, либо объектах налогообложения;

2) Для целей налогообложения могут быть приняты операции по сделкам, совершенным участниками этих сделок по договору и, если основной целью сделки является получение прибыли от предпринимательской деятельности, а не налоговая экономия.

Пунктом 3 статьи установлен запрет для налоговых органов в части однозначного толкования выводов о подписании первичных учетных документов неустановленным лицом, а значит впредь излюбленный метод обоснования получения необоснованной налоговой выгоды не действует и может быть рассмотрен только в совокупности с иными доказательствами, полученными налоговыми органами.

Введение в налоговый кодекс статьи 54.1 и активного ее применения в контрольных мероприятиях связано с появлением в правовом поле нового термина «необоснованная налоговая экономия», который пришел на замену «необоснованной налоговой выгоде». Впервые термин налоговая экономия использовало в своем письме сама ФНС [5], обусловлено это стремлением службы отойти от положений 53 пленума и сформировать принципиально новый подход к налоговому администрированию и формированию новой судебной практики, с этого момента формулировка необоснованной налоговой выгоды не встречается более в актах и решениях налоговых органов.

Для большего понимания разницы определений выгода и экономия необходимо обратиться к формулировкам Налогового Кодекса где выгода трактуется как доход, полученный в денежной или натуральной формах, определяемый в соответствии с главами 23 «Налог на доходы физических лиц» и 25 «Налог на прибыль организации» и учитываемый в той мере, в которой его можно оценить [6].

С точки зрения Налогового Кодекса законодатель попытался истолковать оба термина посредством их отождествления, рассматривая применительно к определенным налогам. Примечательно то, что данные термины не используются законодателем при определении налога на добавленную стоимость. При этом, концепция «необоснованной налоговой выгоды» налоговыми органами применялась преимущественно к схемам ухода от налогообложения именно по НДС. По мнению С. Г. Пепеляева данная дефиниция и вовсе дуальна, так как, по существу, она не дает четкого понятия ни термина «доход» ни «выгода».

В сложившихся условиях нового законодательства стало ясно, что формулировка необоснованная налоговая выгода не может применяться при конкретизации сделок и выявления реальных налоговых обязательств, поэтому слово выгода было заменено налоговиками на термин экономия.

Современные информационные ресурсы трактуют слово экономия с позиции бережливости, ведения деятельности в режиме сбережения [8], при этом налоговое право разделяет налоговую экономию на две составляющие:

— обоснованную — полученную в результате законных действий налогоплательщика посредством грамотной налоговой оптимизации, ведь по существу ни кто не обязан платить налоги в завышенных размерах из учета патриотических и каких либо других соображений. Каждый налогоплательщик вправе применять для себя оптимальную систему налогообложения и использовать правовые механизмы для получения максимального результата от деятельности, в том числе и с учетом получения налоговой экономии.

— необоснованную — полученную вследствие злоупотребления налоговым правом, а принципы злоупотребления изложены в положениях статьи 54.1 НК РФ.

Отсюда вытекает основной принцип новой налоговой нормы, фиксирование фактов налогового злоупотребления и определение реальных налоговых обязательств, путем установления необоснованной налоговой экономии.

Однако на практике положения статьи 54.1 принимаются буквально и дают налоговым органам полномочия отказывать в расходах как по налогу на добавленную стоимость так и по налогу на прибыль организаций, и обстоятельства совершения сделки уже предстоит доказывать самому налогоплательщику ради получения права на налоговую реконструкцию для определения реальных налоговых обязательств.

Первым тревожным звоночком для плательщиков стало знаменитое дело фирмы «Мэри», уже ставшее именем нарицательным в судебной практике [9].

ООО Фирма «Мэри» в 2014–2016 годах осуществляло оптовую торговлю кондитерскими и хлебобулочными изделиями собственного производства, готовая продукция поставлялась в магазины и супермаркеты в период до 2014 года силами самого налогоплательщика. Для целей осуществления деятельности в собственности организации находилось большое количество транспортных средств, а также отдел логистики с соответствующими сотрудниками, имеющими квалификацию водителей.

С 2014 года компания перешла на другую схему ведения бизнеса с привлечением контрагентов ООО «Логистика и коммерция», ООО «Флагман Бизнеса», ООО «Национальная поставка» для выполнения услуг по доставке товаров в адрес покупателей продукции фирмы Мэри. Позиция налогового органа выражена в критической оценке первичных учетных документов новых контрагентов налогоплательщика, в силу отсутствия у них соответствующих условий для достижения экономических результатов, а следовательно, в отсутствии объективной возможности в достижении целей по исполнению договоров, налоговый орган считает взаимоотношения фиктивными и существующими исключительно для целей минимизации налоговых обязательств проверяемого налогоплательщика.

Представители ООО Фирма «Мэри» указывали на реальность совершенных операций по перевозке товаров. Готовая продукция попала на торговые площадки и была реализована потенциальным покупателям, независимо от вопроса кто именно поставил этот товар, в данной связи, исходя из положений 252 статьи Налогового Кодекса расходы фактически обоснованы и подлежат к учету для целей налогообложения налога на прибыль организации.

В обоснование своей позиции по исключению из налогооблагаемой базы расходов по спорным операциям в полном объеме налоговый орган говорил об отсутствии соответствующих первичных документов, необходимых не только для того, чтобы подтвердить соответствующие расходы, но и выявить реальные налоговые обязательства и суды прислушались к мнению Инспекции.

Таким образом, определение реальных налоговых обязательств возможно только при наличии соответствующих документов и информации для проведения такой работы, в случае отсутствия таковых, исключение налоговых вычетов и расходов по налогу в полном объеме на прибыль признается пра-

вомерным. Однако, важным фактом здесь является то, что для целей объективного проведения мероприятий по расчету реальных налоговых обязательств, налоговому органу необходимо задействовать полный комплекс мероприятий для получения таких документов, в том числе и в отношении налогоплательщика, побуждая его раскрыть на добровольных началах схему незаконной оптимизации и представить документы, свидетельствующие о реальном положении дел.

В данном случае налогоплательщик принял тактику «глухой обороны» не предоставляя органу в отношении непосредственно движения товара достаточного количества документов, полагая что расчет должен быть произведен налоговым органом самостоятельно, в результате последствия для компании оказались максимально строгими, полный отказ в принятии к учету расходов по налогу на прибыль и вычетов по НДС, а так же соответствующие штрафы и пени.

Изложенное обстоятельство нашло свое отражение и в обзорном письме ФНС России о практике применения положений статьи 54.1 на практике. Пункт 17.2 письма говорит о том, что в отношении расходной части необходимо применять расчетный метод определения налоговых обязательств в соответствии с подпунктом 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ [10]. При этом риски, связанные с возможным неточным определением обязательств, несет сам налогоплательщик, соответствующая практика отражена в Пленуме ВАС № 57 [11].

Служба обращает особое внимание на непосредственное участие налогоплательщика в процессе определения расходов по налогу на прибыль, поскольку именно он является инициатором недобросовестного поведения и зачастую достоверными сведениями располагает именно налогоплательщик, как показывает практика, изложенная выше, случаи бездействия организации могут привести к более жестким последствиям.

Противоположной практикой в пользу налогоплательщика отличается дело АО «Спецхимпром» [12].

В ходе проведения проверки АО «Спецхимпром» осуществляло производство взрывчатых веществ для промышленных целей, а также проводило организацию взрывных работ и занималось оптовой торговлей.

В 2014–2016 годах обществом осуществлялось взаимодействие по поставкам эмульгатора с «фиктивными» поставщиками ООО «Полифлок» и ООО «ХимТрейдинг».

Как утверждает инспекция, первичные учетные документы по взаимоотношениям с данными контрагентами носят недостоверный характер, а сведения в документах носят противоречивую информацию, следовательно такие документы не могут служить основанием для целей налогообложения.

В своих выводах налоговый орган сформировал позицию отсутствия поставок товаров спорными контрагентами, применив положения подпункта 1 пункта 2 статьи 54.1 НК РФ.

Основным аргументом, выступающим на стороне налогового органа являлся факт экономической обоснованности сделки проверяемого налогоплательщика с ООО «Полифлок» и ООО «ХимТрейдинг», так цена по сделкам с данными контрагентами отличалась от цены завода изготовителя эмульгатора в два раза, при этом разумного экономического обоснования

сделок по данному обстоятельству должностными лицами АО «Спецхимпром» не представлено.

Таким образом, проверяющими установлен и доказан факт нереальности осуществления операций контрагентами ООО «Полифлок» и ООО «ХимТрейдинг», и сформирована модель получения незаконной налоговой экономии с неоспоримыми доказательствами вины и умышленных действий налогоплательщика.

При таких обстоятельствах суды встали на сторону налогового органа, однако Судебная коллегия по Экономическим спорам направила дело на новое рассмотрение и обратила внимание нижестоящих судов на следующие обстоятельства. В рамках осуществления контрольной деятельности налоговым органом, при содействии сотрудников внутренних дел получены сведения о реальном производителе товара ООО «НПП «Алтайспецпродукт», а также все сопутствующие документы по сделкам между проверяемым налогоплательщиком ООО «Полифлок» и ООО «ХимТрейдинг» и производителем товара. Первичные учетные документы содержат ценовые характеристики поставленного товара, при этом налоговая реконструкция не произведена, а следовательно, для налогоплательщика возникает элемент, ухудшающий его ма-

териальное положение. В связи с чем суд обязал учесть приведенное обстоятельство при повторном рассмотрении дела.

Таким образом, суд указал, что для проведения налоговой реконструкции необязательно требовать показаний и документов от самого налогоплательщика, особенно при обстоятельствах когда такими данными уже располагает налоговый орган для выявления реальных налоговых обязательств.

Дело АО «Спецхимпром» безусловно является показательным и примечательно то, что для того чтобы прийти к действительно объективному результату определения налоговых обязательств потребовалось целых 4 года с момента введения в налоговый кодекс статьи 54.1 НК РФ.

Резюмируя приведенное исследование эволюции темы налоговой экономии и определения налоговой выгоды, налогоплательщики, защищая свое право на применение налоговой реконструкции, должны исходить из положений пунктов 1 и 3 статьи 3 НК РФ, а так же положений статьи 57 Конституции Российской Федерации и не стесняться представлять доказательства совершения сделок, оспариваемых налоговыми органами, в контексте реально существующих фактов финансово-хозяйственных взаимоотношений.

Литература:

1. Постановление Пленум Высшего арбитражного суда РФ от 12.10.2006 № 53 // Пленум Высшего арбитражного суда РФ — 2006. — ст. 3.
2. Письмо Федеральной налоговой службы от 23 марта 2017 г. N ЕД-5-9/547@ // Федеральная Налоговая Служба РФ — 2017. — ст. 3.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 19.07.2000 № 118-ФЗ (ред. от 28 июня 2022 г.) / [Электронный ресурс] URL: <https://internet.garant.ru/#/document/10900200/paragraph/15220/doclist/534/showentries/0/highlight/%D1%81%D1%82.252%20%D0%9D%D0%9A%20%D0%A0%D0%A4:5> (дата обращения: 28.06.2022).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.06.2022) / [Электронный ресурс] URL: <https://internet.garant.ru/#/document/10900200/paragraph/2410> (дата обращения: 28.10.2022).
5. Письмо Федеральной налоговой службы от 31 октября 2017 г. N ЕД-4-9/22123@ // Федеральная Налоговая Служба РФ — 2017. — ст. 3. (стр.6).
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.06.2022) / [Электронный ресурс] URL: <https://internet.garant.ru/#/document/10900200/paragraph/1869/doclist/821/showentries/0/highlight/%D1%81%D1%82%2041%20%D0%BD%D0%BA%20%D1%80%D1%84:0> (дата обращения: 28.06.2022).
7. Пепеляев С.Г. Налогово-правовое понятие дохода // Налоговед. — 2014. — № 11. — С. 15.; Пепеляев С.Г., Сосновский С. А. Налогообложение доходов и прибыли — М.: Статут, 2015.
8. Экономия // Википедия. [2022]. Дата обновления: 30.01.2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=2866548&oldid=119699985> (дата обращения: 25.06.2022).
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 февр. 2018 г. № 309-КГ17-14430 по делу № А50-17453/2016. — URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/4SKqf6FFwIng/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=%D0%9076-46624%2F2019&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_id=1656646912435 (дата обращения: 27.06.2022).
10. Министерство Финансов Российской Федерации, Федеральная Налоговая Служба, Письмо от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ // Федеральная Налоговая Служба РФ — 2021. — ст. 12. (стр.17).
11. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. N57 // Пленум Высшего арбитражного суда РФ — 2013. — ст. 4. (стр. 27).
12. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2021 г. N305-ЭС21-18005 по делу N А40-131167/2020 — URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/L4WxDRT4KRZv/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=%D0%9040-131167%2F2020&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_id=1656648417293&snippet_pos=144#snippet (дата обращения: 28.06.2022)

Правовая природа криптовалюты в Российской Федерации

Коблякова Галина Евгеньевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящей статье будет изучено понятие криптовалюты, определена ее правовая природа и место в гражданском праве. Рассмотрены причины необходимости правового регулирования криптовалюты. В настоящее время институт цифровой валюты набирает обороты не только за рубежом, но и в России. Такой вид денег нов для российского законодательства и, в данный момент вопрос его правового регулирования наиболее актуален.

Ключевые слова: криптовалюта, правовая природа, цифровая валюта, правовое регулирование.

Стремительное развитие технологического процесса в мире и его проникновение почти во все сферы общественной жизни приводит нас к становлению цифровой экономики и появлению новых объектов прав. Не исключением становится появившийся и активно развивающийся институт криптовалюты и финансовых операций, связанных с ней. Этот институт создает новую реальность, отличную от нашего физического мира.

Такие новшества в условиях развития цифровой экономики порождают закономерную потребность определения правовой природы и способов правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием нового вида денег.

На сегодняшний день, несмотря на свою популярность, криптовалюта по-прежнему определяется везде по-разному: где-то как валюта, где-то как товар или сырье, и не существует официально признанного понятия криптовалюты, которое бы точно раскрывало ее экономическую и правовую основу. Связано это очевидно с новизной данного института и разнообразием технических решений, используемых для электронных расчетов.

Однако сейчас для более полного понимания нам все придется определить само понятие криптовалюты.

Криптовалюта — это единица ценности, выраженная в электронной форме, создание, учет и передача которой осуществляется в децентрализованном порядке на основе криптографических алгоритмов [1, с. 6].

Также криптовалюту описывают как финансовый платежный инструмент, представляющий собой цифровую репрезентацию стоимости, для защиты операций и контроля за количеством созданных единиц.

В российском законодательстве понятие криптовалюты не закреплено, но существует более широкое понятие, которое включает в себя и криптовалюту. Так, согласно ч. 3 ст. 1 ФЗ от 31.07.2020 № 259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ № 259) цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей [2].

Таким образом, можно прийти к выводу, что криптовалюта представляет собой единицу ценности, воплощенную в электронную форму (в виде кодов или алгоритмов), которая может быть принята, как средство платежа.

Основными характеристиками криптовалюты являются:

- децентрализованность — означает, что не требуется наличие органа, контролирующего перемещение криптовалюты;
- анонимность;
- трансграничность.

Данные качества, наряду с многочисленными возможностями, несут определенные правовые проблемы и риски для юридических и физических лиц, которые используют криптовалюту, а также для безопасности государства в целом [3, с. 132].

В связи с этим законодатель осознает целесообразность и необходимость определения правовой природы криптовалюты, с учетом интересов безопасности и установления механизмов регулирования в данной сфере.

Рассматривая вопрос правовой природы криптовалюты значительное количество ученых по большей части приравнивают криптовалюту к деньгам ввиду очевидного сущностного сходства и предлагают применить надлежащий правовой институт по аналогии. Однако, при более подробном исследовании данный метод становится не подходящим. Такое положение связано с тем, что денежные средства отнесены гражданским кодексом к имуществу, при этом наличные деньги — к вещам, а безналичные — к иному имуществу, криптовалюта же представляет собой цифровой актив, для выпуска которого используются особые алгоритмы и операции шифрования данных.

С точки зрения гражданско-правового законодательства криптовалюта пока не закреплена, то есть не выступает объектом гражданских прав, предусмотренных ст. 128 Гражданского Кодекса Российской Федерации [4], обладающей нужной оборотоспособностью, поскольку представляет уникальный объект, и не укладывается в конструкцию наличного и безналичного обращения денежных средств. Это порождает сложности, в правоприменительной практике при оспаривании проведенных сделок с ней и защитой прав обладателей этих валют.

Судебные органы очень осторожны в подходах к цифровым технологиям, поскольку практика по вопросам, связанным с использованием криптовалюты только формируется и сейчас очень противоречива. Суды не всегда знают, как оценить криптовалюту. Помимо определения сущности криптовалюты у судов возникают сложности и из-за её высокой изменчивости. Курс криптовалюты практически неопределим. Все биржи имеют свои различающиеся курсы, ни одна из них не имеет госрегистрации, а сама валюта ничем не обеспечена и непрогнозируемая.

На основании вышеизложенного можно выделить некоторые причины необходимости регулирования сферы криптовалют в России:

1. Противоречивость позиций государственных органов по криптовалюте. Так, например Центральный банк РФ считает преждевременным допуск криптовалют, в связи с вовлеченностью граждан и организаций в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма.

Генеральная прокуратура РФ заявила, что криптовалюты относятся к денежным суррогатам и не могут использоваться в качестве средства для расчетов на территории России.

Позиция Министерства финансов РФ указывает на возможность рассматривать сделки с криптовалютой как объект налогообложения. Поскольку налогообложению подлежат правомерные сделки, то данное разъяснение считается неким одобрением на совершение операций с криптовалютой [5, с. 190].

Литература:

1. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. — 2017. — № 8.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 04.07.2022).
3. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства. *Lex russica* (Русский закон). — 2019 (7). — С. 130–140.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации 30 ноября 1994 года N51-ФЗ (с изм. и доп.) — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 04.07.2022).
5. Быля А. Б. К вопросу об использовании криптовалют в Российской Федерации. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2020(9). — С. 187–197.

Актуальные тенденции киберсквоттинга

Косарева Кристина Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Чурилов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

С развитием веб-разработок, а соответственно, и ростом количества Интернет-сайтов, доменное имя стало одним из главных идентифицирующих атрибутов юридического лица или индивидуального предпринимателя на просторах Интернета. Домен — уникальное имя, состоящее из определенных символов и предназначенное для обеспечения его индивидуальности при перенаправлении на заданный IP-адрес.

Российское законодательство не относит их ни к числу результатов интеллектуальной деятельности, ни к кругу средств индивидуализации, устанавливая в пп. 5 п. 2 ст. 1484 ГК РФ, что исключительное право на товарный знак может быть осуществлено для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, в частности путем размещения товарного знака в сети Интернет, в том числе в доменном имени и при других способах адресации [1].

2. Неоднозначная реакция судебных органов, данная причина уже рассматривалась выше.

3. Экономический фактор. Капитализация криптовалют постоянно растет. Вследствие чего развитие очень быстрое и динамичное, и дает основания полагать, что оно продолжится и в будущем. В связи с этим, данное явление нельзя уже игнорировать, считая его незначительным.

Указанные причины выступили как определенные предпосылки для регулирования криптовалютной сферы в России.

Подводя итог, можно сделать вывод, что криптовалюта — новейшее явление цифровой экономики, которое одновременно вызывает значительный интерес и серьезное беспокойство со стороны публичных органов. Данный институт открывают совершенно новые возможности для экономики, но при этом являются идеальным инструментом для осуществления нелегальных операций. Вследствие этого законодатель стремится определить правовую природу криптовалюты и установить механизм правового регулирования данного института.

Из чего следует, что доменное имя является лишь одним из способов использования товарного знака и наименования места происхождения товара в сети «Интернет».

Домен часто становится объектом сделок и нередко оказывается предметом правовых споров.

В условиях развития информационного общества Интернет-пространство становится все более атакуемой сферой среди правонарушителей. Судебная практика за последние несколько лет свидетельствует о распространенности нарушений прав интеллектуальной собственности в сети «Интернет».

Одним из видов споров, заявители которых оспаривают нарушенные в информационно-коммуникативном поле права, являются доменные споры, «связанные с защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации при регистрации доменных имен в российской

доменной зоне (национальные домены первого уровня и доменные зоны второго уровня, ориентированные на российскую аудиторию либо включающие сайты на кириллице), а если регистрация осуществлена на территории Российской Федерации (регистратором выступает российское лицо), то и в иных доменных зонах» [2].

С недавних времен широкое распространение получило такое противоправное направление, как «киберсквоттинг», под которым понимают «популярное проявление недобросовестной конкуренции в форме регистрации средств индивидуализации чужого лица в имени домена, по сути, представляющее собой неправомерное использование чужого доменного имени, в том числе с целью его последующей продажи правообладателю» [3, с. 1]. Киберсквоттеры (лица, занимающиеся такой деятельностью) регистрируют доменное имя, которое содержит торговую марку, принадлежащую другому лицу, в целях недобросовестного использования, например, для размещения рекламы либо похищения трафика, или дальнейшей перепродажи.

Для признания неправомерным такое использование, необходимо наличие одновременно нескольких условий. Во-первых, в доменном имени должно использоваться обозначение, сходное или идентичное товарному знаку, фирменному наименованию или иному объекту. Во-вторых, при этом создается опасность (возможность) смешения в отношении предприятия, продуктов, промышленной собственности или торговой деятельности конкурента. В-третьих, доменное имя используется его владельцем в коммерческих целях. В-четвертых, владелец исключительных прав не давал разрешения на такое использование [4]. Так, в решении от 24 июля 2019 г. по делу № А40–274657/2018 компании L'OREAL к Дубину Сергею Владимировичу о защите исключительных прав на товарные знаки арбитражный суд посчитал действия ответчика по использованию в доменном имени `loga-professionel.ru` обозначения неправомерными.

В настоящее время существуют определенные тенденции по вопросу разрешения споров, связанных с противоправным использованием чужого доменного имени.

В практике есть немало примеров признания судом права за ответчиком, в частности, ввиду регистрации владельцем доменного имени общеупотребляемого слова. В деле № А71–13168/2019 Общества с ограниченной ответственностью «Варикоза нет», г. Красноярск к обществу с ограниченной ответственностью «Варикоза нет. Ижевск», г. Ижевск об обязанности прекратить незаконное использование комбинированного обозначения «Варикоза нет», а также «Варикоза нет. Ижевск», сходного до степени смешения с товарным знаком, суд отказал в удовлетворении требований, установив, что словесные элементы «варикоза» и «нет» являются общепринятыми понятиями, а использование другими лицами словесных элементов

«варикоза» и «нет», в том числе, для индивидуализации предпринимательской деятельности, в силу закона в любом случае не может признаваться нарушением исключительных прав [5].

Другой тенденцией является направление на рассмотрение спора сразу во Всемирную организацию интеллектуальной собственности или в арбитражные центры, аккредитованные некоммерческой международной организацией по распределению адресного пространства в сети Интернет.

В науке встречаются дискуссии относительно правовой природы таких центров. Одни авторы считают, что разрешение доменных споров арбитражными центрами по процедуре UDRP нужно рассматривать как арбитражное (третейское) разбирательство, ссылаясь на частноправовой характер спора, нейтральный состав арбитров, негосударственную природу центров, согласно широкому подходу определения предмета гражданского процессуального права. Другие убеждены, что такой спор подлежит разрешению в компетентных государственных судах по существу, аргументируя отсутствием заключенного арбитражного соглашения между спорящими сторонами. Некоторые и вовсе причисляют данную процедуру к одному из альтернативных способов разрешения споров, т.к. разрешение споров такими способами предусматривает возможность перехода к юрисдикционной форме защиты в судах [6, с. 146].

Рассмотрение спора по правилам UDRP не препятствует рассмотрению дел в государственном суде по существу. Так, ОАО «Сбербанк России» инициировало разбирательство в арбитражном центре ВОИС относительно передачи доменных имен `sberbank.biz` и `sberbank.org`, принадлежавших В.И. Донецкову. В связи с тем, что панель арбитров, рассматривавшая спор по процедуре UDRP, не выявила фактов недобросовестного использования домена его администратором, истец обратился в арбитражный суд г. Москвы, который удовлетворил требования истца, признав права Сбербанка на данные доменные имена [7].

Из чего следует, что исполнимость решений арбитражных центров по спору не нуждается в одобрении государственного суда. А требования, которые были рассмотрены центрами ранее, разрешаются в суде по существу без учета вынесенных решений арбитражных центров.

Таким образом, киберсквоттинг — активно развивающаяся проблема, с которой может справиться государство после усовершенствования законодательства. Представляется возможным закрепление на государственном уровне положений, регламентирующих проведение проверок организацией-регистратором или потенциальным владельцем доменного имени на наличие идентичных имен в регистре. Такое закрепление будет способствовать снижению количества споров, связанных с недобросовестной конкуренцией в исследуемой в статье форме.

Литература:

1. Храпова О.К. Есть ли связь между международным киберсквоттингом и современным арбитражем? // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.11.2021).
2. Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2017 N23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2021).

3. Храпова О. К., Пучков В. О. Есть ли связь между международным киберсквоттингом и современным арбитражем? // «Третейский суд», 2020, № 1/2. 311–314 с.
4. Садовский П. В. Споры между владельцами товарных знаков и доменов: российский и зарубежный опыт // <https://wise-lawyer.ru/poleznoe/6992-sporu-mezhdu-vladelcami-tovarnykh-znakov-domenov-rossijskij> (дата обращения: 10.11.2021).
5. Решение Арбитражного суда Удмуртской республики от 24.03.2015 г. по делу № А40–191537/2014 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 23.11.2021).
6. Терентьева Л. В. Правовая природа арбитражных центров, рассматривающих споры по процедуре UDRP. Актуальные проблемы российского права. 2020.— № 9 (118). 131–149 с.
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.06.2012 N09АП-26243/2011-ГК; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 15.10.2012 N Ф05–11176/2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.11.2021).

Формирование общего рынка нефти ЕАЭС

Косумов Арстан Алдиярович, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В настоящее время нефть является одним из главнейших природных ресурсов в экономической системе мира. Сегодня каждому понятно, что значительная часть международной экономики и международная политика напрямую зависят от состояния рынка нефти и нефтяных продуктов. Нефть — уникальное природное ископаемое, ресурс природы, за право на обладание которым разворачивается настоящая борьба.

Если рассматривать, насколько важное место занимает нефть в экономике Российской Федерации, например, то здесь стоит привести статистику. Россия на конец 2021 года с мая 2020 года сохранила второе место в мире по объёму добычи нефти с показателем в 9,944 миллиона баррелей в сутки. Лишь в апреле 2020 года Российская Федерация занимала третью позицию. До этого больше года также была второй. Первое место неизменно принадлежит США. Об этом свидетельствуют данные организации «Совместная инициатива по нефтяной статистике» (JODI). Нефтепереработка в России в августе увеличилась на 5,4% с уровня июля и составила 5,985 миллиона баррелей в сутки [9].

По данным Федеральной службы государственной статистики за январь–декабрь 2020 года мы видим следующее: доля нефти в экспорте топливно-энергетических товаров составила 43,3%; доля нефти в общем объёме российского экспорта составила 21,5% [10].

Из приведённых положений видно, что нефть является важнейшим природным ресурсом в сфере экономики. Российская Федерация ввиду своей огромной территории, на которой есть источники нефти, богата на нефтяные ресурсы и достаточно успешно использует это.

Не стоит забывать о том, что другие страны также, как и Российская Федерация, активны на рынке нефти и нефтяных продуктов. В связи с всеобщей заинтересованностью в таком экономически важном продукте как нефть, думается логичным в определённых направлениях действовать и продвигаться сообща, но для достижения определённых целей и во исполнение интересов собственного государства в первую очередь.

Это представляется наиболее возможным в рамках интеграционных объединений. В нашем случае можно рассмотреть одно из них, и это ЕАЭС [11].

Таким образом, тема настоящей статьи является актуальной. В современных условиях проблематика формирования общего отраслевого рынка нефти в рамках такого интеграционного объединения как ЕАЭС представляет особую ценность в связи с признанием нефти и нефтепродуктов одними из самых ценных и экономико-важных ископаемых, как для отдельных государств, так и для интеграционных объединений, в целом. При этом важно отметить, что данный процесс начался примерно в 2015 году и продолжается до сих пор, так как существуют определённые проблемы, которые затягивают и без того сложный и трудоёмкий процесс. Проблематика прослеживается и в самих отношениях между странами-участницами ЕАЭС. Данные аспекты будут рассмотрены ниже.

Методологической основой работы является диалектический метод, сравнительно-правовой, системный, формально-логический и др.

Степень научной разработанности темы является не большой. Однако есть научные работы, статьи, научные конференции, посвящённые проблемам и вопросам формирования ОРНиП ЕАЭС, и при этом интерес к ним не исчезает, так как это тот процесс, который происходит в реальном времени. Проблематика затрагивает также отношения между государствами, что подогревает интерес к данной теме многих экспертов и исследователей.

В ЕАЭС очевидны интеграционные процессы и их активное развитие. Они предусматривают помимо прочего создание общих рынков, а именно общего рынка энергоресурсов. Здесь уже применительно к нему мы можем выделить как рынок нефти и нефтепродуктов, который для нас представляет особый интерес.

Те цели и те задачи, ради которых происходит формирование общего рынка нефти и нефтяных продуктов в таком интеграционном объединении как ЕАЭС обусловлены следующим: фор-

мирование независимого механизма конкурентного ценообразования в целях снижения зависимости от конъюнктуры цен на мировом рынке; использование данного рынка в качестве инструмента поддержки валютного курса стран производителей (экспортёров); использование рынка электронных (биржевых) торгов нефтью и нефтепродуктами в качестве платформы для интеграции с системами международной биржевой торговли; ускорение процесса торгового обмена за счёт снижения (снятия) входных барьеров на национальные сегменты рынка нефти и нефтепродуктов, в том числе и с помощью снятия ограничений доступа к системам транспортировки; повышение потенциала обеспечения энергетической безопасности стран-участниц ЕАЭС с учётом роста доступа к энергетическим ресурсам стран-экспортёров [8]. Более того, основными целями будут: развитие конкурентных отношений, рыночного ценообразования, равный доступ к сегментам рынка энергоресурсов, а именно нефти и нефтепродуктов. С учётом вышеуказанных задач, в целом, прогнозируемые результаты от создания общего рынка нефти ЕАЭС оцениваются в сумму до 8 млрд долл. в год.

Сложность в данном процессе представляют значимые различия в организации и функционировании рынков нефти на уровне каждого государства, то есть на национальном уровне. В связи с этим необходимо наиболее подробно подойти к изучению институтов, инструментов регулирования и правовой базы для начала каждого государства, а в последующем уже потенциальных общих начал на уровне ЕАЭС. Данные аспекты реализуются на основе Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанного в городе Астане 29 мая 2014 года, конкретно они содержатся в разделе XX «Энергетика» статьях 79–85 и разделе XXVII «Переходные положения», а также в приложениях к нему 21–23.

Рассматривая вышеназванные положения, стоит также отметить Концепцию формирования общего рынка нефти и нефтепродуктов Союза, которая была утверждена 31 мая 2019 года в Астане Высшим советом ЕАЭС. Создание данного документа предполагалось в целях успешной и более эффективной реализации, во исполнение Программы формирования ОРНиНП (далее — Программа), утверждённой решением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 23.

Нельзя не отметить сложности при создании общего рынка нефти ЕАЭС, при унификации норм в виду существенных различий в моделях рынков нефти и нефтепродуктов в каждой из стран ЕАЭС. Интересы стран-производителей оставались противоречивыми, несмотря на существенное для них значение нефти и нефтепродуктов, как и с позиции стран-экспортёров, так и со стороны стран-импортёров [5].

Несомненно, перечисленные факты замедлили создание правовых основ ОРНиНП ЕАЭС. Так, например, разработку базового Международного договора (соглашения) о формировании общих рынков нефти в Союзе начали лишь в 2021 году, а его подписание и вступление в силу должно быть по плану завершено до 1 января 2025 года, что будет отмечено позже. Сейчас, пожалуй, необходимо отметить, что указанный документ является важным. Обоснуем данную мысль.

Дело в том, что в договоре будут предусмотрены следующие аспекты формирования общего отраслевого рынка ЕАЭС:

1) унифицированные правила доступа к системам трубопроводов и транспортировки (в том числе и транзита, до конца 2021 г.), целью которых является создание равных возможностей для всех участников рынка, независимо от страны происхождения и объёмов поставок;

2) разработка единых правил торговли нефтью и нефтепродуктами, что обеспечит равные конкурентные возможности для продавцов и недискриминационный доступ для покупателей, независимо от страны происхождения до конца 2023 г. (наиболее сложным аспектом является проблема создания унифицированной системы ценообразования);

3) создание институциональных и правовых основ системы и принципов биржевой торговли нефтью и нефтепродуктами (до конца 2023 г.), которые бы позволили максимально сократить факторы влияния государственной регуляторной системы и обеспечили бы высокий уровень либерализации рынка в данном сегменте (внедряя свободу конкуренции без ограничений и установления высоких входных барьеров);

4) разработка регламентов единой (или совместимой) информационной системы по учёту и контролю на создаваемом общем рынке.

Исходя из положений представленных правовых документов и актов, которые в своей системе работают на создание общего рынка нефти и нефтепродуктов в рамках ЕАЭС, можно выделить ряд этапов, в соответствии с которыми будет протекать процесс формирования общего рынка. Их определим в зависимости от сроков и дат, которые нашли своё нормативное закрепление. Особенностью будет являться то, что этапы будут протекать в чёткой последовательности: транспортировка, добыча и переработка [3].

Итак, первый этап включает в себя период времени с 2018 по 2021 годы. В это время должны быть завершены следующие мероприятия, предусмотренные Программой. В их числе: во-первых, формирование правил технологического взаимодействия национальных операторов по транспортировке нефти и условий доступа к системам транспортировки для представителей всех стран-участниц, во-вторых, унификация законодательной базы в целом по отрасли, а также регламентация работы систем информационного обмена между странами.

Стоит отметить, что вопросы транспортировки, обозначенные выше, будут решаться на условиях недискриминации или иначе недискриминационного доступа к системам транспортировки нефти и нефтепродуктов национальных операторов. Законодательно это установлено в Приложении 23 Договора (пункт 7). Установление тарифа на транспортировку нефти производится в соответствии с национальным законодательством оператора, однако с значительным ограничением в виде недопущения роста цен для резидентов стран-партнёров по ЕАЭС выше уровня цен для внутреннего пользования, то есть для резидентов страны-оператора. Это позволит создать равные условия для всех хозяйствующих субъектов стран-участниц ЕАЭС, как для продавцов, так и для покупателей. Более того, указанное ограничение сформирует некую базу для развития биржевой торговли на рынке нефти, поскольку будут сняты ограничения по транспортировке, существующие на национальных рынках нефти.

По окончании первого этапа формирования общего рынка нефти в странах ЕАЭС необходимо иметь унифицированные и гармонизированные национальные правила и «общее» законодательство в сфере регулирования рынка нефти.

Второй этап будет происходить с 2021 года соответственно по 2024 год. Он преследует следующую задачу: создание общих правил торговли нефтью с одной стороны на базе договоров различных по длительности действия (то есть между самими субъектами и между странами), а с другой стороны для масштабной биржевой торговли. Здесь важным будет успешный результат первого этапа, который в перспективе должен предоставить начала для развития конкуренции на монополизированном рынке нефти. Таким образом, по завершении этапа сформулированные нормы о ведении свободной торговли нефтью на конкурентной основе повысят конкурентоспособность национальных производителей, а также изменят развитие нефтяного сегмента экономики в целом.

После достигнутых результатов на двух этапах уже можно будет к концу 2024 года говорить о начале функционирования общего рынка нефти. К этому времени ожидается подписание международного договора, законодательная регламентация положений, так как будут сняты противоречия и уже будут разработаны основополагающие начала, определённые модели по организации рынка нефти ЕАЭС. Помимо этого, не позднее 1 января 2025 года при практической реализации договоров и соглашений, заключённых между субъектами, а следовательно, при применении новых созданных институциональных механизмов на практике, должен заработать сам общий рынок нефти стран ЕАЭС. Таким образом временные рамки третьего этапа можно определить следующим образом: конец 2024 года — 1 января 2025 года [4].

Некоторые специалисты отмечают, что в этот момент работает лишь переходная модель, что скорее всего обусловлено многими трудностями. Весь представленный процесс сложно осуществить даже в рамках указанных промежутков времени и последующее формирование общего рынка нефти ЕАЭС после 2025 года всё ещё будет происходить на основе созданной переходной модели.

Институциональное правовое регулирование является лишь первым необходимым условием для функционирования общего рынка нефти и нефтепродуктов в рамках ЕАЭС. Помимо этого, нам видится также немаловажным создание дополнительных инструментов и механизмов (инфраструктурных объектов) на уровне с вышеуказанным условием по согласованию. Это позволило бы сформировать правоприменительную практику исполнения достигнутых соглашений и договорённостей, обеспечить взаимный доступ субъектов рынка стран-участниц ЕАЭС к системам национальных операторов транспортировки (магистральные трубопроводы, танкерные и железнодорожные перевозки), конкурентного ценообразования (операторы биржевой торговли), системе технологического обеспечения взаимодействия на общем рынке между продавцами и покупателями, а также доступ к системам хранения (нефтехранилища, складская инфраструктура) и регулировать его. Подобные аспекты предполагают дополнительное урегулирование до 2025 года [2].

Основные параметры планируемой Концепции общего рынка нефти и нефтепродуктов формально заключаются в следующих моментах. Во-первых, сохраняется национальный сегмент рынка, а именно ценообразование, технические требования и конкурентная модель. В целом, данная модель общего рынка создается по аналогии с Концепцией общего рынка электроэнергии, но с определёнными особенностями, которые присуще данному рынку, а именно сложности в транспортировке.

Во-вторых, сближение регулирующих инструментов посредством унификации и гармонизации для организации общего рынка с едиными правилами обращения нефти и нефтепродуктов на данном рынке без ограничений. Данный аспект позволит убрать противоречия между странами и создать благоприятные условия для развития конкуренции.

В-третьих, как уже было отмечено, для стран-партнёров РФ самым проблемным моментом является доступ к Российским трубопроводам сырья, и поэтому важным является создание механизма обеспечения доступа к услугам национальных операторов по транспортировке нефти и нефтепродуктов на равных условиях, с определёнными техническими оговорками. Помимо этого, даётся и возможность ведения хозяйственной деятельности субъектов рынка на территории стран-партнёров по интеграционному блоку и осуществления торгов на биржевых площадках.

Данные меры могут существенно поменять системы взаимоотношений между участниками интеграции и позволят также сохранить баланс их интересов, для сохранения и национальных интересов стран ЕАЭС.

Существуют, конечно, и проблемные моменты реализации данной Концепции, а касаются они прежде всего сложных взаимоотношений между странами — экспортёрами и импортёрами, а точнее России и Белоруссии. Начало данного конфликта было положено еще в начале 2000-х годов, а суть касалась вопросов ценообразования в нефтегазовой сфере и тенденции постепенного отхода от льготных условий поставок. Противоречия касались срыва покупки «Газпромом» акции «Белтрансгаза» взамен на поставку газа по внутренним ценам российских потребителей. После урегулирования конфликтов Россия ввела экспортные пошлины на нефть, а Белоруссия ввела пошлину на транзит через нефтепровод «Дружба». Далее конфликты касались и перекачки нефти без уплаты пошлины в российский бюджет в 2012 году и так называемой «перетаможки» в 2017 [6].

Далее конфликты продолжились, и в 2018 году Россия решила ускорить процесс перехода с уплаты экспортной пошлины на нефть на налог на добычу полезных ископаемых, что позволило увеличить цену на экспортируемую нефть в Белоруссию. И, конечно, для последней это было не очень выгодно, что повлекло за собой угрозы повторения маневра с транзитом через нефтепровод «Дружба» и смены страны поставщика.

В этой связи стоит отметить потенциал создания общего рынка нефти и его производных в преодолении вопросов ценового противостояния между Россией и Белоруссией, в частности, что обуславливает высокую степень активности белорусской стороны в вопросах лоббирования ускоренного формата перехода к общему рынку [12].

В рамках решения вышеуказанных вопросов и в контексте Концепции ОРНиП, наиболее взаимовыгодным будет яв-

ляться переориентация Белоруссии на казахстанскую поставку нефти. В экспертной среде данное действие будет расцениваться как недружественный шаг по отношению к стратегическому партнёру, то есть к России. Но полностью Казахстан компенсировать российские поставки не сможет, позволит Белоруссии диверсифицировать свой портфель импорта нефти. Уровень цен по данным поставкам будет очевидно сформирован на уровне равновесной цены на мировом рынке, что позволит приблизиться к рыночным принципам ценообразования в рамках создания ОРНиНП.

Далее образовывается проблема в поставках нефти из Казахстана — это заключение соглашения с Россией о прокачивании через систему трубопроводов «Транснефти». Опыт по прокачке казахстанской нефти через российские трубопроводы уже имеется, но довольно малый, поэтому нет проблем ни технических, ни конкурентных для переориентации Белоруссии на казахстанскую нефть. Это упирается лишь в вопросы политических отношений, так как Концепция общего рынка нефти и его производных позволит беспрепятственно прокачивать нефть.

Россия же не останется без определенной выгоды. Это позволит ей переориентировать замещённую нефть в третьи страны по более выгодной цене, что существенно пополнит бюджет Российской Федерации. И по экспертным данным замещённая нефть поможет оптимизировать эксплуатацию и мощность портов Новороссийска и Усть-Луги.

Таким образом, образование общего рынка нефти имеет определённое преимущество в разрешении спорных моментов ценообразования на рынке и эффективности задействования имеющихся инфраструктурных объектов по перекачке, что в долгосрочной перспективе обеспечит доходность данной отрасли.

Также сотрудничество предполагает реформирование требований технического регламента, что позволит создать универсальные системы требований к качеству нефти и нефтепродуктов, что по своей сути станет условием обеспечения недискриминационного доступа участников к российским трубопроводам и транспортной инфраструктуре в целом.

Что касается отношений с другими странами-партнерами, то Россия и Армения, после вступления последней в союз ЕАЭС, смягчили порядок беспошлинной поставки нефтепродуктов, исключив условия о переносе неуплаченных вывозных таможенных пошлин в государственный долг Армении перед Россией. Что касается Киргизии, то Правительство РФ и Пра-

вительство Киргизии заключили соглашение о сотрудничестве в сфере поставок нефти и нефтепродуктов от 6 июня 2016 г., в котором предусматривалось возможность беспошлинных поставок нефти и нефтепродуктов в рамках внутреннего потребления Киргизии с ежегодным согласованием объёмов и номенклатуры поставок.

С Казахстаном было достигнуто соглашение об обновлении перечней нефтепродуктов, запрещённых к вывозу из России в Казахстан и из Казахстана за пределы таможенного союза.

Таким образом, при том, что российский сектор нефтяного рынка преобладает над её партнерами по интеграции, то на плечи последней ложится львиная доля затрат, в том числе и налоговая нагрузка в рамках ЕАЭС по обеспечению беспошлинных поставок нефти и нефтепродуктов за счёт прямых финансовых потерь собственного нефтяного сектора.

Из всего сказанного, можно сделать вывод о том, что общий рынок нефти и нефтепродуктов между странами ЕАЭС представляет собой создание интегрированных электронных торгов, где члены союза смогут навязывать свою политику для покупателей касаясь поставок, транспортировки и хранения углеводородов в границах единого экономического пространства ЕАЭС [13]. Общий рынок можно будет интегрировать и в мировой, что позволит иностранным компаниям по отношению к интеграционному союзу участвовать на торгах. Что касается самого Союза, то тут в соответствии с Концепцией последние получают недискриминационный доступ к нефтяной инфраструктуре партнеров, то есть получают возможность закупать нефть и её производные без количественных ограничений по рыночной цене без экспортных пошлин. ОРНиНП позволит последним отойти от жёсткой привязки конъюнктуры цен на мировом рынке и позволит сделать рынок наиболее конкурентоспособным. Также преимуществом данного механизма будет являться защита от ценовых колебаний на внешнем мировом рынке [14]. Помимо отраслевой выгоды, некоторые эксперты говорят о положительном влиянии общего рынка на поддержание курса национальной валюты, объёмов золотовалютных резервов и реализации социальных программ.

Таким образом, странам-участникам в настоящий момент придётся поступиться гордостью, жертвуя краткосрочными потерями ради среднесрочных выгод. И этот мощный интеграционный потенциал в долгосрочной перспективе может стать локомотивом интеграции в ЕАЭС.

Литература:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.04.2022) // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/, дата обращения: 05.07.2022 г.
2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 N23 «О формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза» (вместе с «Программой формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза», «Планом мероприятий по формированию общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза») // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_313084/, дата обращения: 05.07.2022 г.
3. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза // Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents.pdf>, дата обращения: 05.07.2022 г.
4. Бычкова А. А. Актуальные проблемы формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов ЕАЭС // Современные аспекты экономики. 2018. № 12 (256). С. 184–188.

5. Калугин П. В. Энергетическая стратегия России и перспективы формирования единого рынка нефти и нефтепродуктов ЕАЭС // Инновации и инвестиции. 2018. № 2. С. 99–102.
6. Каницкая Л. В. Завершение большого налогового манёвра и его влияние на формирование общего рынка нефти и нефтепродуктов ЕАЭС // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование. Материалы Международного Байкальского форума. 2018. С. 139–146.
7. Мигранян А. А. Формирование общего рынка нефти и нефтепродуктов ЕАЭС // Геоэкономика энергетики. 2019. № 4. С. 44–60.
8. Саркисян Т. С. Создание общих рынков в ЕАЭС: этапы и содержание // Известия Санкт-петербургского Государственного Экономического Университета. 2017. № 1–1 (103). С. 65–69.
9. Россия сохранила второе место в мире по добыче нефти // Режим доступа: <https://ria.ru/20211018/neft-1755044689.html>, дата обращения: 05.07.2022 г.
10. О рынке нефти // Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/RPS2JsXD/oil-dec.pdf>, дата обращения: 05.07.2022 г.
11. Сайт Евразийского экономического союза // Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/>, дата обращения: 05.07.2022 г.
12. Активная позиция Беларуси в ЕАЭС: общий рынок нефти // Режим доступа: <https://belchemoil.by/news/neft/obshhij-ry-nok-nefti>, дата обращения: 06.07.2022 г.
13. Единый рынок нефти и газа ЕАЭС: за и против // Режим доступа: <https://nangs.org/news/markets/edinyj-rynok-nefti-i-gaza-eaes-za-i-protiv-13848>, дата обращения: 06.07.2022 г.
14. Чем выгоден странам ЕАЭС общий рынок энергоресурсов // Режим доступа: <https://rg.ru/2021/10/15/chem-vygoden-stranam-eaes-obshhij-rynok-energoresursov.html>, дата обращения: 07.07.2022 г.

Проблемы возмещения морального вреда

Котов Валерий Викторович, студент магистратуры
Открытый гуманитарно-экономический университет (г. Москва)

В данной статье рассмотрены актуальные проблемы возмещения морального вреда на современном этапе развития гражданско-правовой науки.

Ключевые слова: моральный вред, компенсации, возмещение, денежное возмещение, натуральное возмещение.

Компенсация морального вреда является одним из перечисленных в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ) законных способов защиты гражданских прав, а сам институт морального вреда уже давно и прочно укоренился в российском законодательстве.

Гражданско-правовое регулирование компенсации морального вреда определяется многими научными трудами, решениями правоприменительных задач, учитывающие различные текущие области исследований морального вреда, правовые особенности реализации возмещения морального вреда. Достаточно серьезное исследование в области правового регулирования компенсации морального вреда проведено С. П. Гришаевым. А. М. Эрделевский провел анализ последних изменений в области компенсации морального вреда в свете принятия Конституционным Судом РФ постановления в области компенсации морального вреда, причиненного имущественным преступлением.

На современном этапе развития гражданско-правовой науки хотелось бы отметить несколько исследований, посвященных вопросам правового регулирования компенсации морального вреда: во-первых, это научные статьи в указанной области, так особого внимания заслуживает статья А. М. Эрделевского «О компенсации морального вреда в связи с нарушением имущественных прав: практика Конституционного суда Российской Федерации» [4]. Данная статья посвящена позиции Конституци-

онного Суда РФ о возмещении морального вреда, причиненного имущественным преступлением. Во-вторых, заслуживает внимания статья Н. Ключевой «Компенсация морального вреда: курс на совершенствование» [3]. В данной статье автор обобщает проблемы практического применения института компенсации морального вреда и предлагает ряд новшеств, которые, по ее мнению, способны уравновесить «судебный перекос». В-третьих, интерес вызывает статья Г. Евстифеевой «Практика становится положительной» [2]. Статья раскрывает особенности компенсации морального вреда родственникам умерших пациентов.

Несмотря на достаточно серьезный пласт научных исследований в области гражданско-правового регулирования компенсации морального вреда, можно говорить о некоторых проблемах законодательного регулирования в указанной сфере, так в должной мере не решен вопрос размере и пределах компенсации морального вреда, при правовом регулировании в недостаточной степени учитываются реалии современного цифрового мира, кроме того законодательство в области правового регулирования возмещения вреда постоянно меняется, что не может отрицательно сказаться на регулировании исследуемых правоотношений.

В общем можно сформулировать три проблемы, решение которых позволит усовершенствовать правовое регулирование компенсации морального вреда:

— понятие морального вреда и его место в гражданском законодательстве;

— формы компенсации морального вреда и условия ее признания;

— критерии для определения размера компенсации морального вреда.

В настоящее время центральной проблемой института возмещения морального вреда является определение размера такой компенсации. Эта проблема связана с отсутствием четких критериев для расчета размера морального вреда, что приводит к повышению степени судебской усмотрения и зачастую — к принципиально разным суммам компенсации в схожих случаях.

Согласно результатам научно-аналитического исследования судебной практики по делам о компенсации морального вреда медианное значение размера компенсации морального вреда за причинение вреда жизни составляет 70 тыс. руб., а за причинение вреда здоровью, повлекшего за собой инвалидность, — 111 тыс. руб. При этом разрыв между крайними размерами компенсации морального вреда составляет 51 раз, а в случае инвалидности — 25 раз. Средний же размер компенсации морального вреда в расчете на одного истца за 1 полугодие 2019 года составляет 84047 руб. Такие данные приведены в разработанных Специальной Комиссией Ассоциации юристов России в марте 2020 года Методических рекомендациях по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. В документе предлагается определить критерии и методы расчета компенсации морального вреда четырех типов:

— компенсация за временные боль, страдания, нарушение привычного образа жизни и снижение качества жизни на период лечения (компенсация за временный дефицит здоровья);

— компенсация за возникновение окончательного и не устраненного в результате лечения дефицита здоровья и связанные с этим боль, страдания, нарушение привычного образа жизни и снижение качества жизни (компенсация за постоянный дефицит здоровья);

— компенсация за боль и страдания, возникшие в результате посягательств на физическую неприкосновенность человека, но не сопряженные с возникновением дефицита здоровья;

— компенсация за страдания, связанные с потерей близкого человека.

Литература:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16 апреля 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2022. № 16. Ст. 2601.
2. Евстифеева Г. Практика становится положительной // Адвокатская газета. 2021. № 20.
3. Ключевская Н. Компенсация морального вреда: курс на совершенствование // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/77235061/> (дата обращения: 06.06.2022).
4. Эрделевский А. М. О компенсации морального вреда в связи с нарушением имущественных прав: практика Конституционного суда Российской Федерации // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/77146136/paragraph/1/doclist/645/showentries/0/highlight/%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%D0%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0:6> (дата обращения: 06.06.2022).

В методичке приводятся примеры расчетов размера компенсации морального вреда с применением соответствующих базовых значений компенсации и уточняющих коэффициентов по стандартным модельным кейсам — «ДТП без вины», «Вина организации» и т.п. Комиссия исходит из того, что разработанная методика могла бы лечь в основу постановления Правительства РФ, посвященного рекомендациям по расчету компенсации морального вреда, или тематического постановления Пленума (Обзора Президиума) ВС РФ, или решений конкретных судов общей юрисдикции, которые в случае прямой ссылки на данную методику и поддержки такой практики на уровне определений Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ могут заложить новую тенденцию практики расчета морального вреда.

Считаем, что указанные методические рекомендации могут лечь в основу порядка определения компенсации морального вреда с установлением минимальных и максимальных границ компенсации с установлением повышающего коэффициента в зависимости от характера и степени нравственных страданий.

Традиционной формой компенсации морального вреда является денежная выплата. Считаем данную ситуацию не совсем правильной. Так, возможно определить в качестве компенсации морального вреда предоставления имущества. В зависимости от того, в связи с чем происходит право на компенсацию, можно определить такой порядок предоставления имущества: при возникновении компенсации в связи с ДТП возможно предоставление автомобиля; при причинении вреда здоровью возможно предоставление имущества позволяющего улучшить состояние здоровья и т.д. В связи с этим, предлагается внести измени в ч. 1 ст. 1101 ГК РФ следующего содержания: «Компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме, а также в форме предоставления имущества».

Еще одной проблемой института компенсации морального вреда является возможность доказывания характера страданий потерпевшего. Категория «страдания» является скорее медицинской, чем юридической, здесь очень важно квалифицированное мнение эксперта-психолога. Считаем, что в делах о компенсации морального вреда участие эксперта-психолога необходимо сделать обязательным, в связи с чем необходимо внести соответствующие изменения в гражданско-процессуальное законодательство.

Современное состояние института компенсации морального вреда

Котов Валерий Викторович, студент магистратуры
Открытый гуманитарно-экономический университет (г. Москва)

В статье рассмотрены тенденции развития законодательства в сфере компенсации морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, компенсации, возмещение, денежное возмещение, натуральное возмещение.

Гражданско-правовое регулирование компенсации морального вреда определяется многими научными трудами, решениями правоприменительных задач, учитывающие различные текущие области исследований морального вреда, правовые особенности реализации возмещения морального вреда.

Становление институт компенсации неимущественного вреда происходило на протяжении многих веков. Уже первые упоминания о подобной компенсации имеют место в памятниках древнерусского права. Русская Правда, не разделяя право на отрасли, упоминает о выплате штрафа в пользу потерпевшего от преступных действий лица. В развитии правовой системы нормы о компенсации морального вреда стали регулироваться только нормами гражданского права.

Дореволюционное гражданское право России не знало института компенсации морального вреда, в то время имели место отдельные нормы, регулирующие частные случаи подобной компенсации.

Вместе с тем, обращаясь к истории права древнерусского государства, можно увидеть, что уже с момента его создания и на протяжении всего периода развития защите нематериальной сферы жизни человека, в том числе путём наложения денежных взысканий в пользу пострадавших от преступлений, уделялось немало внимания.

Моральный вред, как правовая категория, появился лишь в 1990 г. с принятием Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации». Данный нормативно-правовой акт не раскрывал понятия «моральный вред», но уже регулировал частный случай компенсации в денежной форме лицом, причиненный в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный ущерб.

Моральный вред, как физические и нравственные страдания, был определен в Основых гражданского законодательства Союза ССР и республик 31 мая 1991 г. (далее — Основы). В данном нормативно-правовом акте впервые моральный вред получил свою законную интерпретацию. Согласно ст. 131 Основ «моральный вред (физические или нравственные страдания), причиненный гражданину неправомерными действиями, возмещается причинителем при наличии его вины. Моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме и в размере, определяемых судом независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда». Данная интерпретация нашла свое отражение в ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ), данная дефиниция впервые получила свое кодифицированное закрепление. Ст. 151 ГК РФ немного от-

личается от нормативного закрепления понятия морального вреда, изложенного в ст. 131 Основ, так, законодатель сузил круг нарушений, при которых потерпевший имеет право претендовать на возмещение неимущественного вреда, безусловной компенсации теперь подлежали только нарушенные неимущественные права гражданина, а также иные нематериальные блага (честь, достоинство, деловая репутация и т.п.). В иных случаях закон должен был четко закреплять право на компенсацию морального вреда.

В связи с тем, что моральный вред был закреплен в Основных гражданского законодательства, были принят ряд законов, прямо закрепляющих право лица на компенсацию морального вреда. Так, право на компенсацию морального вреда получили лица, которым причинен вред в связи с нарушением охраны окружающей природной среды, также право на компенсацию морального вреда возникало вследствие нарушения прав потребителей, а также нарушением прав работников. Отдельные вопросы возмещения морального вреда были закреплены в законодательстве о статусе военнослужащих.

В настоящее время компенсация морального вреда является одним из способов защиты гражданских прав, перечисленных в ст. 12 ГК РФ. Возмещение морального вреда по праву занимает свое место в системе способов защиты, поскольку является действенным институтом, связанным в восстановление социальной справедливости.

Понятие морального вреда закреплено в ст. 151 ГК РФ, также имеет судебное толкование, подробно раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [2].

В настоящее время тема компенсации или возмещения морального вреда является интересной для исследований. Все чаще к теме компенсации морального вреда обращаются ученые. В исследованиях обозначены три ключевые проблемы: проблема понятия морального вреда; проблема размера компенсации и проблема способов компенсации морального вреда.

Так, в определении морального вреда некоторые ученые считают неверным применение таких категорий, как «моральный» и «нравственный», данные термины применяются законодателем и правоприменителем при определении дефиниции морального вреда. Профессор Малеина М.Н. считает, что данные термины имеют одинаковую смысловую нагрузку, что нарушает логические законы, когда одно понятие раскрывается с помощью схожего понятия. Она считает, что целесообразнее использовать конструкцию «неимущественного вреда» вместо «морального вреда» [3]. Подобная интерпретация по-

зволит определять моральный вред не только в отношении физических лиц, но и юридических лиц. В настоящее время юридические лица исключены из субъектов, имеющих право на компенсацию морального вреда.

Центральной проблемой института возмещения морального вреда является размер компенсации, подлежащей к выплате. Данная проблема имеет место, потому что отсутствуют четкие границы определения размера такой компенсации. Законодатель не установил как нижнего порога компенсации, так и ее верхней границы. Отдавая порядок определения размера компенсации морального вреда на судейское усмотрение, законодатель изначально поставил потерпевшего в неравное положение. Так, при исследовании судебной практики мы определили, что размер компенсации при схожих нарушениях варьируется в достаточно широких пределах: например, в различных регионах размер компенсации морального вреда при нарушении прав потребителей варьируется в пределах от 500 рублей до нескольких сотен тысяч рублей; при компенсации морального вреда, причиненного здоровью гражданина — от 50 тыс. рублей до нескольких миллионов рублей, при этом разрыв в пределах составляет до 51 раза. В 2020 году Специальной Комиссией Ассоциации юристов России разработаны Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека [4]. В данном документе предлагается дифференцировать критерии и методы расчета компенсации морального вреда четырех типов:

— компенсация за временные боль, страдания, нарушение привычного образа жизни и снижение качества жизни на период лечения (компенсация за временный дефицит здоровья);

— компенсация за возникновение окончательного и не устраненного в результате лечения дефицита здоровья и связанные с этим боль, страдания, нарушение привычного образа жизни и снижение качества жизни (компенсация за постоянный дефицит здоровья);

— компенсация за боль и страдания, возникшие в результате посягательств на физическую неприкосновенность человека, но не сопряженные с возникновением дефицита здоровья;

— компенсация за страдания, связанные с потерей близкого человека.

В методичке приводятся примеры расчетов размера компенсации морального вреда с применением соответствующих базовых значений компенсации и уточняющих коэффициентов по стандартным модельным кейсам. Считаем, что указанные методические рекомендации могут лечь в основу порядка определения компенсации морального вреда с установлением минимальных и максимальных границ компенсации с установлением повышающего коэффициента в зависимости от характера и степени нравственных страданий.

Традиционной формой компенсации морального вреда является денежная выплата. Считаем данную ситуацию не совсем правильной. Так, возможно определить в качестве компенсации морального вреда предоставления имущества. В зависимости от того, в связи с чем происходит право на компенсацию, можно определить такой порядок предоставления имущества: при возникновении компенсации в связи с ДТП возможно предоставление автомобиля; при причинении вреда здоровью возможно предоставление имущества позволяющего улучшить состояние здоровья и т.д. В связи с этим, предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 1101 ГК РФ следующего содержания: «Компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме, а также в форме предоставления имущества».

Еще одной проблемой института компенсации морального вреда является возможность доказывания характера страданий потерпевшего. Категория «страдания» является скорее медицинской, чем юридической, здесь очень важно квалифицированное мнение эксперта-психолога. Считаем, что в делах о компенсации морального вреда участие эксперта-психолога необходимо сделать обязательным, в связи с чем необходимо внести соответствующие изменения в гражданско-процессуальное законодательство.

Литература:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16 апреля 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2022. № 16. Ст. 2601.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (в ред. от 06 декабря 2007 г.) // Бюллетень ВС РФ. 1995. № 3; 2007. № 5.
3. Ключевская Н. Компенсация морального вреда: курс на совершенствование // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/77235061/> (дата обращения: 06.06.2022).
4. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека // Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/03/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n (дата обращения: 06.06.2022).

Анализ проблем организационно-правового обеспечения земель городских поселений

Лобанова Ирина Игоревна, студент
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье проведен анализ проблем организационно-правового обеспечения земель городских поселений. Автором в рамках проведенного анализа установлены пробелы законодательства и разработаны предложения для устранения указанных пробелов.

Ключевые слова: обеспечение земель, поселения, система, законодательство, земля, городское землепользование, Земельный кодекс, Конституция, проблема.

Земля в своем базовом значении образует исходный источник всех ресурсов планеты, всех богатств человечества, поскольку с землей прямо либо косвенно связана любая деятельность человека, который на земле рождается, вырастает, образует собственную семью, воспитывает своих детей, внуков и в конце жизни человека ожидает та же земля. В юридическом смысле земля представляется ключевым элементом конституционно-правовой основы жизнедеятельности всех народов мира, что обозначено положениями ст. 9, 36, 72 Конституции РФ [1] и обуславливает системный подход к сфере использования земельных ресурсов с помощью специальных программ, инструментов регулирования экономических отношений, связанных с землями городских, аграрных и пр. территорий [6, с. 74].

Земля вне зависимости от места ее нахождения является источником множества экологических ресурсов, включая растительность, которая вырабатывает жизненно важный для человека кислород, особенно в селитебной территории городских земель [5, с. 91]. При этом земли городских поселений играют кроме прочего важную роль в реализации прав человека на здоровье и выступают среди прочего мощным инструментом инсоляции, необходимой для поддержания нашего здоровья [3, с. 22].

Рачительное регулирование оборота земель городских поселений способствует пополнению муниципального бюджета, увеличению числа рабочих мест в предприятиях, создаваемых на городских землях, наиболее полной реализации публичных интересов различной направленности с приоритетом эффективной комплексной застройки городских территорий [4, с. 111].

Эволюционные аспекты правового развития системы городского землепользования позволяют обобщить ключевые проблемы организационно-правового обеспечения земель городских поселений, которые формируют основные элементы (методологию) анализа правовых аспектов управления землепользованием на городских территориях.

Акцентируем внимание на специальные (земельные) особенности регулирования прав собственности на землю, поскольку в общих нормах ст. 209 ГК РФ четко разграничены элементы права собственности, включающие три вида прав собственника (права владения, права пользования, права распоряжения). Но из содержания п. 3 ст. 5 ЗК РФ следует, что право пользования земельным участком (право землепользования) включает права владения, права пользования соответствующим земельным участком, которые могут объединяться

в правах бессрочного (постоянного) или безвозмездного пользования таким участком. При этом в п. 3 ст. 209 ГК РФ, устанавливающим гражданско-правовые особенности реализации права земельной собственности, не обозначено бланкетных условий применения норм ЗК РФ.

То есть, для устранения неопределенности в системном регулировании права собственности на землю нормами ГК РФ и ЗК РФ представляется целесообразным дополнить п. 3 ст. 209 ГК РФ после слов «Владение, пользование и распоряжение землей» словами «согласно нормам земельного законодательства». Это установит приоритет отраслевых законов перед гражданско-правовыми положениями, что обозначено в п. 3 ст. 3 ЗК РФ.

Следующим правомочием в рамках земельной собственности по общим правилам ГК РФ является право распоряжения землей, которое четко не детализировано нормами действующего законодательства (рисунок 1).

Содержание указанных норм показывает на неопределенность совместного применения указанных правил, поскольку в п. 3 ст. 3 ЗК РФ законодатель исключает сделки из правомочий по распоряжению участком земли, а в п. 2 ст. 37 ЗК РФ — наоборот. Для устранения обозначенного казуса и уточнения содержания права земельного распоряжения предлагается заменить в п. 3 ст. 3 ЗК РФ слова «, а также по совершению сделок» на слова «, включая отношения по совершению сделок».

Представленные сложности в регулировании правомочий земельного собственника устраняются с помощью планирования, систематизации соответствующих программных мероприятий организационно-правового обеспечения земель городских поселений, что аргументируется в работах Э. Ф. Нигматуллиной [8], Н. А. Ястребовой [9] и др. правоведов.

Следует полагать, что перечисленные довольно сложные, разрозненные правомочия земельного собственника в части владения, пользования, распоряжения городскими землями предопределяют соответствующую проблему правового регулирования мероприятий планового, системного управления землями городских поселений.

Основным направлением реализации программ земельного развития считается эффективное, рачительное использование городских и пр. земель [5, с. 223] (рисунок 2).

При этом наиболее важными для устойчивого городского развития представляются инструменты государственно-частного и пр. партнерства в городских условиях расширенных моделей договорного инвестиционного регулирования.

Государством и муниципалитетами осуществляется комплекс контрольно-надзорных мероприятий надзор за право-

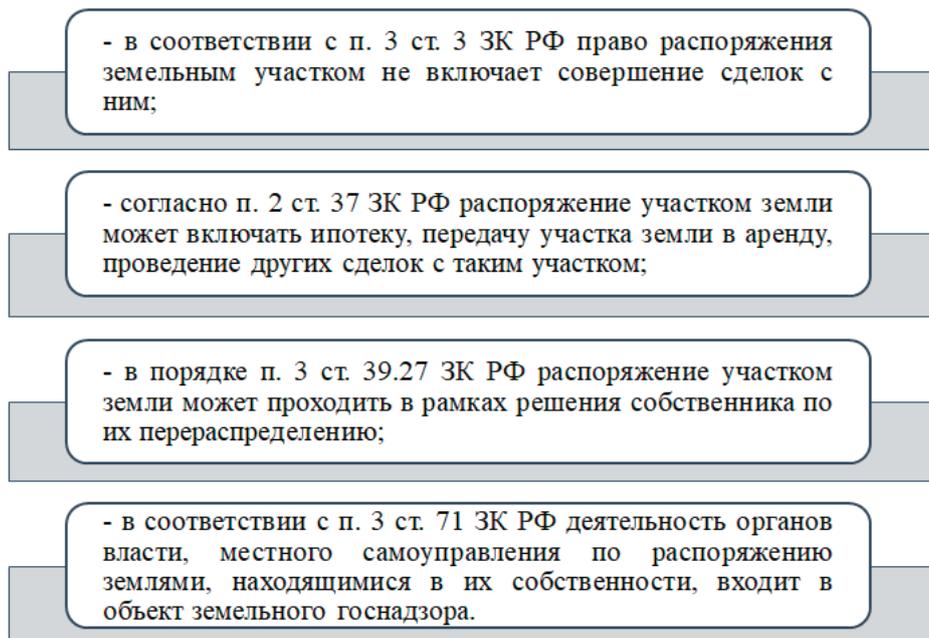

Рис. 1. Разрозненные признаки права земельного распоряжения в ЗК РФ

Рис. 2. Направления движущей силы устойчивого комплексного урбанистического развития

мерностью использования государственных (муниципальных) земель, который входит в систему государственного управления российским земельным фондом. Выделяются следующие виды такого управления и соответствующего земельного контроля:

— общее управление и контрольно-надзорные мероприятия, исполняемые высшими органами исполнительной, представительной и судебной власти РФ;

— специальное управление и земельный контроль-надзор в рамках компетенции органов власти, проводящих контрольно-надзорные мероприятия в сфере природных ресурсов, санитарно-эпиднадзора, строительного контроля);

— отраслевое управление и земельные контрольно-надзорные мероприятия, проводимые соответствующими министерствами и ведомствами РФ;

— внутрихозяйственное управление и земельный контроль в рамках компетенции хозяйствующих субъектов — собственников земли и пр. землепользователей [7, с. 24].

Положения главы XII (ст. 71–72.1) ЗК РФ в этом направлении предусматривают подсистемы мероприятий земельного госнадзора, земельного муниципального и общественного контроля, которые среди прочего определяют основы цифровых инструментов проведения федерального земельного государственного контроля (надзора) при использо-

вании ИТ-преимуществ Единого госреестра недвижимости (ЕГРН), обозначенных специальной госпрограммой по обеспечению качества, полноты данных ЕГРН в объеме 95% до 2031 года [2].

Исходя из представленных аспектов проведения земельного контроля (надзора), можно говорить соответствующей проблеме эффективного правового регулирования подсистемы контрольно-надзорных мероприятий системы управления землями городских поселений.

Систематизация обозначенных общих проблемных аспектов развития правовых механизмов российского землепользования отражает методологический подход к исследованию современной системы регулирования мероприятий использования городских земель, включающий последовательный поиск проблем и обоснование их решений в приори-

тетных сегментах планирования, инвестирования и контроля мероприятий использования земельных ресурсов в городских поселениях.

В рамках проведенного анализа установлены пробелы законодательства, для устранения которых предложено:

1) дополнить п. 3 ст. 209 ГК РФ после слов «Владение, пользование и распоряжение землей» словами «согласно нормам земельного законодательства», что установит приоритет отраслевых законов перед гражданско-правовыми положениями, обозначенный в п. 3 ст. 3 ЗК РФ;

2) заменить в п. 3 ст. 3 ЗК РФ слова «, а также по совершению сделок» на слова «..., включая отношения по совершению сделок», что уточнит содержание права земельного распоряжения и устранил неопределенность совместного применения правил п. 3 ст. 3 ЗК РФ и п. 2 ст. 37 ЗК РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс], — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 14.06.22).
2. Постановление Правительства РФ от 01.12.2021 № 2148 (ред. от 29.04.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная система пространственных данных» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 50 (часть IV). Ст. 8542.
3. Андреева, П. Н. Право на инсоляцию в системе прав и свобод личности: сравнительно-правовое исследование: дисс... канд. юрид. наук / П. Н. Андреева. — Москва, 2020. — 195 с.
4. Коновальчикова, С. С. Конституционное право на жилище и пределы его реализации при развитии застроенной территории: дисс... канд. юрид. наук / С. С. Коновальчикова. — Новосибирск, 2019. — 233 с.
5. Лисина, Н. Л. Концептуальные основы правовой охраны окружающей среды в городах: монография / Н. Л. Лисина. — Москва: Юрлитинформ, 2020. — 430 с.
6. Мустакимов Н. С. Методология регулирования инвестиционной деятельности на региональном уровне в части земельных отношений / Н. С. Мустакимов, З. К. Кондратенко // Аграрное и земельное право. 2017. № 2 (146). С. 73–76.
7. Мустакимов Н. С. Проблема реализации государством правомочий собственника / Н. С. Мустакимов, А. Г. Степанова // Марийский юридический вестник, Т. 1. № 2 (21), 2017. С. 21–23.
8. Нигматуллина Э. Ф. Правовые средства в земельном праве: теоретико-методологическое и отраслевое исследование: дисс... докт. юрид. наук / Э. Ф. Нигматуллина. — Казань, 2021. — 393 с.
9. Ястребова, Н. А. Сохранение исторических городских поселений методами градостроительного зонирования: учебное пособие / Н. А. Ястребова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Волгоградский государственный технический университет. — Волгоград: ВолгГТУ, 2019. — 196 с.

Название как часть произведения, охраняемая авторским правом

Ляпкина Татьяна Сергеевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В научной статье рассмотрено понятие части произведения как объекта авторских прав. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению категории «название произведения».

Ключевые слова: объект авторских прав, часть произведения, название произведения, персонаж произведения, авторское право.

Название призвано привлечь внимание и повысить ценность произведения, лежащего в его основе [1]. Другими словами, названия книг, игр, фильмов и других литературных и художественных произведений имеют большое значение, по-

этому правообладатель произведения имеет естественный интерес в том, чтобы иметь возможность защитить название произведения, чтобы оно ассоциировалось только с этим произведением, а не с произведениями других лиц.

Согласно статье 1259 ГК РФ, в качестве объекта авторских прав может выступать не только произведение науки, литературы и искусства, но и часть произведения, включая персонаж и название произведения. Часть произведения — это фрагмент произведения, а элемент произведения — это единица выразительного средства произведения, из которой складывается выразительное средство произведения в целом.

На практике возникал вопрос о том, охраняется ли часть произведения как самостоятельный объект правовой охраны или как часть произведения. Моргунова Е. А. полагает, что «в отношении части произведения не существует самостоятельных, отличных от прав на произведение прав, так как тогда право на произведение должно было представлять собой совокупность прав на то, из чего оно состоит, а это не так — исключительное право является единым правом на произведение. Да и само произведение в таком случае будет рассматриваться как совокупность объектов авторских прав, что не соответствует действительности» [2, с. 37]. Часть произведения согласно п. 7 ст. 1259 ГК РФ охраняется, если является результатом самостоятельного творческого труда и выражена в объективной форме. Относительно охраны части произведения были даны разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда № 10 от 23.04.2019. Так, в п. 81 указанного Постановления дается следующее разъяснение: авторское право с учетом п. 7 ст. 1259 ГК РФ распространяется на любые части произведений при соблюдении следующих условий в совокупности:

— такие части произведения сохраняют свою узнаваемость как часть конкретного произведения при их использовании отдельно от всего произведения в целом;

— такие части произведений сами по себе, отдельно от всего произведения в целом, могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и выражены в объективной форме.

К частям произведения могут быть отнесены в числе прочего: название произведения, его персонажи, отрывки текста (абзацы, главы и т.п.), отрывки аудиовизуального произведения (в том числе его отдельные кадры), подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Из данных разъяснений видно, что высшая судебная инстанция рассматривает название произведения как части произведения.

Вопрос о возможности охраны названия произведения как самостоятельного объекта авторского права рассматривался еще в советский период. Название произведения, как правило, состоит из одного слова или словосочетания. Ионас В. Я. выделял в слове внешнюю форму (звук), внутреннюю форму (значение) и содержание (чувственный образ или понятие) [3, с. 43].

На основе этой структуры В. Я. Ионас выделил три вида заглавий.

Первый вид — заглавия, состоящие из обиходных слов в их обычном смысле, например название произведения «Детство». Этот вид заглавий не может быть самостоятельным объектом авторского права.

Второй вид — заглавия, неотделимые от произведения, в которых в старые слова вкладывается новое значение, отра-

жающее идею произведения. Ионас В. Я. в качестве примера указывает название произведения Н. А. Островского «Как закалялась сталь». Этим названием он указывает на идею романа в целом. Однако если это название отделить от романа, то оно теряет свою внутреннюю форму и указывает на технологию литейного производства.

В связи с изложенным В. Я. Ионас приходит к выводу, что такие заглавия также не могут выступать в качестве самостоятельного объекта авторского права, а могут лишь охраняться вместе с произведением.

Третий вид — это афористические заглавия, они имеют самостоятельное значение. В качестве примера В. Я. Ионас приводит «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Автор делает вывод, что данные названия должны охраняться законодательством об авторском праве как самостоятельные объекты авторского права.

Представляется, что именно о третьем виде названия произведения и говорится в п. 7 ст. 1259 ГК РФ, так как в положениях данного пункта подчеркивается, что авторское право распространяется на название произведения, если по своему характеру оно может быть признано самостоятельным результатом творческого труда.

Кроме того, на практике нередко поднимался вопрос о том, охраняются ли авторским правом названия известных персонажей. Мурзин Д. В. предложил формально относиться к названию произведения. В качестве примера он привел название персонажа Маша из известного всем мультипликационного фильма «Маша и Медведь». Маша представляет собой просто четыре буквы [4].

Мы полностью разделяем позицию Д. В. Мурзина, для решения вопроса об охране чего-либо в качестве объекта авторского права надо обращать внимание исключительно на то, есть ли творчество в том, что является объектом рассмотрения — форма произведения, — и не выискивать другие, не имеющие правового значения для авторско-правовой охраны факторы.

Если использование названий известных персонажей расчитано на возникновение ассоциации у читателей, то это никак не связано с институтом авторского права.

Таким образом, если в отрыве от произведения название не представляет собой результат творческого труда, то оно объектом авторских прав не является.

Хочется отметить, что добавление статьи 15 к Бернской конвенции было предложено, но не принято на Брюссельской конференции в 1948 году: «Никакое название литературного или художественного произведения не может быть использовано третьими лицами для обозначения другого произведения в любой стране Союза, в которой первое упомянутое произведение стало настолько известным под этим названием, что использование этого названия для другого произведения привело бы к путанице между этими двумя произведениями». Тем не менее, некоторые участники конвенции ввели в действие конкретные положения об охране названий, тексты которых аналогичны предлагаемому.

Подробные требования, которым должно отвечать произведение, чтобы получить охрану авторского права, не регулируются конвенцией в явном виде. Конвенция подразумевает, что произведение должно быть интеллектуальным творением

(статья 2(5)), то есть оно должно быть создано человеком и обладать определенной оригинальностью или индивидуальностью [5].

Это также признано Европейским судом в деле C-5/08 Inforaq. ЕСПИ имел возможность истолковать Бернскую конвенцию и заявил (параграф 34): «Кроме того, из общей схемы Бернской конвенции, в частности из статьи 2(5) и (8), следует,

что охрана определенных объектов в качестве художественных или литературных произведений предполагает, что они являются результатом творчеством». Требование, которое в параграфе 37 выражено как требование «оригинальности».

Таким образом, название произведения как объект авторского права обладает по сравнению с самим произведением большим своеобразием.

Литература:

1. Mattel Inc v MCA Records Inc, 296 F.3d 894 (9th Cir 2002)).
2. Моргунова Е. А. Часть произведения как объект авторских прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. N3. С. 37–44.
3. Ионас В. Я. Произведения творчества в гражданском праве. — М., 1972.
4. Протокол заседания СНК СИП N4 от 23.05.2014 // <https://ipc.arbitr.ru/>. Jørgen Blomqvist, «Primer on International Copyright and Related Rights», Edward Elgar 2014, стр. 82

Трансферы в спорте: проблемы правового регулирования (на примере вида спорта «футбол»)

Маркова Юлия Дмитриевна, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Настоящее исследование представляет собой анализ правового регулирования переходов профессиональных спортсменов из одних спортивных клубов в другие на уровне законодательства Российской Федерации, а также на уровне международных и национальных спортивных федераций (на примере футбольной среды). Рассматривается соответствие существующей правовой регламентации трансферов современным реалиям, изучается зарубежный опыт по данному вопросу.

Ключевые слова: трансфер, спорт, переход игроков, футбол, спортивное законодательство, спортсмен.

Интенсивное развитие рыночных отношений не могло не затронуть и такую сферу общественной жизни как профессиональный спорт. В настоящее время он представляет собой не только игровую деятельность, подготовку к соревнованиям и участие в них, но и модель организации бизнеса [12], сферу активного осуществления предпринимательской деятельности.

Одним из элементов коммерческой деятельности в профессиональном спорте является *трансферная система*, т.е. переход спортсмена из одного профессионального клуба в другой. Несмотря на устойчивое развитие в международной практике, до сих пор правовая регламентация указанной системы остается одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем. Очевидно, что данный вопрос актуален в том числе и для Российской Федерации, где договор трансфера наиболее ярко проявляется в таком популярном виде спорта как футбол.

Необходимо рассмотреть, является ли существующий на данный момент опыт государственного регулирования трансферов удачным? Какая правовая регламентация перехода игроков на сегодня представляется наиболее актуальной для Российской Федерации и какую роль здесь играют спортивные федерации? Вот основные задачи данного исследования, для достижения которых также целесообразно обратиться к зарубежному опыту по данной теме.

Для начала необходимо отметить, что в профессиональном спорте трансфером является деловая сделка между двумя спор-

тивными клубами, заключаемая каждый раз, когда игрок по трудовому договору переходит из одного такого клуба в другой. В общей сложности, спортсмены могут использовать институт трансфера исключительно во время так называемого трансферного окна и согласно правилам, установленным руководящим органом.

Далее обратимся к анализу основных российских законодательных актов в сфере договора трансфера.

Соответствующими документами являются Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее — Закон № 329-ФЗ) [1], а также Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — Трудовой кодекс РФ) [2], в частности, появившаяся в 2008 году глава 54.1 об особенностях регулирования труда спортсменов и тренеров.

При этом понятие трансфера или перехода спортсменов отсутствует в обоих законодательных актах. В статье 348.4 Трудового кодекса РФ лишь упоминается о временном переводе спортсмена к другому работодателю в случаях, когда работодатель не имеет возможности обеспечить участие атлета в спортивных соревнованиях.

В 1999 — начале 2008 годов существовала противоположная ситуация, когда еще действовал Федеральный закон Российской Федерации «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» № 80-ФЗ от 29.04.1999 года (далее — Закон № 80-ФЗ) [3]. Статья 26 данного акта касалась переходов спор-

тсменов. Так, спортсмен мог перейти в другой спортивный клуб (в том числе иностранный спортивный клуб) после окончания срока действия контракта о спортивной деятельности и выполнения указанных в нем обязательств. До окончания срока действия контракта или в случае невыполнения указанных там обязательств спортсмен мог осуществить переход только по взаимному согласию спортивных клубов.

Данная статья вызывала множество споров. Так, по мнению ряда ученых [14] Закон вступал в противоречие с Трудовым кодексом РФ, в связи с чем любой спортсмен на основании статьи 80 Трудового кодекса РФ (о расторжении трудового договора по инициативе работника) мог в любое время подать заявление об увольнении и, не выплатив компенсации своему спортивному клубу, заключить новый трудовой договор с другой спортивной организацией, например, за рубежом. Положения о выплате обязательной компенсации при досрочных расторжениях контракта по инициативе спортсмена, предусмотренные Законом № 80-ФЗ, в данном случае не применялись, поскольку Трудовой кодекс РФ обладал большей юридической силой в соответствии с закрепленной в нем статьей 25.

Кроме того, ввиду коллизии в законодательстве велась активная полемика о характере регулирования профессиональной деятельности спортсменов. Часть исследователей поддерживала мнение о регламентации такой деятельности нормами трудового права [17]. Некоторые ученые придерживались позиции о возможности регулирования правоотношений спортсменов с помощью смешанных договоров, содержащих как нормы трудового, так и гражданского законодательства [11].

Появление главы 54.1 в новой редакции Трудового кодекса РФ, специально регламентирующей правоотношения между спортсменами и тренерами, ограничило возможность применения такой лазейки и заодно обозначило позицию законодателя по отраслевой принадлежности регулирования трансферов спортсменов, которая впоследствии прослеживалась в разъяснениях Верховного суда Российской Федерации.

В частности, в Постановлении Пленума от 24 ноября 2015 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» законодатель подчеркнул приоритет норм трудового права перед нормами гражданского права в правоотношениях, связанных с регулированием труда спортсменов [4]. Вместе с тем, суд уточнил, что в договор с такой категорией работников разрешено включать условия гражданско-правового характера.

Тем самым в России государство ограничилось созданием института «временного перевода спортсмена к другому работодателю» в главе 54.1 Трудового кодекса РФ, т.е., по сути, закрепило конструкцию «аренды» атлета, т.к. трансфер обычно оформляется трудовым договором с отлагательным условием.

Таким образом, в Российской Федерации посредством законодательства регламентируется довольно малая часть правоотношений в области переходов игроков. Следовательно, целесообразно задаться вопросом, какую роль в данном вопросе играет корпоративное регулирование, т.е. положения международных и российских спортивных федераций?

Отметим, что исходя из подпункта 5 пункта 1 статьи 16 Закона № 329-ФЗ следует, что общероссийские спортивные феде-

рации могут принимать антидопинговые положения, правила видов спорта, а также спортивные регламенты.

Несмотря на то, что данные акты не признаются в качестве официальных источников права Трудовым кодексом РФ, а также Законом № 329-ФЗ, довольно сложно отрицать их существенное влияние на развитие и регулирование переходов спортсменов на практике, ввиду скудности соответствующего законодательного регулирования, а также в связи с тем фактом, что изначально правоотношения в футболе были предметом саморегулирования, что, в свою очередь, обусловлено историческим развитием спорта. Более того, в качестве примера самостоятельности корпоративного регулирования можно привести собственную систему лицензирования, выработанную Российским футбольным союзом. Это система допуска игроков или спортивных команд к участию в соревнованиях на территории России при условии соблюдения определенных критериев [7].

Итак, определенная степень независимости спортивных организаций, регулирующих систему профессионального футбола, способствовала выработке самостоятельных правовых регуляторов, установленных преимущественно в форме регламентов [13]. В области международного футбола таким основополагающим документом выступает Регламент ФИФА [5].

Как показывает практика Спортивного арбитражного суда, регламенты международных спортивных федераций имеют первостепенное значение как источник применимого права при разрешении споров по международным переходам игроков [21]. Кроме того, положения, установленные в таких актах международных федераций обязательны для соблюдения национальными федерациями.

Тем не менее и Регламент ФИФА не содержит определения трансфера, трансферного контракта, не указывает на его правовую природу и предмет. По мнению ряда ученых это обусловлено тем, что данный документ имеет больше универсальное значение, а для развития и детализации его положений принимаются национальные регламенты [16].

В российском футболе основным документом по корпоративному регулированию в футболе выступает Регламент Российского футбольного союза [6]. Статья 1 Регламента вводит определения переходов футболистов в другие спортивные клубы, а также трансферного контракта. В данном понятии не содержится предмета данного договора, но представление о нем можно сделать исходя из Приложения № 5 Регламента РФС, где закреплена типовая форма сделки трансфера спортсмена.

Регламент ФИФА и Регламент РФС довольно подробно регламентируют правоотношения в сфере трансфера, закрепляя помимо прочего систему регистрации трансферов футболистов (Transfer Matching System), систему компенсации за подготовку спортсмена, механизм солидарности, регулирование «прав третьих лиц» на получение доходов от профессиональных футболистов (third party ownership) и другие важные аспекты.

Прежде чем перейти к заключению, представляется важным обратиться к опыту иностранных государств по корпоративному и законодательному регулированию переходов игроков.

В Литве, во Франции, как и в Российской Федерации, источником такого регулирования выступают как регламенты международных и национальных спортивных федераций, так и наци-

ональное законодательство в части гражданского или трудового права, которое может быть применено для регламентации правоотношений по договору трансфера [8]. Однако во Франции отношения в области спорта в целом регулируются значительно большим объемом государственных норм, которые отражены в Спортивном кодексе Франции и в Законе от 15 декабря 2004 г. № 2004–1366 «О различных положениях, относящихся к профессиональному спорту», который был принят для улучшения конкурентоспособности французских спортивных клубов на международной арене [10] [9]. Тем не менее, как и в России в данных странах отсутствует четкая граница между корпоративным и законодательным регулированием, в связи с чем между спортивными организациями и государственными органами возникает большое количество судебных разбирательств [15].

В США переходы спортсменов также регулируются в основном регламентами спортивных федераций, причем в данной стране особенно распространено правило «свободного агента», которое дает спортсмену при достижении такого статуса возможность рассматривать сразу несколько предложений от различных спортивных организаций по трансферу и самостоятельно устанавливать цену [22].

В Греции, Болгарии и Венгрии в отличие от большинства стран государство уделяет большое внимание правовому регулированию трансферов спортсменов на законодательном уровне [20], [18].

В соответствующих законах устанавливается характер встречного предоставления по трансферу, порядок заключения трансферного контракта, сопутствующие обязательства, процедура расторжения договора и т.д.

Таким образом, в большинстве стран в силу исторических обстоятельств, а также нежелания государств вмешиваться в данную сферу, основными источниками регулирования переходов спортсменов являются регламенты международных и национальных спортивных федераций. Российская Федерация не стала исключением. Так, на сегодняшний день в России сложилась дуалистическая модель управления правоотношениями в области переходов профессиональных футболистов в другие клубы, которая включает в себя как государство, так и международные и национальные спортивные федерации. Вторые продолжают играть значительную роль в регламентации трансфера профессиональных футболистов прежде всего в силу исторических обстоятельств, но наблюдается и постепенный рост государственной вовлеченности.

Литература:

1. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. От 25.02.2022) // СПС «Консультант Плюс»
2. Федеральный закон от 04.12.2017 № 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»
3. Федеральный закон от 29.04.1999 № 80-ФЗ (ред. от 30.06.2007) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24.11.2015 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» // СПС «Консультант Плюс»
5. Регламент ФИФА по статусу и переходам игроков в ред., утвержденной Исполкомом ФИФА в Йоханнесбурге 07.06.2010 // URL: http://www.fifa.com/documents/static/regulations/Status_Transfer_EN.pdf
6. Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов. Утвержден Постановлением Исполкома Общероссийской общественной организации «Российский футбольный союз» от 05.03.2011 № 141/4 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902323634>

Важно отметить, что с одной стороны, необходимо не допустить чрезмерного государственного вмешательства в регулирование трансферных правоотношений в футболе, т.к. это способно разрушить сложившуюся правовую систему в данной сфере, с другой стороны, проблема коррупции, халатности в официальном документообороте, возникающих махинаций для обхода выплаты налогов, компенсационных выплат и иных денежных сумм требуют государственного вмешательства. Тем самым крайне важно определить роль Российской Федерации и пределы ее участия в правовой регламентации сделок трансфера.

Для достижения указанной задачи на наш взгляд требуется принять специальный закон «О профессиональном спорте в Российской Федерации», который будет иметь высшую юридическую силу в том числе в сфере переходов игроков в другие профессиональные клубы. В данном документе должны быть отражены исключительно основополагающие положения о трансфере профессиональных спортсменов, такие как — понятие трансфера и трансферного контракта, предмет и существенные условия данного контракта, стороны сделки, их основные права и обязанности, виды трансферных выплат, временный перевод игрока в другой спортивный клуб. Чтобы не превратить институт трансфера в государственную монополию, в указанный Федеральный закон надлежит добавить бланкетные нормы, в частности, ссылки на регламенты международных и национальных спортивных федераций соответствующих видов спорта, которые будут содержать более полное правовое регулирование и применяться в субсидиарном порядке. Это позволит в том числе более оперативно реагировать на постоянно изменяющиеся правоотношения в институте трансфера профессиональных спортсменов.

Также рационально привести остальное российское законодательство в соответствии с Федеральным законом «О профессиональном спорте в Российской Федерации» и регламентами международных и национальных спортивных федераций.

В заключение подчеркнем, что Российской Федерации необходимо как можно скорее внести соответствующие поправки в законодательство для того, чтобы усовершенствовать правовое регулирование трансферов, облегчить переход спортсменов из одного спортивного клуба в другой, и, наконец, повысить авторитет российского спорта на международной арене.

7. Руководство РФС по лицензированию футбольных клубов в Российской Федерации (в редакции 5.0 на 2021 г.) // URL: https://rfs.ru/subject/documents/index?id=1&cat_id=25
8. Закон Литовской Республики от 20.12.1995 «О физической культуре и спорте» // URL: <http://eseimas.lrs.lt/portal/legalActPrint/lt?jfwid=q8i88mg1q&documentId=TAIS.339024&category=TAD>
9. Закон Франции от 15 декабря 2004 г. № 2004-1366 «О различных положениях, относящихся к профессиональному спорту» // URL: <http://legifrance.gouv.fr>.
10. Спортивный Кодекс Франции. Законодательная часть / Пер. с фр. А. А. Соловьева, М., 2009. С. 134
11. Васильев С. В. Особенности трудового договора профессиональных спортсменов и рассмотрение споров в области профессионального спорта: автореферат... к.ю.н.: 12.00.05/ Васильев Сергей Викторович. — Москва, 2006 — С. 91
12. Гусов К. Н., Шевченко О. А. Спортивное право. Правовой статус спортсменов, тренеров, спортивных судей и иных специалистов в области физической культуры и спорта. М., 2010. С. 81
13. Кошель А. Б. Государственное регулирование и саморегулирование в области профессионального спорта // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 113
14. Оводов А. А. «В спорте, во многих сферах, творится беззаконие» (интервью с Председателем комиссии Ассоциации юристов России по спортивному праву Алексеевым Сергеем Викторовичем) // Юрист. 2009. № 7. С. 3
15. Соловьев А. А. Зарубежные модели и опыт кодификации спортивного законодательства. М., 2011, С. 46
16. Скребец А. И. Предмет и правовая природа международного трансферного контракта // URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/172853/1/192-208.pdf>
17. Шевченко О. А. Особенности правового регулирования труда профессиональных спортсменов: автореферат. к.ю.н.: 12.00.05. / Шевченко Ольга Александровна. — М., 2005. С. 70–71
18. Law of the physical education and sport of Bulgaria // Ministry of Youth and Sports of Bulgaria. 2016 // URL: <http://mpes.government.bg/Documents>
19. Panagiotopoulos D. P. Sports law: Lex sportiva & Lex Olympica: theory and practice. Athens: Ant. N. Sakkoulas, 2011
20. The economic and legal aspects of transfers of players // The centre for the law of economics of sport. 2016. // URL: <http://ec.europa.eu/sport/library/documents/cons-study-transfers-final-rpt.pdf>
21. Thornton P. K. Sports law. Boston: Jones and Barlett Publishers, 2011. P. 213

Судебный департамент или «кровеносная система» судебной ветви власти

Мурадасилова Зарема Сидалиевна, студент

Научный руководитель: Денисович Вероника Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Правосудие является жизненно необходимым элементом здорового общества. Общество имеет возможность цивилизовано развиваться только при наличии строго установленных границ, которыми являются запреты и ограничения, так сказать «рамки дозволенного». Однако, самого факта наличия данных границ мало для развития цивилизованного общества, любое посягательство на нарушение данных границ должно быть непременно пресечено, а нарушитель должен быть привлечен к юридической ответственности. Целью правосудия и является установление всех обстоятельств, наличия вины и назначение соразмерного деянию наказания. Отсюда следует, что судебная ветвь власти является основой здорового и цивилизованного общества.

Для качественной и эффективной работы судебной власти в первую очередь важна организация работы всей ветви на всех уровнях, чем и занимается Судебный Департамент.

Административно-правовая организация деятельности Судебного департамента в целом, является основой эффективного функционирования судебной системы и гарантом беспрепятственного осуществления правосудия.

Организационное, финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности судей федеральных судов всех

видов и уровней, судей судов субъектов Российской Федерации, мировых судей, соответствующее стандартам современного правового государства и способствующее эффективному функционированию судебной системы, является важнейшей гарантией статуса судей и качественного осуществления правосудия.

В Российской Федерации создана и функционирует система административно-правового обеспечения осуществления судопроизводства, гарантирующая принцип самостоятельности и независимости судебной власти и судей. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» [1] (далее — ФЗ «О Судебном департаменте» ...).

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации является федеральным государственным органом, осуществляющим организационное обеспечение деятельности кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, верховных судов республик, краевых и областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов, арбитражных

судов округов, арбитражных апелляционных судов, арбитражных судов республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов (далее также — арбитражные суды субъектов Российской Федерации), районных, городских и межрайонных судов (далее также — районные суды), окружных (флотских) военных судов, гарнизонных военных судов, специализированных федеральных судов (далее также — федеральные суды), органов судейского сообщества, финансирование мировых судей и формирование единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей [2].

Под организационным обеспечением деятельности судов традиционно понимается особый вид государственной деятельности, осуществляемый уполномоченными государственными органами с участием институтов судейского сообщества, несовместимый с выполнением судебных функций, и имеющий целью всемерное содействие эффективному функционированию правосудия путем решения вопросов организации судебной системы, создания и обеспечения для нее необходимых финансовых, кадровых, материально-технических условий.

Судебный департамент, управления (отделы) Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и создаваемые им учреждения (далее — органы и учреждения Судебного департамента) образуют систему Судебного департамента и способствуют эффективному функционированию судебной системы.

Деятельность Судебного департамента, органов и учреждений Судебного департамента является административно-правовой, т.е. управленческой деятельностью, регулируемой нормами административного права. Поскольку термин «административное» происходит от латинского слова *administrationis* и означает «руководить, управлять». Управление чаще всего

воздействует на сам процесс жизненного бытия, затрагивая все сферы и механизмы общества. Регулятором всех отношений, возникающих в сфере государственного управления, является административное право, право внутриорганизационного характера, постоянно усиливающего в настоящее время свою социальную значимость.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Судебный департамент является «кровеносной системой» всей судебной системы, так как деятельность его затрагивает абсолютно все области судебной системы, от организации приема искового заявления до передачи решения суда на исполнение, от наличия канцелярских принадлежностей для организации работы до организации взаимодействия с иными ветвями власти.

Переоценить работу Судебного Департамента сложно, однако выявление актуальных проблем, возникающих в ходе ежедневной деятельности суда, способствует совершенствованию работы Судебного Департамента в целом.

По-нашему мнению, к актуальным проблемам работы Судебного департамента можно отнести отсутствие прямого подчинения работников канцелярий, приемной и секретариата непосредственно Судебному департаменту, а не председателю конкретного суда, что приводит к значительным отличиям в организации работы судов даже в пределах одного субъекта Российской Федерации. По-нашему мнению, также немаловажным является вопрос отсутствия форменной одежды и знаков отличия непосредственно службы Судебного Департамента, что в целом отражается на общем восприятии работников как государственных служащих и понижает их профессиональный авторитет на общем фоне служащих системе правосудия, скорее определяя им место обслуживающего персонала.

Литература:

1. Федеральный закон «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» от 08.01.1998 N7-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]// <http://www.consultant.ru/document/дата обращения 22.02.2022>
2. Федеральный закон от 29.07.2018 N266-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» [Электронный ресурс]/дата обращения 22.02.2022

Правовые аспекты территориального планирования

Русакова Полина Алексеевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В данной статье рассматривается проблема соотношения территориального планирования и градостроительного зонирования, а также их документов.

Ключевые слова: функциональные зоны, территориальные зоны, генеральный план, правила землепользования и застройки.

Земля в силу своих природных свойств создает основу для социально-экономического развития общества, в связи с чем системное планирование в отношении данного ресурса является обязательным в сфере его использования и охраны. Схемы

территориального планирования Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся к документам, утверждаемым в рамках реализации основных направлений деятельности целеполагания [3].

Однако документы территориального планирования характеризуются значительной степенью правовой неопределенности, как и требования к содержанию этих документов, что негативным образом сказывается на общей эффективности достижения поставленных целей социально-экономического развития, а также механизма реализации норм земельного и градостроительного законодательства.

Основной проблемой является соотношение документов территориального планирования, а именно функционального зонирования (генеральный план поселения и городского округа), и градостроительного зонирования (правила землепользования и застройки) (далее — ПЗЗ) и соответственно соотношение функциональных зон с территориальными зонами в рамках муниципальных образований. Например, согласно ч. 3 ст. 31 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ (ред. от 01 мая 2022) (далее — ГрК РФ) [1] подготовка проекта ПЗЗ осуществляется с учётом документов территориального планирования, а согласно ч. 9 той же статьи проект ПЗЗ проверяется на соответствие указанным документам.

То есть законодательство устанавливает двустадийную систему определения правового режима земель поселения и городского округа. Исключения составляют: случаи, прямо указанные в законе (ч. 6 ст. 18, ч. 4 ст. 31 ГрК РФ), а также случаи определения функциональных зон на межселенных территориях. Такие зоны определяются схемой территориального планирования муниципального района (ст. 19 ГрК РФ).

Верховный Суд Российской Федерации указал на принцип первичности генерального плана как основополагающего документа территориального планирования, который определяет стратегию градостроительного развития, перед ПЗЗ. Следовательно, появляется возможность оспаривания ПЗЗ в судебном порядке по мотиву их несоответствия генеральному плану в части параметров застройки.

С одной стороны, в законодательстве заложена идея о нестрогом соответствии данных документов, но с другой стороны, как отмечает Верховный Суд Российской Федерации, существует ряд обратных положений. Однако несоответствие ПЗЗ генеральному плану не является основанием для безусловного внесения изменений в ПЗЗ, лишь за единичными исключениями, что указывает на юридическую небезупречность правовой позиции суда.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 01.05.2022) // СЗ РФ. 2005. № 1(часть 1). Ст. 16.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 28.05.2022) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
3. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть 1). Ст. 3378.
4. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
5. Федеральный закон от 21.12.2004 г. № 172-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // СЗ РФ. 2004. № 52(часть 1). Ст. 5276.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.12.2015 г. по делу № А41-59561/2014 // Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2b86b476-cff0-48d2-9056-615e5f2e21a1/841846e3-5a79-498b-a687-8bc2efd7eaf9/A41-59561-2014_20151202_Reshenija_i_postanovlenija.pdf, (дата обращения: 26.06.2022).

Спорным является и признание судами генерального плана нормативным правовым актом. Следует отметить, что: он не содержит нормативных предписаний, за несоблюдение сроков не предусматриваются конкретные меры юридической ответственности, в самом же тексте генерального плана отсутствуют чёткие правила поведения и сам его текст зачастую не соответствует требованиям юридической техники.

Ещё одним дискуссионным вопросом является правовое регулирование процесса функционального зонирования. Положения градостроительного законодательства содержат лишь определение функциональной зоны, не раскрывая, что следует понимать под функциональным назначением и какие именно параметры функционального зонирования могут быть установлены. Данный вопрос разрешается муниципальными образованияами. Следует подчеркнуть отличие генерального плана от ПЗЗ в этой части, ведь содержание градостроительных регламентов весьма чётко определено в законе.

Таким образом, двойная система зонирования — функционального и градостроительного — избыточна: для целей определения правового режима земельных участков достаточны существующее в настоящее время деление земель на категории по целевому назначению и зонирование территории муниципального образования; границы и виды функциональных и территориальных зон практически совпадают, а органы местного самоуправления и судебные органы не проводят различия между ними; нецелесообразно и наличие излишнего количества документов, направленных на установление правового режима земельных участков.

Компромиссная модель совершенствования градостроительного законодательства в рассматриваемой сфере заключается в отказе от функционального зонирования. Как следствие, юридическое значение генерального плана сводится к определению местоположения и параметров планируемых к размещению объектов местного значения, а также к установлению границ населенных пунктов, входящих в соответствующее муниципальное образование. В целях повышения информационной обеспеченности использования и охраны земель в генеральных планах следует воспроизводить местоположение и основные параметры объектов, планируемых к размещению схемами территориального планирования всех уровней.

7. Нарышева Н. Г. Юридическое значение документов территориального планирования // Экологическое право. 2017. № 5. С. 7–12.
8. Крассов О. И. Понятие и содержание правового режима земель // Экологическое право. 2003. № 1.
9. Беляев В. Л. Согласование градостроительных и земельных вопросов: состояние, задачи и возможные пути решения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 9, 10.
10. Сидоркин А. А. Соотношение правил землепользования и застройки и генеральных планов поселений (городских округов): теория и практика // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя. 2018. С. 230–231.
11. Трутнев Э. К., Бандорин Л. Е. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2009.
12. Бандорин Л. Е. Разрешенное использование земельных участков: дис... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 102.
13. Бочаров М. В. К обсуждению типовых правил землепользования и застройки // Управление развитием территории. 2012. № 2.
14. Картоотека арбитражных дел // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/9ce99297-46ce-472f-9860-f4b9f12194a7>, (дата обращения: 26.06.2022).

Кибермошенничество: вопросы квалификации

Столберова Валерия Михайловна, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В данной статье анализируются особенности квалификации хищений, совершаемых с использованием компьютерных технологий на основании судебной практики. Отмечается противоречивый характер такого состава преступления как мошенничество в сфере компьютерной информации, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ. Приводятся точки зрения специалистов относительно обоснованности указанного состава. Делается вывод о необходимости внесения уточнений по ряду вопросов в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48.

Ключевые слова: хищение, мошенничество, компьютерная информация, квалификация, состав преступления.

Cyberbullying: questions qualifications

This article analyzes the features of the qualification of thefts committed using computer technology on the basis of judicial practice. The contradictory nature of such a corpus delicti as fraud in the field of computer information, provided for in Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, is noted. The points of view of specialists regarding the essence and validity of the specified composition are given. It is concluded that it is necessary to make clarifications on a number of issues in the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 № 48.

Keywords: theft, fraud, computer information, qualification, corpus delicti.

Развитие современного общества в направлении глобальной цифровизации, бесспорно, привело к ряду положительных результатов. На сегодняшний день трудно представить жизнь каждого человека без информационных технологий. С их помощью мы можем осуществлять трудовую деятельность, совершать покупки, оплачивать счета, пользоваться теми или иными услугами (в том числе банковскими) и т.п. Однако невозможно не обращать внимания на увеличивающийся, в связи с активным внедрением компьютерных средств в нашу жизнь, процент преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.

Существование большого разнообразия мошеннических схем (уловок), связанных с применением компьютерных систем, а также их постоянное видоизменение способствовало появлению в Уголовном кодексе (далее — УК РФ) такого состава преступления, как «Мошенничество в сфере компьютерной информации», предусмотренного ст. 159.6. Внедрение отдельной разновидности мошенничества должно было способствовать облегчению деятельности судов по квалификации

деяний лиц, совершающих хищения с использованием компьютерных технологий. Однако это привело к появлению противоречий в судебной практике. То есть следует говорить о том, что по сходным уголовным делам о хищении суды квалифицируют действия лиц по-разному: как кражу, классическое мошенничество, как мошенничество с использованием электронных средств платежа или в сфере компьютерной информации.

В качестве примера следует привести ряд ситуаций из судебной практики, иллюстрирующих вышеуказанное противоречие. Так, К., воспользовавшись телефоном М. и увидев, что к нему подключена банковская услуга «мобильный банк», совершила перевод денежных средств посредством направления с указанного телефона смс-сообщения на соответствующий номер, выполняющий непосредственно функцию перевода. Суд квалифицировал действия К. по ч. 1 ст. 159.6 УК РФ [1].

Необходимо привести пример иной квалификации деяния, имеющего сходные обстоятельства. Ф., воспользовавшись отсутствием внимания со стороны У., взяла оставленный им без

присмотра телефон, на котором имелась подключенная услуга «мобильный банк». Путем отправки с телефона потерпевшего смс-сообщения на соответствующий номер с командой «перевод», осуществила перевод денежных средств. В данном случае суд квалифицировал деяние Ф. по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [2].

Анализ судебной практики позволяет увидеть, что суды в ряде случаев допускают ошибки относительно того, с положением какого состава преступления следует соотносить в целом действия виновных при данных обстоятельствах. В прочем, разрешает указанные противоречия принятое 30 ноября 2017 года Постановление Пленума Верховного Суда № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее — ППВС № 48). Анализируя вышеуказанные ситуации из судебной практики, необходимо все же указать, каким образом следует квалифицировать хищения, совершенные путем использования, допустим, услуги «мобильный банк». В п. 21 ППВС № 48 указано, что по таким действиям вменяется ст. 158 УК РФ, «если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети» [3].

Важно отметить, что ППВС № 48 в п. 21 также урегулировало ситуацию, когда виновное лицо совершает хищение путем распространения ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в Интернете. Действия лиц в данном случае должны быть квалифицированы по ст. 159, а не по ст. 159.6 УК РФ. Наглядно демонстрирует указанное положение следующее уголовное дело: Б. разместил в известном интернет-сервисе заведомо ложное объявление о продаже сертификатов на покупку товаров в интернет-магазине, номиналом 10000 рублей. В ходе общения Б. с потенциальным покупателем в виде Н., Б. предложил перечислить ему денежные средства за вышеуказанный сертификат в сумме 7000 рублей с помощью перевода на банковский счет. Следуя указаниям Б., Н. перечислил денежные средства на его банковский счет [4].

По-прежнему вменение ст. 159.6 УК РФ вызывает вопросы и, в связи с этим, в доктрине имеются разногласия относительно правовой природы данного состава преступления. Так, Смолин С.В. придерживается точки зрения, согласно которой указанная норма подлежит исключению в связи с «нарушением законодательной техники и излишней казуистичности», приводящие к отсутствию единообразного ее применения судами [5, с. 37].

Шумихин В.Г. рассматривает состав преступления, предусмотренный ст. 159.6 УК РФ в качестве самостоятельной формы хищения, поскольку мошенничество в сфере компьютерной информации по своим конструктивным признакам не совпадает с классическим мошенничеством, а потому не соотносятся как общая и специальная нормы [6, с. 229].

Фадина Ю.П. считает, что целесообразнее было бы не внедрение отдельного состава мошенничества в сфере компьютерной информации, а дополнение уже существующих соответствующим признаком [7, с. 119].

Таким образом, в научной литературе можно обнаружить самые разнообразные точки зрения относительно сущности мошенничества в сфере компьютерной информации. К тому же, прошло немало времени с момента введения данной нормы в УК РФ, но, как и доктрина, судебная практика также является неоднородной. Так, заслуживает внимания следующая ситуация: К. и Ф., предварительно похитив специализированное оборудование, предназначенное для осуществления денежных переводов, убедили Н., Т. и В. оказать им помощь в получении переводов денежных средств, которых К. и Ф. якобы не могли произвести в связи с утратой паспортов. К. и Ф. попросили указанных лиц предоставить их паспорта для оформления и осуществления указанной операции. Получив согласие Н., Т. и В., они произвели фиктивные несанкционированные денежные переводы. В конечном итоге денежные средства затем были получены в почтовом отделении непосредственно Н., Т. и В., после чего переданы К. и Ф. Деяния К. и Ф. суд первой инстанции квалифицировал по пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158; ч. 4 ст. 159 УК РФ. Апелляционным определением приговор суда первой инстанции был изменен, а именно: с ч. 4 ст. 159 на ч. 3 ст. 159.6 УК РФ. Кассационная инстанция подтвердила указанную квалификацию [8]. В целом, следует согласиться с позицией суда апелляционной инстанции, поскольку хищение денежных средств в данном случае совершалось путем взаимодействия злоумышленников с техническим оборудованием и ввода компьютерной информации. Обман же использовался непосредственно при последующем получении денежных средств.

Поэтому следует иметь в виду, что для мошенничества в сфере компьютерной информации не характерны признаки обмана и введения в заблуждение конкретного лица [9, с. 133–134]. То есть, имея в виду классическое мошенничество (ст. 159 УК РФ), субъект преступления непосредственно «контактирует» с потерпевшим, в ходе чего находят свое отражение указанные раннее свойства. В рамках ст. 159.6 УК РФ лицо взаимодействует с компьютерной системой, в связи с чем осуществляется ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации; иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Анализ правоприменительной практики по делам о хищении с использованием компьютерных технологий показал, что на сегодняшний день имеется сложность в квалификации указанных деяний. Это обусловлено прежде всего тем, что имеется необходимость в более подробном разъяснении ряда вопросов на законодательном уровне через соответствующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ. Поэтому эффективность реализации ст. 159.6 УК РФ будет напрямую зависеть от полноценного понимания особенностей ее объективной стороны, а именно способа совершения деяния, поскольку именно по данному критерию происходит разграничение мошенничества в сфере компьютерной информации от смежных составов.

Литература:

1. Приговор Братского городского суда Иркутской области от 27 октября 2017 года по делу № 1–440/2017.— Текст: электронный // ГАС РФ «Правосудие». — URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>. (дата обращения: 28.06.2022).

2. Приговор Чухломского районного суда Костромской области от 11 ноября 2021 года по делу № 1–63/2021.— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ.— URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YMxTtO6GYw15/>. (дата обращения: 28.06.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета.— 2017.— № 280.
4. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 7 июля 2020 года по делу № 1–319/2020.— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ.— URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Y6grplCeHS67/>. (дата обращения: 28.06.2022).
5. Смолин С. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы толкования и применения нормы ст. 159 УК РФ // Информационное право.— 2015.— № 4.— С. 35–39.
6. Шумихин В. Г. Седьмая форма хищения чужого имущества // Вестник Пермского университета. Юридические науки.— 2014.— № 2.— С. 229–233.
7. Фаина Ю. П. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сети Интернет // Вестник Югорского государственного университета.— 2017.— № 1 (44).— С. 117–121.
8. Постановление Президиума Волгоградского областного суда от 29 марта 2017 года № 44у-36/2017 по делу № 1–171/2016.— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ.— URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6vA5eQXYBV1e/>. (дата обращения: 28.06.2022).
9. Чупрова А. Ю. Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий // Уголовное право.— 2015.— № 5.— С. 131–134.

Правовая природа иных интеллектуальных прав

Сучков Александр Вадимович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье автор рассматривает основные доктринальные точки зрения относительно теоретических и практических проблем, возникающих по поводу «иных» интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, иные интеллектуальные права, исключительное право, личные неимущественные права, авторское право, результаты интеллектуальной деятельности, защита интеллектуальных прав.

Основной характеристикой результатов интеллектуальной деятельности как объектов гражданских прав, отличающей их от объектов вещных прав, является нематериальный характер первых.

На результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, в отличие от объектов вещных прав и других объектов гражданских прав распространяется действие исключительного права. Это имущественное право позволяет правообладателю использовать, распоряжаться, разрешать или запрещать другим лицам использование такого результата или такого средства по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом (ст. 1229 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)).

Также на результаты интеллектуальной деятельности помимо исключительного права распространяются личные неимущественные и иные интеллектуальные права, такие как право следования, право доступа и другие (ст. 1226 ГК РФ). Термин интеллектуальные права часто сравнивается юристами с термином вещные права, который действует в отношении материальных объектов, но, тем не менее, отождествлять их не стоит.

В соответствии с ГК РФ интеллектуальные права не зависят от права собственности на материальный носитель, в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной де-

ятельности или средства индивидуализации (ст. 1227 ГК РФ), за исключением случая, предусмотренного в п. 2 ст. 1291 ГК РФ, когда приобретатель оригинала, к которому не перешло исключительное право на произведение, вправе без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения демонстрировать, воспроизводить в каталогах и передавать для демонстрации на выставках приобретённый в собственность оригинал.

Вопрос об имущественном или неимущественном характере и о перечне иных интеллектуальных прав остаётся открытым. Как отмечает Л. А. Новоселова, некоторые виды прав на результаты интеллектуальной деятельности не подпадают ни под категорию исключительного права, ни под категорию личных неимущественных прав: это не только право следования и право доступа, действующие в отношении произведений искусства, упоминаемые в ст. 1225 ГК РФ, но и право на вознаграждение за служебные результаты интеллектуальной деятельности, право автора музыкального произведения, использованного в аудиовизуальном произведении, на получение вознаграждения за публичное исполнение либо сообщение в эфир или по кабелю аудиовизуального произведения (ст. 1263 ГК) и другие [7, с. 168].

Как отмечает Л. В. Щербак, интеллектуальные права не являются субъективными правами, а выступают искусственной конструкцией, призванной объединить разнородные по своей

природе гражданские права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. «Иные» права не имеют нормативно выраженных признаков, они не могут быть отнесены ни к исключительному праву, ни к личным неимущественным правам [11, с. 133].

Неопределенность правовой ситуации с иными интеллектуальными правами заключается в том, что в ст. 1226 ГК РФ данный вид прав приведен в составе интеллектуальных прав на охраняемый результат. Перечень иных интеллектуальных прав в названной статье не приведен, указан лишь его открытый характер.

Г. Н. Черничкина полагает, что открытого перечня этих прав быть не может, исходя из назначения этих прав для обеспечения охраны результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации [9, с. 63]. Кроме этого, в законодательстве и практике одно и то же право из числа «иных» в различных ситуациях рассматривают как два разных права. Например, право на вознаграждение согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2009 № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» в судебной практике разграничивается на два вида: право на вознаграждение и право на вознаграждение за служебное произведение, которые, по мнению Г. Н. Черничкиной, следует признавать одним правом на вознаграждение [8, с. 50].

Также затруднено определение способов защиты интеллектуальных прав из-за неопределенности в перечне «иных» интеллектуальных прав. Так, ст. 1250 ГК РФ устанавливает, что интеллектуальные права защищаются способами, предусмотренными ГК РФ, «с учетом существа нарушенного права и последствий нарушения этого права». Тем не менее ГК РФ закрепляет только нормы для защиты личных неимущественных прав (ст. 1251) и исключительных прав (ст. 1252) с учетом их существа и последствий нарушения как абсолютных прав и, соответственно, прав неимущественных и имущественных. ГК РФ не содержит каких-либо отдельных положений о защите «иных» интеллектуальных прав.

Л. А. Новоселова отмечает, что «они защищаются общими способами в соответствии со ст. 1250 ГК РФ», поскольку «особенностей защиты иных интеллектуальных прав не установлено» [7, с. 167]. Тем не менее непосредственно в ст. 1250 ГК РФ как таковые общие способы защиты интеллектуальных прав вообще не упоминаются. В связи с этим затруднительно выбрать способ для защиты, например, права следования, поскольку на сегодняшний день отсутствуют определение сущ-

ности «иных» интеллектуальных прав, а также ряд последствий их нарушения.

Ряд ученых относит интеллектуальные права к личным неимущественным правам, другие обосновывают имущественную природу интеллектуальных прав. Э. П. Гаврилов отмечает, что такая ситуация связана с тем, что из текста ст. 1226 ГК РФ «нельзя сделать вывод о том, являются ли эти «иные права» имущественными или личными неимущественными правами» [4, с. 74].

И. В. Шостак хотя и признает «иные» интеллектуальные права неимущественными, все-таки отмечает, что они «содержат в себе значительный имущественный элемент», и полагает, что «их нельзя в полном смысле слова назвать личными, так как хотя они и неотчуждаемы, но могут принадлежать другому лицу — наследнику» [10, с. 33].

С. С. Алексеев отмечает, что «иные интеллектуальные права» наделены элементами как имущественного, так и неимущественного характера» [3, с. 315].

Единое мнение о природе иных интеллектуальных прав среди ведущих специалистов отсутствует. Ряд авторов определяют их как «иные, не являющиеся исключительными» [6, с. 97].

Некоторые ученые объясняют наличие иных интеллектуальных прав «техническим приемом», позволяющим объединить те субъективные права, которые нельзя однозначно определить ни как личные неимущественные права, ни как правомочия в составе исключительного права» [5, с. 65].

Новоселова Л. А. подчеркивает, что такой прием направлен «на разграничение исключительного права, личных неимущественных прав и всех остальных интеллектуальных прав», и склоняется к мнению, что «большая часть иных интеллектуальных прав имеет имущественный характер, однако при этом тесно связана с личностью автора» [7, с. 164].

Г. Н. Черничкина отмечает, что «отсутствует объяснение того факта, что связь с личностью автора не мешает этим правам переходить к другим лицам, а также вопрос о том, какие именно по природе эти остальные интеллектуальные права, остается без ответа» [9, с. 70].

Таким образом, ни в научной доктрине, ни в ГК РФ до сих пор не существует четкого понимания и установленного перечня «иных интеллектуальных прав». Законодателю необходимо обратить особое внимание на данный вопрос, поскольку эффективная защита таких прав, сочетающих в себе как элементы имущественных, так и личных неимущественных прав, возможна только в случае закрепления критериев их правовой охраноспособности в нормативных правовых актах.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 16.06.2022) // Российская газета, № 289, 2006.
2. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 26.03.2009 № 5/29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 6.
3. Алексеев С. С. Гражданское право в вопросах и ответах: Учеб. пособие / Под общ. ред. С. С. Алексеева. 2-е изд. М., 2009. 326 с.
4. Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. 973 с.

5. Горленко С. А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) (постатейный): В 2 т. / С. А. Горленко, В. О. Калятин, Л. Л. Кирий и вадр.; отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016. Т. 1. 485 с.
6. Калятин В. О. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / В. О. Калятин, О. М. Козырь, А. Д. Корчагин и др.; отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. 811 с.
7. Новоселова Л. А. Право интеллектуальной собственности: Учеб. / Е. В. Бадулина, Д. А. Гаврилов, Е. С. Гринь и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. Т. 1: Общие положения. 512 с.
8. Черничкина Г. Н. К вопросу о мерах защиты и ответственности за нарушение права автора на вознаграждение // Современный юрист. 2018. № 3. С. 48–59.
9. Черничкина Г. Н. Иные интеллектуальные права части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // «Современное право», 2019, № 3, С. 61–73.
10. Шостак И. В. Проблемы классификации интеллектуальных прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 31–38.
11. Щербак Н. В. Эволюция структуры авторских прав в современном гражданском законодательстве // «Вестник гражданского права», 2020, № 1, С. 133–146.

Договоры об отчуждении и передаче интеллектуальных прав в трансграничных отношениях

Сучков Александр Вадимович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье автор рассматривает проблему отсутствия единообразного понимания содержания договоров об отчуждении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также лицензионных договоров в трансграничных отношениях.

Ключевые слова: договор об отчуждении исключительного права, лицензионный договор, интеллектуальная собственность, трансграничный оборот интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Оборот интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности не ограничивается рамками одной страны. Например, кинокомпании и иные правообладатели аудиовизуальных произведений заинтересованы в продвижении своих продуктов и получении прибыли от их коммерческой реализации по всему миру и с этой целью они вступают в договорно-правовые отношения с иными лицами из других стран. Невозможно представить и научно-техническое сотрудничество без международных отношений по поводу использования тех или иных объектов патентного права и иных результатов интеллектуальной деятельности.

На международном уровне отсутствует единообразное понимание термина интеллектуальная собственность. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS), 1994 (с изм. от 06.12.2005) под интеллектуальной собственностью понимает объекты, а не права, в то время как Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности, 1967 (с изм. от 02.10.1979) относит именно права к интеллектуальной собственности.

В соответствии с п. 1 ст. 9 Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений, 1886 (ред. от 28.09.1979) авторы литературных и художественных произведений пользуются «исключительным правом разрешать».. перевод, воспроизведение, публичное представление, передачу

произведения в эфир, переработку произведения и другие. Статья V Всемирной конвенции об авторском праве, пересмотренной в 24.07.1971 г. устанавливает, что авторское право включает «делать и выпускать в свет переводы и разрешать делать и выпускать в свет переводы произведений».

Как указывает Луткова О. В., когда обладатель исключительных прав на объект интеллектуальной собственности в государстве его происхождения разрешает использование этого объекта другому лицу на территории иностранного государства, основным режимом для регулирования исключительных прав на произведение остается национальный режим принимающих государств и статус правообладателя в разных юрисдикциях может отличаться. Объем и содержание исключительных прав на одно и то же произведение в разных государствах могут не совпадать [10, с. 29].

В настоящее время в доктрине используют термин трансграничная передача прав на объекты интеллектуальной собственности, подразумевая под такой передачей «сделку, осложненную иностранным элементом, при которой происходит столкновение правовых систем разных государств, личными статутами которых и обладают стороны данных отношений» [11, с. 121].

Договор об отчуждении исключительного права наряду с лицензионным договором является наиболее распространенным видом договоров в сфере трансграничного использования авторских прав.

В соответствии с п. 1 ст. 1234 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) под договором об отчуждении исключительного права понимается договор, по которому правообладатель обязуется передать другой стороне исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации в полном объеме. В соответствии с правом большинства государств юридическая возможность полного перехода исключительных прав на произведение от автора к другим лицам не предусмотрена или существенно ограничена либо понимается иначе.

Так, по Закону об авторском праве 1976 г. в США полная уступка исключительных авторских прав возможна, однако ее продолжительность не может превышать 35 лет, а в соответствии с законодательством Великобритании и Королевства Нидерландов авторское право может быть передано уступкой, завещательным распоряжением или по закону как личная или движимая собственность. При этом уступка авторского права может быть не только полной, но и частичной, то есть в отношении отдельных исключительных правомочий [10, с. 33], что напоминает условия лицензионного договора по праву Российской Федерации. Однако, это приводит к конфликту квалификаций договоров в российской и иностранных юрисдикциях при регулировании трансграничных договорных отношений и рассмотрении споров.

Во Франции в соответствии с Кодексом интеллектуальной собственности полная уступка автором права на использование произведения третьим лицам возможна, но ограничена тем, что даже в случае состоявшейся уступки автором права использования произведения другому лицу и даже после публикации произведения за автором сохраняется право отзыва произведения [8, с. 48].

В Китае отчуждение исключительных авторских прав не предусмотрено, обладатель авторских прав с целью получения вознаграждения может передать организации по коллективному управлению авторскими правами полномочия по управлению своими исключительными правами [7, с. 357].

В мировой практике чаще всего используются лицензионные договоры, так как их условия позволяют правообладателю не утрачивать исключительное право на тот или иной результат интеллектуальной деятельности, передавая лишь определенную им самим часть прав на его использование.

В настоящее время существуют позитивный и негативный подходы к формулированию определения лицензионного дого-

вора. Позитивный подход характерен в основном для России, Франции и др. [9, с. 163–171]. В соответствии с таким подходом лицензиар наделяет лицензиата правом использовать определенным образом и в определенном объеме принадлежащий лицензиару результат интеллектуальной деятельности.

Негативный подход характерен для Великобритании и США. В праве США понятие лицензионного договора формулируется как соглашение, по которому патентообладатель обязуется «не преследовать лицензиата за использование запатентованного объекта». Особенность лицензионного соглашения в США — в ограничении круга объектов интеллектуальной собственности, права на которые могут быть переданы по лицензии, исключительно патентуемыми объектами [10, с. 30].

Наиболее распространенной конструкцией лицензионного договора является реальный договор (Франция, Китай, Япония), однако в некоторых странах закреплена конструкция консенсуального договора (США) либо формулировка лицензионного договора закрепляется таким образом, что «момент заключения» договора может быть истолкован неоднозначно (Россия) [9, с. 165].

Для квалификации договоров в российской юрисдикции серьезную роль играют обобщения судебной практики, содержащиеся в актах высших судебных органов. Так, в соответствии с п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» договор, предусматривающий отчуждение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, но в то же время вводящий ограничения (например, по срокам, территории, способам использования соответствующего результата или средства) либо устанавливающий срок действия этого договора, с учетом положений ст. 431 ГК РФ может быть квалифицирован судом как лицензионный договор.

Таким образом, из вышесказанного следует, что у стран с разными правовыми системами отсутствует единое понимание договоров об отчуждении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и лицензионных договоров. При заключении упомянутых соглашений с иностранными правообладателями важно учитывать указанные расхождения в правовых системах, так как в дальнейшем они могут повлиять на ход судебных разбирательств в трансграничных отношениях.

Литература:

1. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений, 1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров, № 9, 2003.
2. Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности, 1967 (с изм. от 02.10.1979) // СПС Консультант Плюс.
3. Всемирная конвенция об авторском праве (пересмотренная в Париже 24 июля 1971 года) // Бюллетень международных договоров, № 1, 2014.
4. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS), 1994 (с изм. от 06.12.2005) — вступило в силу для Российской Федерации 22.08.2012; 22.09.2017 // Собрание законодательства Российской Федерации», 2012, № 37.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 16.06.2022) // Российская газета», № 289, 2006

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, 2019.
7. Бужинская Е. В., Васильев А. С., Губарева А. В. и др. 100 вопросов о российском и китайском праве. Краткое сравнительно-правовое исследование гражданского и торгового права / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. А. Степанова, Ю. Фейтао. М.: Проспект; Институт частного права, 2014. 512 с.
8. Еременко В. И. Законодательство об интеллектуальной собственности во Франции // Законодательство и экономика. 2010. № 11. С. 46–56.
9. Канашевский В. А. Лицензионный договор в законодательстве и практике зарубежных стран // Закон. 2011. № 12. С. 163–171.
10. Луткова О. В. Договор отчуждения исключительных прав и лицензионный договор в трансграничных авторских отношениях. // «ИС. Авторское право и смежные права», 2017, № 10. С. 27–34.
11. Шахназаров Б. А. Система правового регулирования трансграничных отношений в сфере промышленной собственности. Терминологические аспекты. // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7 (128). С. 110–124.

Пути повышения эффективности договорных отношений по поставке товаров, выполнению работ и оказанию услуг для государственных и муниципальных нужд

Чепурко Артем Вадимович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

С 1 января 2022 г. в силу вступил Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который внёс многочисленные изменения в механизм осуществления поставки товаров для нужд государства и муниципалитетов, затронув, в частности, способы закупок, правила проведения аукционов, обеспечения обязательств и др. Однако при вступлении в силу данного закона были выявлены проблемы, требующие немедленного устранения.

Ключевые слова: гражданское право, договор поставки, товар, муниципальные нужды, государственные нужды, ответственность, административные элементы, государство.

Ways to improve the effectiveness of contractual relations for the supply of goods, performance of works and provision of services for state and municipal needs

On January 1, 2022, Federal Law No. 360-FZ of July 2, 2021 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» entered into force, which introduced numerous amendments to the mechanism for the supply of goods for the needs of the state and municipalities, amending in particular, procurement methods, auction rules, enforcement of obligations, issuing obligations etc. However, upon the entry into force of this law, some problems were identified that require immediate elimination.

Keywords: civil law, supply contract, goods, municipal needs, state needs, responsibility, administrative elements, state.

В первую очередь нужно отметить, что часть проблем, возникающих на практике, можно решить без внесения изменений в закон. Речь идёт о том, что стороны контракта могут включать в содержание договора дополнительные, конкретизирующие условия. Например, о том, что стороны будут понимать под недобросовестным исполнением контракта, и какие именно из них будут влечь за собой право на одностороннее расторжение договора [5].

Что касается совершенствования законодательства, то в развитии нуждаются прежде всего положения закона о неустойках.

Отныне ФЗ «О контрактной системе» предусматривает, что одним из условий контракта может быть положение о неустойке: заказчик вправе удержать сумму требований об уплате неустойки, неисполненных поставщиком, из суммы, подлежащей

оплате поставщику (ч. 14 ст. 34). Тем самым у заказчика появляется возможность самостоятельно удерживать пени или штраф.

Текущие правила определения размеров штрафа и пени не в полной мере учитывают специфику исполнения государственных (муниципальных) контрактов.

Здесь можно согласиться с предложением Д. М. Павлова. Он предлагает следующее. В нормативно-правовом акте, где идёт речь о размерах неустойки, нужно закрепить дополнительные правила, которые будут действовать отдельно для договоров поставки, для подрядов и для договоров по оказанию услуг. Применительно к первым предлагается уточнить порядок определения размера неустойки, а именно: исходить не из общей цены контракта на строительный подряд, а из действительного объёма работ, выполненных подрядчиком. Для этого можно использовать акты о приёмах выполненных работ, под-

писываемые заказчиком по завершении каждого этапа исполнения подряда [8].

Думается, что правовое регулирование неустоек как меры гражданско-правовой ответственности может быть улучшено и другими путями. Нужно учитывать, что нередко контракты заключаются с поставщиками редких, инновационных, уникальных товаров (соответственно, они могут быть монополистами) [4]. Очевидно, что в некоторых случаях применение к ним штрафных санкций может стать проблемным, ведь такой подрядчик в будущем может отказаться заключать новые контракты. Тогда заказчики могут остаться без нужных товаров, работ и/или услуг.

Поэтому предлагается использовать дифференцированный подход к взысканию неустоек, который может быть выражен, например, в возможности предоставить определённым группам исполнителей контрактов рассрочек и отсрочек для того, что оплатить неустойку.

Ещё один возможный путь развития института неустоек применительно к контрактной сфере — это сделать штрафные санкции зависимым от сроков исполнения контрактов [7]. Дело в том, что для исполнителей контрактов с короткими сроками риски меньше, так как цены таких контрактов, как правило, меньше, равно как и затраты для их исполнения. Поэтому аналогичные меры (возможность рассрочки и отсрочки) можно распространить на многолетние контракты.

Другое направление совершенствования законодательства — это развитие способов обеспечения исполнения обязательств по государственным (муниципальным) контрактам. С одной стороны, они не являются мерами гражданско-правовой ответственности. С другой, благодаря им уменьшается риск того, что сторона контракта может нарушить свои обязательства. Иными словами, меры обеспечения носят превентивный характер, влияя тем самым и на гражданско-правовую ответственность.

Здесь можно согласиться с мнением М. В. Белобородова. Он предлагает правки в ст. 45 ФЗ «О контрактной системе», суть которых — сделать срок действия независимой гарантии после окончания исполнения контракта дольше. Это нужно, чтобы гарантировать добросовестность исполнителей при выполнении работ по строительному подряду для государственных (муниципальных) нужд. Ведь многие нарушения по данному виду контракта обнаруживаются спустя время после того, как контракт исполнен. Соответственно, увеличение срока действия гарантии направлена на обеспечение интересов заказчика, а также общества (например, если речь идёт о строительстве больниц, школ и других социально значимых объектов).

Однако замена банковской гарантии на независимую, напротив, привела к сокращению действия данного способа обеспечения обязательств в два раза: с двух месяцев до одного.

В ст. 373 ГК РФ предусматривается подобная возможность выдавать предварительную гарантию, где указывается начало срока её действия. Однако, несмотря на урегулирование этого вопроса в гражданском законодательстве, в специальном законодательстве о контрактах такое условие отсутствует.

Тем не менее, несмотря на императивное закрепление существенных условий независимой гарантии, сегодня законо-

датель не предусмотрел вопрос о последствиях невключения в гарантию определённых существенных условий (например, недействительность гарантии, отсутствие возникновения гарантийного обязательства и пр.), которые имеют практическое значение [2].

На рынке публичных торгов, где контракт действует до полного исполнения сторонами своих обязательств, законодатель связывает срок действия банковской гарантии именно с конечным сроком поставки товара, выполнения работ или оказания услуг, и не более.

Также думается, что было бы целесообразным предусмотреть в законодательстве о контрактах правило, согласно которому в конкурсную документацию допустимо включать требование о необходимости предоставления предварительного договора с гарантом на предоставление банковской гарантии в случае победы участника на торгах. Это позволит заказчику реально оценивать возможность платёжеспособности потенциального исполнителя.

Теперь необходимо рассмотреть вопрос о совершенствовании института обеспечения в рамках гражданско-правовой ответственности. Как отмечалось выше, одна и та же мера может представлять собой и меру ответственности, и меру обеспечения (например, односторонний отказ от исполнения контракта, неустойка).

По мнению Л. М. Пахомовой, эти меры образуют единую систему ответственности сторон государственных (муниципальных) контрактов. Она предлагает все меры, которые указаны в ФЗ «О контрактной системе», чётко разделить на две группы: на меры ответственности и на обеспечительные меры. То есть устранить возможность применять одну и ту же меру с разными функциями.

Для этого, согласно предложению исследователя, нужно сделать следующее. В ФЗ «О контрактной системе» должен быть отражён механизм работы с обеспечением исполнения контракта в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств со стороны участника, более чётко разделив конструкцию обеспечения исполнения обязательств и механизм ответственности за неисполненное обязательство по контракту.

В качестве аргумента выделения отдельной значимости обязательств в системе контрактных отношений высказывается идея о том, что неисполнение таких обязательств или ненадлежащее их исполнение чревато более серьёзными не только юридическими, но и социальными последствиями.

Следует согласиться с тем, что, если результатом нарушения обязательств по контракту станет, например, поставка некачественных лекарств, продуктов или других важных предметов, то это может угрожать нормальной работе учреждений. Можно привести много других подобных примеров. Так, если дорога была отремонтирована не вовремя, то могут возникнуть риски нарушения нормального функционирования многих граждан, организаций и даже населённого пункта.

Если отталкиваться от этого, то идея разграничивать механизмы обеспечения обязательств по контракту от мер гражданско-правовой ответственности видится в целом целесообразной.

Соответственно, установление возможности удержания всего обеспечительного платежа и взыскания денежной суммы у банка за неисполнение или ненадлежащее исполнение любого или в целом неисполненного обязательства сможет привести к созданию большей надёжности выполнения условий контракта в системе контрактных отношений. Такой механизм может быть подкреплён более жёстким, интенсивным контролем работы заказчиков с обеспечительными механизмами, не позволяющими такой механизм использовать для неконкурентных целей [6].

Вообще, в современной науке гражданского права предлагается множество путей совершенствования договорных отношений по поставке товаров, выполнении работ и оказании услуг для государственных и муниципальных нужд. Один из них — это распространение на контрактные правоотношения большего числа принципов гражданского права, в том числе тех, что в ГК РФ не закреплены.

Например, некоторые исследователи говорят о том, что к исследуемым правоотношениям могут быть применён такой принцип, как экономичность. Он заключается в том, что исполнитель (поставщик, подрядчик) должен выбирать такой способ исполнения контракта, который является самым экономным, рациональным [1]. Ещё одно проявление рассматриваемого принципа состоит в том, что стороны контракта должны исполнять свои обязанности по договору так, чтобы это было как можно более выгодным для другой стороне.

На первый взгляд идея о распространении принципа экономичности на договорные отношения в контрактной сфере ви-

дится целесообразной. Ведь она отражена в некоторых нормах ГК РФ, так или иначе касающихся контрактов. Так, согласно п. 1 ст. 713 ГК РФ, материал, который был предоставлен подрядчику, должен быть использован как можно более расчётливо и экономно. Гарантией реализации этого принципа является обязанность подрядчика отчитаться перед заказчиком о том, как материал был израсходован, а также обязанность возврата оставшегося материала [3].

Ещё один аргумент в пользу этого принципа — контрактная сфера содержит нормы, которые также говорят о том, чтобы контракт исполнялся как можно дешевле. В принципе, на этом базируется такой способ определения исполнителя контракта, как аукцион.

Однако нужно отметить, что принцип экономичности не полностью подходит для контрактной сферы по следующим причинам.

Во-первых, контрактная система направлена на удовлетворение в первую очередь потребностей государства (муниципальных образований), а не на то, чтобы сэкономить бюджетные средства. Излишняя экономия может привести к снижению эффективности исполнения контрактов.

Во-вторых, цена контракта является твёрдой, то есть не может быть изменена сторонами. Это значит, что действия исполнителя не смогут повлиять на цену в сторону снижения, даже если он будет действовать максимально экономно: у заказчика нет обязанности снизить цену контракта. Следовательно, принцип экономии выгоден и полезен только для исполнителей, но не для заказчиков [9].

Литература:

1. Ананьева К. Я. Новые подходы к определению состава принципов исполнения обязательств // Юридическая наука. 2016. № 10. С. 26.
2. Галицкая А. А. Ответственность заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по контракту // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3 (52). С. 109.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: в ред. от 9 марта 2021 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Губенко Е. С. Контрактная система в публичных закупках: Учебно-практическое пособие. М.: РГУП, 2016. С. 340.
5. Дмитриева М. С. Особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение государственного контракта // Проблемы права. 2019. № 1 (70). С. 39.
6. Иванов Г. Г. Современная контрактная система России (сфера госзакупок): учебное пособие. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2020. С. 130.
7. Кондаков А. А. Проблемы гражданско-правового регулирования договора поставки товаров для государственных нужд // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 5 (57). С. 360.
8. Павлов Д. М. Указ. соч. С. 91.
9. Степанова Е. Е. Особенности гражданско-правовой ответственности по государственным (муниципальным) контрактам // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 3. С. 29.

ИСТОРИЯ

Газета «Правда» как источник советской пропаганды

Макеев Василий Олегович, студент

Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского

Рассматриваются вопросы влияния массового советского печатного издания газеты «Правда» на идеологию и мотивацию народов СССР в различные исторические периоды.

Ключевые слова: газета, идеология, массовая информация, пропаганда.

«Pravda» newspaper as a source of Soviet propaganda

The issues of the influence of the mass Soviet printed edition of the newspaper Pravda on the ideology and motivation of the peoples of the USSR in various historical periods are considered.

Keywords: newspaper, ideology, mass information, propaganda.

Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии (1941–1945 гг.) явилась переломным событием в мировой и российской истории. Немаловажную роль в победу внесла и советская пропаганда, посредством которой государство оказывало серьезное мотивационное и мобилизирующее воздействие на народы Советского Союза.

Деятельность советской пропаганды предвоенных лет, направленная на формирование образа нацистского режима, представляет несомненный интерес. Изучение данной темы дает возможность проследить эволюцию господствовавших установок советского руководства в оценке идеологических основ и политических реалий этого враждебного большевизму режима, определявших характер функционирования деятельности пропагандистских структур СССР на фоне сложных и неоднозначных советско-германских отношений кануна Второй мировой и Великой Отечественной войн.

В период новейшего времени средства массовой информации стали удовлетворять тягу человека к знаниям о мире в ежедневном формате. Потребитель, начиная с XX века, получил возможность ежедневно создавать образы тех или иных явлений благодаря средствам массовой информации (далее — СМИ). Это привело к тому, что представители власти начали использовать данный механизм в целях пропаганды нужных для политической конъюнктуры идей и выстраиванию отношения к различным странам посредством использования в новостной повестке ярких образов, связанных с реальными личностями, движениями, событиями и странами. В конечном итоге, это формирует отношение простого человека как к окру-

жающему миру, так и к тем объектам, на которые СМИ обращают особое внимание.

«Процесс пропаганды в Советском Союзе являлся результатом целенаправленного действия Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и осуществлялся в таких формах, как печать, радио, художественная литература, театр, кино, изобразительные искусства» [2, с. 92]. В первой половине XX века для советского человека одним из самых важных источников информации была именно газетная печать, из которой он имел возможность узнавать о положении внутри страны, об основных политических, экономических событиях, об официальном отношении партии к тем или иным явлениям и о том, что происходило за пределами СССР. Таким образом, советский человек мог из одного источника информации сформировать представление о том, что происходит в мире.

Говоря о советской печати, необходимо сказать, что «первое место в ряду печатных изданий вплоть до конца 1980-х гг. занимала газета «Правда», материалы которой позволяют выявить, каким образом и в каком направлении действовал механизм официальной советской пропаганды» [2, с. 92]. Именно благодаря изучению новостных газетных источников в контексте конкретного исторического периода, мы можем открыть основные тенденции политики внешней политики Советского Союза в отношении других стран.

Особенно интересным для нас является изучение эволюции образа Германии на страницах газеты «Правда» в конкретные исторические периоды.

Изучение исторических событий, а также характерных для исторической эпохи явлений и процессов невозможно без исторических источников, которые хранят в себе ценную контекстную информацию об историческом периоде и «являются основой любого исторического исследования» [3, с. 73]. Важной формой исторического источника для нас является периодическая печать, благодаря которой исследователи могут выделить определенные тенденции, раскрывающие официальную политику государств в отношении тех или иных политических течений, исторических деятелей и явлений. Вся информация фиксируется на страницах газет, что позволяет сохранить в истории не только хронику событий прошлого, но и образы, которые в этот промежуток оказывали влияние на восприятие читателя.

Газета «Правда» — советская и российская газета, основанная лидером РСДРП (б) В. И. Лениным в 1912 году. На протяжении существования Советского Союза данная газета являлась основным печатным средством массовой информации и была признана самым влиятельным изданием на территории СССР. Основным языком газеты являлся русский.

«Правда» относится к группе письменных источников. По своей видовой принадлежности она является представителем периодической печати. «Периодическая печать как источник напрямую »зависит от породившей его социальной действительности. Источниковедение ставит задачу познать источник как явление общественной жизни, как исторический факт». Публикации в СМИ обладают особой формой и содержанием, поскольку обусловлены её практическим назначением в жизни общества. То, что потом стало исторической информацией, зафиксированной в исторических источниках, справедливо замечает О. М. Медушевская, первоначально являлось информацией, необходимой для удовлетворения практических нужд» [3, с. 74]. Таким образом, одной из основных задач периодической печати является формирование определенного мнения на тот или иной вопрос в обществе, что служит в первую очередь пропагандистским целям заинтересованных лиц, в нашем случае, советского государства.

При анализе материалов периодической печати газеты «Правда» можно выделить информационные материалы, которые содержат конкретные фактические сведения, а также аналитические данные. При более подробном изучении можно выделить следующие разновидности информационных материалов газеты:

1) Официальная информация о партийных съездах, мероприятиях, митингах, о важных судебных процессах, постановлениях органов власти, официальные фотоснимки. Помимо этого, в газете содержались статьи государственных деятелей, тексты выступлений известных политиков и некрологи.

2) Основной информационный материал газеты «Правда» состоял из ежедневных обзоров происходящих событий, сообщений корреспондентов из разных точек СССР и мира, интервью, репортажей, анализа статей зарубежных газет. Данный вид материалов является основным содержанием газеты и обеспечивает основную новостную повестку, содержащуюся на страницах печатного издания.

3) Редакционные материалы, в которые входили передовицы и различные редакторские статьи по актуальным для советского общества вопросам.

4) Художественно-публицистические материалы, в которые входили анекдоты, очерки, стихи, рассказы, а также памфлеты, фельетоны и карикатуры. Данные материалы создавали разнообразие в новостном изложении и усиливали за счет эмоциональных и художественных средств воздействие на читателя, вследствие чего газеты обладают определенной художественной ценностью в контексте изучения данного исторического периода. Необходимо отметить, что карикатуры в газете «Правда» занимают особое место в контексте изучаемого периода.

5) Письма. Данный вид материала позволял изложить ситуацию о том или ином напрямую из уст непосредственного участника актуальных событий.

6) Реклама советских товаров, культурно-развлекательных событий и заведений.

7) Аналитические материалы — авторский анализ событий. В эту группу могут входить статьи, очерки, рецензии и корреспонденции. Эти материалы формируют отношение советского читателя к определенным событиям, фактам и явлениям.

Необходимо отметить основные функции газеты «Правда» как исторического источника:

1) Структурирование общественного мнения. Газету «Правда» можно назвать главным представителем советской периодической печати. По этой причине информация, представленная на страницах данного исторического источника, может быть рассмотрена именно в качестве определенной реакции советского общества на внутренние и внешние события исторического процесса.

2) Идеологическая функция. «Что касается советской официальной информации о внешнем мире, можно с уверенностью говорить, что уже в 1920-е годы пропаганда была ориентирована на создание »правильной« картины мира». Статьи газеты наполнены информацией о знаменательных датах для советского общества и мирового коммунистического движения, о пролетарской борьбе как внутри СССР, так и за рубежом, а также об успехах деятельности советского руководства и проблемах капиталистического мира [1, с. 51].

3) Информационная. Главной задачей газеты является информирование советских граждан о событиях, происходящих в мире. В связи с этим, читатели имеют возможность ежедневно узнавать о новостях последних дней.

При характеристике газеты «Правда» можно выделить следующие важные черты данного исторического источника:

1) Оперативность опубликованной информации. Данные, которые публиковались в газете, в основном освещали актуальные события. Они происходили либо в день выхода газеты, либо спустя небольшой промежуток времени (1–2 дня), не считая памятных дат и юбилеев, которые освящались непосредственно в день данного события.

2) Сильная зависимость информационной политики газеты от целей партийного руководства ВКП (б). Это выразилось в том, что «Правда» освящала события внешней и внутренней политики с точки зрения коммунистической идеологии, для которой буржуазные элементы являлись противни-

ками, из-за чего их действия трактовались сугубо в негативном свете, а идеологические сторонники активно поддерживались на страницах прессы.

3) Комплексное освещение внутренней и внешней политики. Газета «Правда» в ежедневном формате предоставляла советскому читателю главную информацию, связанную с акту-

альными вопросами жизни Советского союза. Это выразалось в том, что при освещении внутренних вопросов.

Таким образом, газета «Правда» является важным источником для изучения основных исторических событий советской истории, особый интерес она представляет в контексте эволюции образа Германии в советской пропаганде.

Литература:

1. Голубев А. В. Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 годах: монография / А. В. Голубев. — 2-е изд., исправ. и доп. — Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. — 289 с.
2. Григорьева О. И. Эволюция образа Германии в советской пропаганде: контент-анализ материалов газеты «Правда» (январь 1933 — июнь 1941 г.) / О. И. Григорьева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 61. — С. 92–97.
3. Никаев Х. Р. Материалы периодической печати как исторический источник / Х. Р. Никаев // Социально-гуманитарные знания. — 2013. — № 9. — С. 73–80.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Особенности государственного регулирования экономического развития регионов

Красников Александр Сергеевич, студент
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В условиях мирового экономического кризиса и санкционного давления со стороны зарубежных стран, государственное регулирование экономического развития регионов является одной из приоритетных задач правительства страны. В статье рассмотрены основные проблемы и направления государственного регулирования экономики регионов в Российской Федерации.

Государственное регулирование экономического развития регионов, является актуальной темой для рассмотрения в настоящий момент времени. Данный факт обусловлен широким спектром угроз, которые оказывают отрицательное влияние на развитие национальной экономики. Ключевым отрицательным фактором являются санкции зарубежных стран, которые были введены в отношении отдельных отечественных предприятий и отраслей народного хозяйства. По этой причине ограничен экспорт товаров и услуг на международный рынок, а также наблюдаются сложности с импортом высокотехнологичной продукции. А в этих условиях государство стремится сгладить влияние отрицательных факторов на экономическое развитие регионов страны.

Проведем теоретический обзор основных подходов к трактовке понятия государственное регулирование экономики.

Ходов Л.Г. дает следующую трактовку рассматриваемого понятия: «целенаправленный процесс, обеспечивающий поддержание или изменение экономических явлений и их связей» [2, с. 88].

Ягудмова Д.М. предлагает следующее определение: «государственное регулирование экономики как »деятельность органов государственной власти по воздействию на процесс общественного воспроизводства в целях достижения общественно полезных результатов» [4, с. 212].

Вахромов Е.Н. следующим образом трактует данную категорию: «деятельность (воздействие) государства в лице его органов, направленную на упорядочение отношений в рыночной экономике и предпринимательстве, которая базируется на определенном образом сформулированной и закрепленной государственной экономической политике» [1, с. 107].

Вмешательство государства в экономическое развитие обусловлено диспропорциями функционирования рыночной экономики. Данной модели характерны такие отрицательные черты как инфляция, безработица, циклические кризисы. Все эти факторы, приводят к необходимости вмешательства государства для нивелирования их отрицательного влияния.

Методы государственного регулирования развития региональной экономики, представлены на рисунке 1.

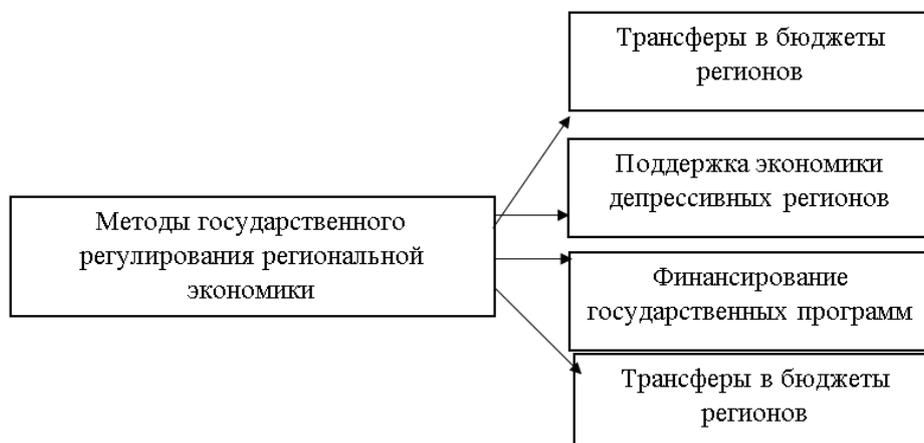

Рис. 1. Методы государственного регулирования региональной экономики

Петросянц В.З., Петросянц Д.В., Дохолян С.В., Шахтаманова Л.Г. отмечают следующее: «механизм регулирования социально-экономического развития того или иного региона может быть представлен как целевая комплексная программа, реализация которой осуществляется по многим направлениям в виде конкретных подпрограмм (проектов) отраслевого и функционального характера. При этом нельзя не отметить и то, что процесс реализации любой подпрограммы (проекта) и комплексной программы в целом становится наиболее эффективным и результативным в условиях объединения усилий и возможностей всех уровней власти (местной, региональной и федеральной), предпринимательских структур и институтов регионального развития на основе принципов федерализма, социальной значимости и рентабельности государственно-частного партнерства» [2, с. 12].

Государственное регулирование экономики регионов в Российской Федерации имеет ряд характерных особенностей. В первую очередь, это связано с значительной протяженностью территории страны. Поэтому требуется колоссальный объем финансовых ресурсов, чтобы сбалансировано развивать экономику каждого отдельно взятого региона. При этом экономики регионов страны значительно отличаются своими климатическими условиями, ресурсным обеспечением, а также уровнем развития инфраструктуры. Поэтому модель государственного регулирования для каждого от-

дельно взятого региона должна прорабатываться индивидуально.

Второй особенностью является переходный тип экономического развития Российской Федерации. Рыночная форма организации хозяйственной деятельности функционирует в нашей стране всего лишь на протяжении 30 лет. Поэтому еще не выработаны необходимые институциональные механизмы балансирования государственного вмешательства в экономическое развитие регионов.

Однако в настоящий момент времени применяется ряд эффективных инструментов, которые позволяют государству направлять экономическое развитие регионов и нивелировать отрицательные последствия функционирования рыночной модели экономики.

Необходимо заключить, что государственное регулирование экономического развития регионов является обязательным условием стабильности функционирования отечественной экономики. Санкции зарубежных стран создают существенные проблемы для функционирования отечественных предприятий, что создает предпосылки для субсидирования отраслей народного хозяйств. Также важно создать институциональные условия для развития инновационных процессов как ключевого фактора развития конкурентоспособности отечественных предприятий. Обозначенные мероприятия позволят нивелировать влияние отрицательных факторов на региональное экономическое развитие.

Литература:

1. Вахромов Е. Н. Региональная экономика в многоуровневой структуре рыночной экономики/Е. Н. Вахромов //Вестник Иркутского государственного университета. 2018. — № 2. — С. 26–30.
2. Петросянц В. З., Петросянц Д. В., Дохолян С. В., Шахтаманова Л. Г. Механизм регулирования регионального развития: особенности формирования и алгоритмизации// Экономика и управление. — 2018. — № 8. — с. 8–13.
3. Ходов Л. Г. Государственное регулирование национальной экономики: учебник. М.: Экономистъ. — 2015. — 618 с.
4. Ягумова Д. М. Государственное регулирование рыночной экономики// Экономика и бизнес. — 2019. — № 3. — с 212–214.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 27 (422) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 20.07.2022. Дата выхода в свет: 27.07.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.